

АГЕНТСТВО ОХРАНЫ "МЕЛ" ВНУТРЕННЯЯ ОХРАНА
- Мы защитим все,
чем вы дорожите

ЭЛЕМ КУЗНЕЦОВ

АГЕНТСТВО ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Элем Кузнецов

Агентство особого назначения

«Автор»

2026

Кузнецов Э.

Агентство особого назначения / Э. Кузнецов — «Автор», 2026

Жизнь директора охранного агентства Сергея Голицына до поездки в Москву на ежегодную конференцию была четко распланирована и загружена решением текущих проблем. Встреча с полковником Григорьевым – заместителем начальника одного из самых закрытых управлений спецслужбы и предложение, сделанное им Сергеем, круто изменило как жизнь самого Голицына, так и деятельность его предприятия, в составе которого появилось новое подразделение.

© Кузнецов Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Элем Кузнецов

Агентство особого назначения

Глава

Глава первая. Провокация

«... Если Кирпич вор, он должен сидеть в тюрьме,

и людей не беспокоит – каким способом я туда его упрячу.

Вор должен сидеть в тюрьме, верно?

Вот что людей интересует...»

(«Место встречи изменить нельзя», капитан Глеб Жеглов)

Группа бойцов после короткого совещания в офисе спустилась вниз на парковку перед деловым центром и стояла около микроавтобуса, ожидая, когда командир присоединится к ним и можно будет ехать в бассейн. В этот день для обычных посетителей он был закрыт на техническое обслуживание, но администрация спорткомплекса разрешила им провести трехчасовое занятие по погружению с аквалангами. Солнце поднялось уже высоко и термометр на мониторе над входом в здание показывал плюс 25. По многолетней сложившейся традиции гидрометеоцентр с утра озвучил прогноз погоды, в котором самонадеянно пообещал горожанам пасмурное утро, резкие порывы ветра и, местами, дожди. При этом скромно не стал указывать конкретные места, где эти прогнозы могут реализоваться.

Торгово-офисный центр «Кассиопея», у входа в который стояли парни, представлял из себя шестнадцатиэтажное здание из стекла и бетона, возведенное пару лет назад практически в самом центре города на месте странным образом разрушившегося двухзального кинотеатра и примыкающего к нему заброшенного сквера. В советское время кинотеатр служил очагом культуры областного центра, а после распада СССР он очень тихо закрылся, а потом и вовсе исчез, оставив после себя только фундамент. На тему кто и как этому поспособствовал – ходили разные слухи, особенно учитывая, что кирпич в те времена был в дефиците, а ОБХСС – в полной прострации в связи с исчезновением социалистической собственности и невозможностью определиться – с кем надо бороться и что именно защищать. Пустующий участок в самом центре города привлекал внимание потенциальных перекупщиков, особо ловкие «бизнесмены» пытались организовать его приватизацию с последующей продажей. Мэрия, выждав многолетнюю паузу, объявила конкурс на лучший инвестиционный проект и по его итогам выбрала столичного застройщика, пообещавшего возвести деловой центр и облагородить прилегающую территорию. Вопреки традиционному скептицизму местных жителей, московский инвестор в полном объеме выполнил все, что было предписано контрактом, и прилегающая к офису территория стала одним из любимых мест отдыха горожан.

Несмотря на высокую арендную плату, установленную владельцами, найти свободное помещение в здании было достаточно сложно. Наличие офиса в «Кассиопее» позиционировалось в деловом мире Средневолжска как показатель солидности организации, и поэтому аренда помещений была расписана на год вперед. Кроме хорошей внутренней планировки и замечательного вида из панорамных окон, арендаторов привлекала современная система охраны, установленная в здании и поддерживаемая собственной службой безопасности.

Перед зданием был разбит сквер с высаженными фруктовыми деревьями, в центре которого размещался фонтан, а по обеим сторонам пешеходных дорожек, расходящихся лучами от фонтана, стояли винтажные скамейки, на каждой из которых была прикреплена табличка с названием одного из городов Российской империи. На небольшой площадке, с которой открывался фантастический вид на Волгу, расположились несколько киосков, продающих мороженое, выпечку и сувениры, а также небольшая кондитерская с уютным залом на полсотни мест. Как ни странно, офисный центр, органично вписавшись в окружающий пейзаж, стал действительно украшением центральной части города, страдающего от хаотичной точечной застройки, на которой старались нажиться отдельные чиновники городской администрации, непонятно каким образом попавшие на свои должности. Московский бизнесмен, вложившийся в его строительство, искренне верил, что Средневожск со временем станет центром деловой активности всего Поволжья. Но пока его прогнозы не торопились сбываться.

Парни немного постояли около машин, а затем решили отойти к фонтану и, бросив сумки на траву, стали любоваться игрой солнечных бликов, попадающих на водяные струи и образующих небольшие радужные полукружия. Скамейки вокруг фонтана были заполнены молодыми мамами, гуляющими с детьми, студентами юридического факультета университета, расположенного на соседней улице и компанией молодежи со скейтбордами в руках, что-то оживленно обсуждающими и весело хохочущими над пареньком, пытающимся выполнить какой-то несложный трюк на доске.

- Что-то командир задерживается, - посмотрев на наручные часы, произнес один из бойцов – высокий молодой парень атлетического телосложения, одетый в темно-синий спортивный костюм, которого остальные бойцы звали Гуроном - так и сгореть можно на солнцепеке.

- А ты сядь под навес, - предложил кто-то из его приятелей.

- Или разденься до плавок, - ехидно высказался невысокий худощавый парень с постоянной улыбкой на лице, - и ложись здесь загорать прямо возле фонтана на радость женскому полу и зависть мужскому.

В группе раздался негромкий смех, атлет хотел что-то ответить, но в это время возле центрального входа бизнес-центра резко затормозила темно-синяя пассажирская «Газель» с тонированными стеклами, и оттуда выскочили несколько человек в черной униформе и масках с автоматами наперевес. Вслед за ними вальяжно и неторопливо вылезли двое мужчин в костюмах и галстуках, которые в эту жару казались абсолютно неуместными. Группа вошла в вестибюль и, миновав охрану, проследовала к лифтам. Вся эта картина настолько напоминала сцену из каждого второго российского детективного сериала, что все бойцы подумали практически об одном и том же.

- Что-то не нравится мне этот парад, - задумчиво произнес Гурон и, обратившись к улыбающемуся парню, добавил: - Малыш, не считай за труд, прогуляйся за этими господами и посмотри, к кому они направились со столь официальным и явно недружественным визитом.

Молодой парень, которого Гурон назвал Малышом, вмиг посерьезнел, кивнул и кинулся к стеклянным дверям, ведущим внутрь офисного центра и разъехавшимся при его приближении. Он перекинулся парой слов с охранником и, встав около лифтов, принялся смотреть на табло, а затем, дождавшись результата, сел в соседний лифт и скрылся из вида.

Владислав Преображенский, командир силового подразделения, имеющий в группе позывной «Спец», откинулся на спинку кресла, выключил компьютер, встал и сделал несколько махов руками. Пунктом дислокации его группы служил блок из трех комнат на шестом этаже офисного центра с панорамными окнами во всю стену – приемная, в которой располагалась секретарь и стояли шкафы с документацией и снаряжением, небольшой кабинет самого Спеца, обставленный мебелью в стиле хайтек и большая комната, служившая местом обитания остальных бойцов. В этой комнате стояли несколько столов, кожаный угловой диван и книжный шкаф, на полках которого можно было заметить, как папки со скоросшивателями, так и деся-

ток детективов, которые его подчиненные охотно читали во время дежурств. На стене висел большой плоский японский телевизор, от которого тянулись шнуры к видео и аудиоаппаратуре.

Выключив кофемашину и накинув легкую куртку, Спец взял с дивана черную спортивную сумку и вышел из офиса в общий коридор. Секретарь с утра повезла документы в центральный офис и поэтому, достав ключи, он принялся закрывать входную дверь. Владислав положил ключи в карман и направился по коридору к лифтовому холлу, когда увидел, как из кабины остановившегося на этаже лифта, словно горох посыпались вооруженные люди в черной форме и масках. Вслед за ними вышли двое мужчин в штатском и, увидев Преображенского, направились напрямик к нему.

- Управление по борьбе с организованной преступностью, начальник отдела экономической безопасности майор Волин, - представился обладатель красивой кожаной папки и небрежным жестом развернул удостоверение перед его лицом. Внешне майор напоминал какого-то отрицательного киногероя из отечественного сериала начала девяностых – то ли продажного мента, то ли главаря криминальной группировки. Он был мужчиной лет тридцати пяти, невысокого роста с брезгливо-недовольной гримасой на лице, его редкие темные волосы были уложены в пробор, запястье правой руки облегал тонкий золотой браслет, а на левой – красовались стильные швейцарские часы «RADO», стоимость которых превышала официальную годовую зарплату владельца. Дорогой костюм от Бриони сидел на нем некрасиво, подчеркивая недостатки фигуры – начинающий формироваться пивной живот, толстые бедра и узкие плечи. «При таком телосложении, - подумалось Спецу, - надо костюмы шить на заказ, тогда есть шанс выглядеть более презентабельно». Однако, он решил не делиться своим мнением с майором, справедливо полагая, что в этой ситуации следует придерживаться народной мудрости: «слово – серебро, молчание – золото».

Чуть позади майора стоял его более молодой коллега, одетый не столь изысканно – стандартного покроя недорогой костюм в тонкую серую полоску, темно-синяя рубашка с длинным рукавом и небрежно повязанный галстук. Сзади полукругом расположились несколько бойцов ОМОНа с короткими автоматами наперевес.

- И чем моя скромная персона обязана вниманию столь серьезной организации? – спокойно и даже чуть равнодушно спросил Владислав.

- Мы должны провести обыск в вашем офисе, - казалось, майора озадачило столь невозмутимое поведение собеседника, который, по его мнению, должен был сразу осознать надвигающуюся опасность, после чего стать послушным и кротким.

- И даже есть постановление о производстве обыска? - Спец увидел краем глаза Малыша, остановившегося у двери одного из соседних офисов и наблюдавшего за всей этой сценой. Легонько качнув головой, он дал понять, что вмешиваться не стоит и несколько раз легонько постучал по мочке уха указательным пальцем. Малыш все понял правильно и через минуту уже стоял в соседнем офисе перед знакомой секретаршей и звонил с ее телефона Максусу.

- В исключительных и безотлагательных случаях, - ответил майор снисходительным тоном, которым обычно преподаватель объясняет туповатому ученику прописные истины, - мы имеем право проводить обыск без постановления. Поэтому прошу открыть входную дверь и предъявить свои документы.

- Ну если в исключительных, да еще безотлагательных, - в голосе Спеца прозвучала чуть уловимая насмешка, - тогда прошу, - он вернулся обратно, повернул ключ в замке и, распахнув дверь, сделал сопровождающим приглашающий жест рукой.

Обыск продолжался уже пятнадцать минут, когда молодой оперативник, выдвинув один из ящиков письменного стола секретаря, довольно заулыбался и пригласил понятых подойти поближе. Понятые – работники офиса продаж минеральной воды, располагавшегося напротив, подошли и чуть смущенно посмотрели на Владислава, как бы показывая всем своим видом, что они хорошо относятся к нему, но вынуждены выполнять эти неприятные для них обязанности.

Майор выдвинул ящик на полную длину и взору окружающих предстал маленький полиэтиленовый пакет с белым порошком.

- Как Вы это можете пояснить, Владислав Игоревич? – еще раз раскрыв паспорт Спеца на странице с его фотографией, обратился он с вопросом.

Спец молча пожал плечами, не проявив при этом никаких эмоций.

- Почему-то мне кажется, - с торжеством продолжил Волин, - экспертиза покажет, что этот порошок является ничем иным, как наркотическим веществом. И Вы понимаете, какие последствия могут наступить лично для Вас.

Спец опять молча пожал плечами и равнодушно отвернулся к окну. Майора стала всерьез задевать непонятная для него реакция человека, которому ясно дали понять всю сложность его положения. Он хотел было продолжить, но в коридоре за дверью раздались голоса, вначале негромкие и спокойные, а затем более резкие и звучные. В комнату зашел боец в маске и наклонившись к уху Волина, стал ему что-то шептать. Довольное выражение лица майора быстро сменилось мрачным и он, кивнув бойцу, тихо произнес:

- Пропусти.

В офис зашел высокий лысоватый мужчина лет сорока, одетый в бежевый льняной костюм и белую майку, на ногах красовались легкие желтые мокасины. Специалист, понимающий толк в моде, сразу оценил бы стоимость этой мнимой простоты в гардеробе вошедшего в несколько сотен долларов. Дополнением к «элегантной простоте» выступал тонкий кожаный портфель одного из ведущих мировых брендов с кодовым замком и ремнем для ношения через плечо.

- Добрый день, моя фамилия Ройзман, - спокойно и уверенно произнес вошедший, открыв замок портфеля и достав из него футляр с очками в тонкой золотой оправе, а также файловую папку с документами - я адвокат Средневолжской коллегии № 1 и по договору представляю интересы господина Преображенского. Могу я узнать, что здесь происходит?

Волин нахмурился, внимательно рассматривая вошедшего. Его появление никак не вписывалось в план проведения данного мероприятия. По мнению майора, прекрасно знавшего ведущих адвокатов города, к которым без сомнения относился Ройзман, у охранника, пусть даже и занимающего какую-то руководящую должность в охранном предприятии, априори не могло быть такого высокооплачиваемого защитника.

- Здесь при свидетелях происходит выемка наркотического препарата, обнаруженного в процессе обыска и задержание лица, причастного к его хранению, - осторожно произнес Волин, видимо, упустив из виду, что перед ним стоит не репортер «желтой прессы», а юрист, досконально разбирающийся в тонкостях уголовного права.

- Вы на месте определили состав порошка? Без проведения экспертизы? – притворно удивился Ройзман, - наверное, применили органолептический метод исследования, – ехидная улыбка чуть тронула его губы, но затем лицо стало вновь серьезным, - и, кстати, а с чего Вы решили, что мой клиент имеет отношение к хранению этого порошка?

- Он находился в этом помещении, на момент проведения оперативного мероприятия, - встрял напарник Волина, решивший оказать поддержку своему начальнику.

Адвокат оценивающим взглядом окинул говорившего, недоуменно пожал плечами и вновь повернулся к Волину.

- Более чем странная позиция, а если бы на момент проведения обыска здесь была уборщица, то вы бы вменили ей статью о хранении?

- Ваш клиент задерживается до выяснения всех обстоятельств, офис опечатывается, - непреклонно заявил майор, давая понять, что аргументы адвоката на него не действовали.

Спец равнодушно пожал плечами и направился к выходу из офиса, следом за ним вышел адвокат. Малыш, стоявший в коридоре и с интересом читавший правила противопожарной безопасности, висящие на стенде, дождался, пока гости сели в лифт и спустились на первый

этаж, а затем спокойно отклеил листок бумаги с печатью, открыл ключом входную дверь офиса и вошел внутрь.

Бойцы группы, продолжавшие стоять около фонтана, увидели, как их командира в сопровождении спецназовцев посадили в «Газель», которая сразу уже отъехала от здания и скрылась за поворотом.

- Каковы наши действия? - спросил кто-то из бойцов у Гурона.

- Сейчас все узнаем, - Гурон кивнул на подбежавшего Малыша и спросил – дозвонился до кого-нибудь?

- Дозвонился до Макса, - Малыш перевёл дыхание и продолжил, - приказано ехать в центральный офис и находиться в готовности.

Телефонное общение с одним из постоянных клиентов нашего Агентства по поводу его проблем с обеспечением сохранности материальных ценностей было в самом разгаре, когда ко мне в кабинет буквально ворвался Макс и, едва успев закрыть дверь, протянул компьютерный диск.

- Погоди минутку, - бросил я ему и спешно завершил разговор, пообещав настойчивому собеседнику сегодня же проанализировать его опасения и подготовить свои предложения.

- Чтобы не терять времени, ставь сразу просмотр с двенадцатой минуты, - быстро проговорил он и, налив себе минералки, стал жадно пить. «У вас там что, в Бодуне – засуха?» – сразу вспомнился мне старый анекдот.

Диск был вставлен в DVD-привод и на мониторе возникло изображение. Примерно на двенадцатой минуте камера зафиксировала, как один из оперативников приоткрыл ящик стола и легонько протолкнул туда полиэтиленовый пакетик, предусмотрительно держа его за краешек. Еще через три минуты данный пакет был обнаружен его коллегой в присутствии понятых. Я остановил воспроизведение и недоуменно посмотрел на Макса, который уже присел на стул и, в ответ на мой взгляд, пожал плечами, как бы показывая, что сам находится в замешательстве.

- И зачем это им? – в моей голове лихорадочно прокручивались варианты, но ответа на вопрос никак не находилось.

- Сам пока не могу понять. Как опер, могу твердо сказать, что дело в отношении Влада не имеет никакой перспективы. От слова совсем, даже без этой записи. Если это подстава, то какая-то очень глупая. Либо не менее глупая попытка срубить денег по легкому, но тут уже уровень профессионализма должен быть ниже плинтуса.

- Понятно, - я повернулся в кресле, вытащил диск из привода, положил его в коробку и, включив громкую связь, набрал по памяти знакомый с прежних времен номер.

- Приемная начальника Управления по борьбе с организованной преступностью, - ответил после третьего гудка вежливый женский голос.

- Добрый день, моя фамилия Одинцов, возможно ли переговорить с Евгением Александровичем? – мой тон оставался абсолютно ровным и не выражал никаких эмоций.

- Минуту, - также вежливо ответила секретарь и через несколько секунд в динамике раздался знакомый голос, - здорово, Сергей, будешь пытаться просить за своих?

- Евгений Александрович, мне нужно встретиться с Вами буквально на десять минут, - подчеркнуто спокойно ответил я, - и речь идет не о моих сотрудниках, а о Вас.

- В смысле, обо мне? – Гришин на мгновение замолк и озадаченно продолжил – ты, собственно, что имеешь в виду?

— Это абсолютно не телефонный разговор, - мне потребовалось некоторое усилие, чтобы продолжать держаться ровно и немного равнодушно, что вызывало у начальника УБОП некоторое замешательство.

- Я буду на месте в течение часа, приезжай, - бросил он в трубку и отключился.

Макс уважительно посмотрел на меня и поднял большой палец, показывая, что оценил мой хитрый заход.

С Гришиным мы были знакомы по совместной работе в комсомоле. Он долгое время трудился первым секретарем райкома в одном из крупных промышленных районов, пользовался авторитетом и уважением не только в своем коллективе, но и у вышестоящих комсомольских и партийных коллег, поэтому его перемещение в кресло секретаря обкома было вполне объяснимо и предсказуемо. Я к этому времени уже заканчивал свою карьеру в должности инструктора обкома, занимавшегося вопросами профилактики преступности среди молодежи, и нам постоянно приходилось пересекаться по текущим вопросам, что позволило установить нормальные рабочие отношения.

После трех лет работы в обкоме Евгений Александрович не стал продолжать свою карьеру по партийной или профсоюзной линии, как многие его предшественники, а перевелся на работу в областное УВД. Такие кадровые перестановки в советские времена не были в диковинку, заведующие секторами и отделами, секретари райкомов и горкомов, закончив комсомольскую карьеру, получали капитанские или майорские (а иногда и подполковничьи) погоны, становясь сотрудниками политических и кадровых отделов или руководителями секретариатов. Но чтобы секретарь областного комитета комсомола ушел простым опером в звании капитана – это по тем временам был нонсенс. За прошедшие годы Гришин, благодаря своим способностям, сумел сделать хорошую карьеру, поднявшись с должности оперативника в убийном отделе областного розыска до начальника Управления по борьбе с оргпреступностью. Новая должность никак не повлияла на его характер, он остался таким же доступным для прежних друзей и коллег, но стал более продуманным и осторожным в общении.

Положив в карман удостоверение, я снял со спинки кресла пиджак, кивнул Макс, и захлопнув кабинет, вышел на улицу. После череды постоянных скитаний нам, наконец, удалось арендовать офис в тихом переулке в самом центре города. Старинное двухэтажное здание было построено еще до революции, первый этаж имел отдельный вход, раньше там размещался офис какой-то муниципальной конторы, но последние пару лет он пустовал. Второй этаж был жилым и там располагались несколько квартир. Получением в аренду такого «козырного» помещения, да еще по приемлемой цене, мы были обязаны мэру нашего города. Полгода назад Агентство заключило договор на охрану мэрии и нескольких муниципальных предприятий, сохранность материальных ценностей на которых была для городской администрации неотъемлемой головной болью. После трех месяцев работы объекты перестали быть проходными дворами, кражи прекратились и у меня появилась возможность попросить у мэра помощи в поиске вариантов под офис. Не вставая с места, Иван Витальевич набрал номер начальника управления муниципальным имуществом и распорядился оказать мне максимальное содействие. Из нескольких предложенных вариантов нам сразу приглянулся этот и уже через три месяца, закончив текущий ремонт, мы отметили новоселье.

Я подошел к машине, сел на водительское место, завел двигатель, дождался, пока на пассажирское сиденье усядется Макс, а затем вырулил из нашего тихого переулочка на соседнюю улицу и влился в плотный поток автомобилей. Еще через пятнадцать минут наш автомобиль аккуратно припарковался на служебной стоянке УБОП. Помощник дежурного, появившийся на крыльце и намеревавшийся жестко потребовать от меня покинуть стоянку, увидел, как со мной по-приятельски здороваются офицеры СОБРа, кутившие под навесом, и сделал вид, что просто вышел подышать свежим воздухом, и мы с Максом его абсолютно не интересуем. Перебросившись парой фраз с оперативниками, я направился к входу, наказав Макс, вести себя прилично, быть на связи и, в случае получения важной информации, сразу же звонить мне. Дежурный был предупрежден о моем визите и, записав данные в журнал, махнул рукой, указывая направление на второй этаж, где находилась приемная начальника управления. В приоткрытой двери одного из кабинетов мой взгляд выцепил, спокойного и абсолютно равнодуш-

ного ко всему Спеца, молча сидевшего за столом, а рядом с ним – адвоката, что-то активно доказывающего оперативникам.

Управление располагалось в бывшем двухэтажном здании Центрального РОВД, которое до революции принадлежало мужскому монастырю. Кабинеты представляли собой узкие длинные кельи с высокими потолками, в каждой из которых вместо послушников теперь размещались по два-три оперативника. Я поднялся на второй этаж и сразу окунулся в знакомую атмосферу. В этих коридорах и кабинетах мне пришлось провести несколько незабываемых лет в качестве внештатного сотрудника уголовного розыска, набираясь профессионального и жизненного опыта. Отметив, что косметический ремонт, проведенный в прошлом году, никоим образом не улучшил состояние здания, я дошел до конца коридора и открыл дверь приемной.

Секретарь после моего вежливого приветствия встала со своего места, открыла дверь, на которой висела черная табличка с золотыми буквами «Начальник Управления» и сделала приглашающий жест рукой, который, видимо, должен был показать, что начальник как раз меня и ждет. Я вошел в кабинет, отметив про себя, что Евгений Александрович, после назначения на должность, поменял всю обстановку, оставшуюся от его предшественника. Кабинет стал выглядеть современным и деловым, на рабочем столе стоял большой монитор, в углу появились два кожаных кресла и кофейный столик, под потолком негромко шумел кондиционер. В стене рядом с книжными шкафами расположилась дверь в комнату отдыха. Гришин, одетый в светлый костюм, быстро поднялся из-за стола и, подойдя ко мне, протянул руку. Обменявшись рукопожатием, мы сели за длинный стол для совещаний.

- Кофе будешь? – спросил меня бывший коллега.

- Почему бы и нет, - долго уговаривать меня не пришлось.

- Ну нет, так нет, - ответил он старой шуткой, и мы оба улыбнулись, вспомнив недавнее комсомольское прошлое.

- Когда мы были молодые..., - негромко напел я, усмотрев на стене фотографию делегатов комсомольской конференции, в центре которой стоял Гришин, а где-то сбоку примостился я.

- И чушь прекрасную несли, - рассмеявшись, закончил он строчку из песни.

Через пару минут секретарь принесла две чашки кофе, сахарницу и вазочку с печеньем. Быстро сервировав столик, она удалилась, плотно закрыв за собой дверь. Я положил в чашку несколько кусочков сахара, размешал его и, сделав глоток, обратился к Гришину.

- Евгений Александрович, мне не составило бы труда подробно рассказать тебе про своего сотрудника, который занимается спортом, не курит, не употребляет наркотики и не имеет никакого отношения к пакету, изъятому в офисе, – начал я, - ты в ответ привел бы множество примеров, как сплошь приличные и порядочные люди ступали на скользкую стезю наркоторговли. Поэтому предлагаю сэкономить наше время и прошу тебя посмотреть небольшой видеоролик.

Моя рука нырнула во внутренний карман и протянула Гришину диск, он тут же пересел за свой стол, вставил его в системный блок и включил воспроизведение.

- До двенадцатой минуты ничего интересного нет, - заметил я, - сплошная рутина.

Гришин без возражений включил перемотку, выставил нужное время и уткнулся в экран.

- ... твою мать, - эмоционально воскликнул он, просмотрев нужные кадры, затем выключил монитор и, внимательно глядя на меня, спросил, - ну и что мы теперь будем делать?

- Вначале обрисую тебе ситуацию, а потом подумаем, как из нее выбираться, - я немного помолчал и продолжил, - эта группа сотрудников, хоть и числится в штате нашего предприятия, но работает на «Интеркомбанк», обеспечивая безопасность деятельности его филиалов в Поволжье. Поэтому именно банк подобрал этот офис и оплатил его аренду, а также установил скрытые камеры, чтобы иметь возможность контроля за сотрудниками. После того, как о данном происшествии доложили руководству банка, со мной связался заместитель начальника

СБ, кстати, носивший ранее генеральские погоны и трудившийся в здании на улице Житной. Он же перекинул мне эту видеозапись.

- ... твою мать, - вновь повторил Гришин, но уже обречённым тоном, - то есть договариваться мне придется не с тобой...

- А вот здесь возможны варианты, - мой голос звучал спокойно и доброжелательно, - все зависит от того, какие цели преследовали твои сотрудники в данном случае. Если это была попытка наезда на банк, то без ответа данное мероприятие не останется, причем ответ будет не на областном уровне, а гораздо выше, - при этих словах Гришин окончательно загрустил, - если же это наезд на наше Агентство, то они готовы оказать нам любую помощь, но сами инициативу проявлять не будут.

- Ну вот, тут уже есть с чем работать, - Гришин немного оживился, а затем предложил, - давай перенесем наш разговор часов на восемь вечера, к этому времени я вытрясу из моих придурков все, что они планировали, пообщаюсь с руководством и дальше решим, как нам быть.

Я вышел из Управления, протянул ключи от машины Макс и, сказав, что хочу прогуляться по центру, попросил отогнать ее в офис. Мне захотелось спуститься до перекрестка, пройти по центральному бульвару, а затем зайти в недавно открывшийся торговый центр, чтобы спокойно пообедать в каком-нибудь из ресторанов, располагавшихся на последнем этаже, тем более что во времени меня никто не ограничивал. Жара, которая никак не хотела покидать улицы города, отнюдь не располагала к быстрой ходьбе, и мой неторопливый променад по скверу, разделявшему проезжую часть, лишь изредка прерывался рассматриванием рекламных билбордов. Встретившийся на пути бывший кинотеатр «Комсомолец», уже несколько лет находившийся в состоянии перманентного ремонта, вызвал во мне легкую ностальгию и напомнил замечательные школьные годы. Вместе с одноклассниками мы регулярно приходили сюда смотреть фильмы, даже если для этого иногда приходилось сбегать с уроков. После распада Союза кинотеатр срочно перепрофилировали в ночной клуб, но в данном качестве он продержался недолго, потом некоторое время побыл сетью бутиков и затем уже прочно увяз в ремонтных работах.

Холл торгового центра встретил меня освежающей прохладой кондиционеров и негромкой ритмичной музыкой, постоянно прерывающейся рекламой салонов и магазинов. Поднявшись на третий этаж, я завернул в пиццерию и сел за свободный столик, отметив, что, несмотря на разгар рабочего дня, свободных мест было очень мало. Кто-то из посетителей просматривал журналы, компания девушек громко делилась впечатлениями от вчерашнего мероприятия, периодически заливаясь звонким смехом. Трое братков, сидевших у входа, неторопливо цедили пиво из литровых кружек и оценивающе разглядывали контингент посетителей, словно пытаясь подобрать для себя очередную потенциальную жертву.

Неторопливо пообедав и расплатившись по счету, я немного побродил по торговой галерее, а затем спустился на первый этаж и вышел на бульвар. С автомобильной стоянки до меня донесся молодой жизнерадостный голос, обращенный, видимо, ко мне:

- Сергей Владимирович!

Мой взгляд пробежался по парковке и остановился на молодом парне лет двадцати пяти в модном и очень недешевом шерстяном костюме, смотревшимся в эту жаркую пору несколько неуместно, который приветливо махал рукой. Его лицо мне показалось знакомым и, немного покопавшись в памяти, я вспомнил, что примерно год назад принимал у него экзамен по специальной подготовке в нашем учебном центре.

Молодой человек подошел и радостно поздоровался, пожимая мне руку. Невооруженным взглядом было видно, что он хочет произвести впечатление и похвастаться своими успехами.

- Как Ваши дела? – его имени мне вспомнить так и не удалось, - где работаете, чем занимаетесь?

Парень приосанился и гордо ответил:

- Уже три месяца работаю начальником службы безопасности в крупной фирме.

- Искренне поздравляю, - я действительно был рад за него, так как во время учебы молодой человек производил впечатление старательного слушателя, добросовестно старавшегося усвоить всю получаемую от преподавателей информацию, - а чем занимается фирма?

Бывший курсант произнес еще более солидным тоном:

- Крупная фирма... крупная.

- Ну то, что она крупная – это я уже понял, а основной вид деятельности-то какой?

Парень посмотрел на меня с откровенным недоумением и еще раз повторил:

- Я же говорю крупная фирма... крупной занимается.

Мне стоило больших усилий удержать на лице серьезное выражение и, еще немного пообшавшись, я пожелал собеседнику успехов на его нелегком поприще, а затем быстрым шагом направился в сторону сквера. Только отойдя на полсотню метров, я дал волю своим чувствам и рассмеялся, подумав, что такого определения слова «крупная» не мог предположить ни Даль, ни Ожегов, вместе взятые.

В оговоренное время я был в Управлении, но Гришин еще не вернулся. Ожидание затянулось минут на сорок, которые мне пришлось провести в приемной, сидя на диване, листая журнал и попивая кофе, любезно приготовленный секретарем. После возвращения начальника мы прошли в кабинет, расположились у журнального столика, на котором в этот раз вместо кофе стоял чайник с крепко заваренным черным чаем и вазочка с конфетами.

- Волин клялся и божился, будто у него была серьезная и достоверная информация, что твои сотрудники совмещают охранную деятельность с распространением наркотиков, - Гришин отхлебнул из чашки, с хрустом переломил сушку, закинул ее в рот и, прожевав, продолжил, – во всяком случае эта версия им поддерживалась до того момента, как я показал ему видеозапись. А затем дал почитать показания оперативника, который утверждал, что весь план операции был разработан именно Волиным, который и дал ему пакет с порошком.

- И какие показания Волин стал давать в свете новой информации? – поинтересовался я.

- А никакие, - неохотно признал Гришин, - сказал, что ему нечего добавить к сказанному и замкнулся. Видимо, надеется на поддержку своего папы.

- И кто у нас папа? – мне достаточно похоже удалось изобразить тон министра-администратора из фильма «Обыкновенное чудо».

Гришин удивленно воззрился на меня и недоверчиво спросил:

- Ты и в самом деле не в курсе? Его родитель трудится вице-премьером в областном правительстве и является фигурой, особо приближенной к местному царю-батюшке, просто у них с отпрыском разные фамилии.

- Да уж, - философски заметил я, - в годы нашей молодости было проще: первый секретарь обкома партии, председатель облисполкома и никаких правительств и вице-премьеров.

- Мне кажется еще немного, - подхватил тему Евгений Александрович, - и я окончательно поверю, что КПСС была действительно умом, честью и совестью нашей эпохи... особенно в сравнении с нынешними многопартийными боссами и их окружением.

- Если честно, - продолжил он, понизив голос – я с самого начала был против назначения Волина на эту должность. Ты же знаешь, у нас двойное подчинение – областному УВД и региональному главку в Саратове. Но папа этого деятеля сумел нажать на все имеющиеся у него рычаги и продалить назначение отпрыска не только через нашего генерала, но и через Саратов.

- И как теперь мы с этим будем разгребаться? – мне стало немного жалко Гришина, попавшего по милости своих подчиненных в такую неприятную ситуацию.

- Мое предложение следующее, - начал начальник УБОП, - московским банкирам ты сообщаем, что это была попытка срубить палки на охранниках и банк в этой ситуации абсо-

лютно ни при чем. Твоего человека уже выпустили со всеми возможными извинениями. Если надо – дополнительно накрою поляну в качестве морального ущерба.

- Искренне надеюсь, - я с хитрой улыбкой на лице посмотрел на Гришина, - поляна будет накрыта для всего нашего предприятия? Оно, кстати, не очень большое – примерно сотни три сотрудников.

- Перебьёшься, - обаятельно улыбнулся в ответ мой собеседник, показав целый ряд белых и здоровых зубов, и продолжил, - по моим мудакам предложение следующее – опера увольняем без возбуждения уголовного дела и объявляем ему, что он легко отделался, благодаря твоей доброте. И поверь, что я это делаю не для того, чтобы угодить тебе, а для того, чтобы обезопасить себя в дальнейшем от таких... залетчиков, - Гришин еще раз одарил меня улыбкой, - а вот что касается Волина, то с увольнением тут не прокатит. Единственное в чем его можно обвинить – в слабом руководстве и контроле за подчиненными. Я обсудил этот вопрос с обоими генералами, саратовский шеф высказал категоричное требование о переводе Волина из УБОП, наш генерал с этим согласился и предложил перевести его старшим инспектором в «пьяную рыбу».

- Куда? – недоуменное выражение моего лица ясно давало понять, что это название было для меня абсолютно неизвестным.

- Плохо ты знаешь структуру нашего управления, - довольно хохотнул Евгений Александрович, - есть у нас такое подразделение, которое официально именуется, как отдел по борьбе с правонарушениями на потребительском рынке и исполнения административного законодательства, а среди сотрудников носит гордое название «пьяная рыба».

- Ничего не имею против таких кадровых перестановок, - с готовностью ответил я, - полностью поддерживаю и предлагаю считать инцидент исчерпанным.

- Тогда, - Гришин выразительно показал глазами на дверь, ведущую в комнату отдыха, - может закрепим договоренности? Граммов по 150-200?

- Ага, - на моем лице заиграла ироничная улыбка, - а потом я за руль, а ты за телефонную трубку с сообщением в ГАИ о нетрезвом водителе.

- Не прокатило, - театрально посокрушался Гришин и перешел на нормальный тон, - а, если откровенно, то спасибо тебе, Серега, за то, что не раздул эту историю, хотя имел полное право.

- Случилась со мной беда — ты мне помог, случись с тобой беда — я тебе помогу! – как мне показалось, фраза инспектора Подберёзовикова из знаменитой комедии «Берегись автомобиля», в данной ситуации была абсолютно к месту

- А вместе — делаем общее дело, ты — по-своему, а я — по-своему, - соглашаясь со сказанным, отозвался с улыбкой Гришин.

Разговоры за жизнь и воспоминания о прошлых временах затянулись почти на полтора часа. После того как мы пришли к единому мнению, что времена раньше были лучше, люди – добрее и честнее, молодежь – трудолюбивее, а солнце светило гораздо ярче, я встал и вежливо попрощавшись, покинул своего гостеприимного собеседника. Когда за моей спиной закрылась дверь Управления, часы показывали половину одиннадцатого. Я шел по ярко освещенному ночному городу, вдыхая аромат цветущих лип, прохладный ветерок сменил дневную жару и приятно охлаждал лицо. Редкие машины неторопливо катили по улице, на углу около центрального универмага двое юношей с гитарами пели песни Цоя, причем у них это получалось достаточно профессионально. Вокруг них собралась небольшая толпа слушателей, некоторые из которых даже пытались подпевать, не обращая внимание на отсутствие голоса или слуха.

Пешая прогулка заняла минут двадцать, и все это время в моей голове прокручивался список дел, которыми следовало заняться на следующий день. Во дворе дома, несмотря на поздний час, жизнь не затихала: кто-то из жильцов возился с машиной, двое военных пенсионеров прогуливали собак и попутно обсуждали международную обстановку, председатель

ТСЖ старательно прикреплял на доску объявлений отпечатанный на принтере листок, извещавший о дате очередной грандиозной битвы, в которую выливалось практически каждое собрание жильцов.

Квартиру в этом доме я получил путем сложного тройного обмена пару лет назад и был очень доволен как месторасположением дома, так и его жильцами, подавляющее число которых составляли действующие и отставные офицеры военного училища.

Из-за неработающего лифта на пятый этаж я поднялся пешком, затем открыл входную дверь и отключил сигнализацию. Мое нынешнее жилище состояло из трех комнат – студии, совмещавшей в себе кухню и гостиную, рабочего кабинета и спальни. Сразу после переезда мне удалось сделать хороший ремонт и купить мебель, благодаря чему пришлось влезть в небольшие долги. Кроме меня в квартире проживал черный как смоль кот по кличке Флинт, с которым у нас периодически возникали споры о том, кто является настоящим хозяином квартиры. И не всегда победа в этих спорах оказывалась на моей стороне. Я насыпал коту корм в миску и, проигнорировав его недовольную речь по поводу моего позднего возвращения, отзвонился в дежурную часть, чтобы выслушать рапорт дежурного об отсутствии происшествий. После чего справедливо решил, что на сегодня впечатлений для меня вполне достаточно, а значит можно уже ложиться спать. Через десять минут усталое тело уже приняло горизонтальное положение, а в голове начал крутиться вопрос – «Как же мне удалось дойти до жизни такой?». Натянув одеяло к подбородку, я закрыл глаза и перед моим взором, как бы отвечая на заданный самому себе вопрос, начала фрагментами прокручиваться моя жизнь.

Глава вторая. Экскурс в прошлое. Юность беспокойная моя.

...В пакетах треугольных молоко,

И красный Первомай, и флаги реют,

И кажется, все просто и легко,

И люди все ж немножечко добрее.

Скрипят опять качели во дворе,

Все пьют морковный сок. А я – томатный.

Нет ничего дороже на земле

Мгновений тех, что не вернуть обратно...

Чеколаева Светлана

Я родился в стране, которой, к большому сожалению, уже нет на современных географических и политических картах. Мое пионерское детство и комсомольская юность могут вызывать ностальгию у сверстников и непонимание у современной молодежи. В последние годы стало модно обличать с высоких трибун времена советского тоталитаризма, называть СССР тюрьмой народов, глубокомысленно рассуждать об оккупации Прибалтики или Закавказья, с восторгом писать о борьбе «за независимость», которую вели бандеровцы или басмачи Туркестанского легиона в составе вооруженных сил фашистской Германии против своего же народа.

Причем, как правило, громче всех об этом кричат те, кто в советские времена по скудости ума или большой лени не смог в жизни достичь никаких высот, кроме высоты дивана, где было удобно лежать перед телевизором, потягивать «Жигулевское» пиво и ругать советскую власть.

Либо те, кто никогда при СССР не жил и знает обо всем только из чьих-то рассказов. Как правильно сказал один из сатириков – «чем моложе блогер, тем хуже ему жилось при Сталине». Но при всем этом я до сих пор считаю, что мне действительно очень повезло со временем рождения, со страной, в которой прошли мое детство и юность, с друзьями, одноклассниками, однокурсниками. А самое главное – с моими родителями.

Мой отец – кадровый офицер, прошедший путь от лейтенанта до полковника, являл собой классический образ интеллигента, увлекающегося политикой и историей, много читающего и обладающего замечательным чувством юмора. Как-то в старших классах я спросил: что его подвигло к выбору именно этой профессии. Отец, долго не раздумывая, грустно усмехнулся и ответил:

- Нас у матери было пятеро сыновей, причем я – самый младший, отца призвали на фронт в 1942 году, где он вскоре и погиб. Когда я закончил школу, то точно понимал, что если хочу учиться дальше и получить высшее образование, у меня одна дорога – в военное училище, где меня оденут, обуют, накормят и дадут специальность.

Закончив военное училище и получив первое офицерское звание, отец был направлен для дальнейшего прохождения службы на Дальний Восток. Впоследствии я не раз слышал от него, что службу надо начинать лейтенантом в отдаленных гарнизонах, чтобы потом была возможность закончить ее полковником в центральной части СССР. В шестидесятые годы в вооруженных силах служило еще много фронтовиков, для которых офицерская честь не была пустой формальностью. Блат, в том числе в армии, не был еще так развит, как в наше время, когда некоторые генеральские и маршальские дети, заканчивая столичные училища и академии, сразу получали назначения в дальневосточные или сибирские кадрированные воинские части, дислоцированные в районе Садового кольца, в которых был полный штат офицерского состава из числа «самых достойных» и минимальное количество солдат, выполняющих обязанности прислуги за все.

Мама родилась в небольшом среднеазиатском городке, куда судьба забросила ее родителей. Мой дед по материнской линии был по жизни личностью яркой и разносторонней, поэтому успел поработать заместителем главного врача районной больницы, директором нефтебазы, откуда и перешел на работу в органы МГБ. Бабушка, по рассказам мамы, родилась в Башкирии в богатой купеческой семье, вышла замуж по любви и против воли родителей, поэтому и оказалась с мужем в Средней Азии. Там моя мама, закончила школу, поступила в музыкальное училище, освоила аккордеон и фортепиано, пела в студенческой оперетте, а потом по распределению уехала работать на Дальний Восток, где встретила отца и вышла за него замуж. Там же через год родился и я. Но оценить красоты дальневосточной природы не успел, ибо мне не исполнилось еще и года, когда отец успешно сдал вступительные экзамены в военную академию и последующие пять лет нашей жизни прошли в самом, как мне тогда казалось, лучшем городе Земли – Москве. Однако стать коренным москвичом у меня не получилось, хотя, по словам отца, такой вариант был вполне возможен.

Закончив академию, отец получил звание капитана и назначение в военное училище города Средневожска, который и стал местом моего жительства.

Выбор будущей профессии мне удалось сделать в еще в детсадовском возрасте, благодаря родителям, очень рано научившим меня читать – первую книгу я с легкостью осилил уже в пять лет. Скептики могут возразить, что немалое количество советских детей в этом возрасте могли похвастаться аналогичными успехами. Разница, однако, была в том, что пока мои сверстники знакомились с приключениями Буратино и Чиполлино, я запоем прочитал роман Ивана Лазутина «Сержант милиции» и после его прочтения поставил перед собой две задачи – после окончания школы поступить на юрфак МГУ, а затем – стать инспектором уголовного розыска, как герой вышеупомянутого произведения.

Наметив цели, я стал последовательно готовиться к их достижению – брал в областной детской библиотеке детективные романы и повести, а также регулярно смотрел в кинотеатрах и по телевизору фильмы про милицию, центральное место из которых занимал популярный многосерийный телефильм «Следствие ведут знатоки».

Корректировки в мои жизненные планы внес дуэт писателя Юлиана Семенова и кинорежиссера Татьяны Лиозновой, выпустивших «на голубые экраны» в середине семидесятых крупной отечественный сериал «Семнадцать мгновений весны» про советского разведчика Максима Максимовича Исаева, более известного нашим людям как штандартенфюрер СС фон Штирлиц. Внимательно просмотрев все двенадцать серий, я после недолгих раздумий пришел к мысли, что служба в разведке может быть не менее престижна и увлекательна, чем работа в уголовном розыске.

Во-первых – произвела впечатление красивая черная форма, в которой щеголяли Штирлиц и его «коллеги», во-вторых – кабинеты и коридоры главного управления РСХА ничем не уступали, а по ряду параметров превосходили интерьеры Петровки 38. И, наконец, советским разведчикам приходилось противостоять очень ярким и интересным противникам, таким как Борман, Мюллер или Шелленберг. Круг прочитанных книг и просмотренных фильмов был расширен и в него добавились такие шедевры, как «Щит и меч», «Мертвый сезон», «Сатурн почти не виден», «ТАСС уполномочен заявить», а также сериал про ошибку, судьбу и возвращение резидента с Михаилом Жженовым в главной роли.

При этом, в прочитанных книгах и просмотренных фильмах начисто отсутствовала практическая информация об учебных заведениях, где можно было получить специальность рыцаря плаща и кинжала. Информационный стенд, висевший на стене в каждом районном военкомате, содержал информацию только о четырех учебных заведениях КГБ СССР – трех пограничных училищах и одном училище связи, но ни в одном из них не готовили разведчиков.

Можно было, конечно, на голубом глазу заявиться в местное Управление КГБ и сообщить им о своем желании, но в славные советские времена отношение чекистов к таким посетителям было весьма прохладное, если не сказать грубее. Инициативников на службу в органы государственной безопасности не брали ни под каким предлогом. Сложившаяся система подбора кадров требовала, чтобы соответствующие органы самостоятельно тебя нашли, проверили и пригласили для беседы.

Ситуация казалась неразрешимой, и своими сомнениями мне пришлось поделиться с отцом, который решил проблему достаточно просто, обратившись за помощью к офицеру военной контрразведки, курировавшему их военное училище. В советские времена перед каждым сотрудником госбезопасности, независимо от занимаемой должности, ставилась задача – подбор кандидатов для последующего прохождения службы в органах КГБ. И за ее выполнение спрашивали очень серьезно. Так что в данном случае благополучно сошлись обе цели: моя – попытаться стать новым Штирлицем, и особиста – отчитаться о проделанной работе по подбору очередного кандидата.

После окончания девятого класса (в те благословенные времена школьники учились десять лет вместо одиннадцати нынешних, что, если и отражалось на качестве образования, то только в лучшую сторону) меня пригласили для беседы в Управление КГБ, располагавшееся в красивом трехэтажном доме сталинской постройки на тихой улице в центре города. Про это здание в городе ходил анекдот, который жители друг другу рассказывали шепотом: «Самый высокий дом в Средневолжье – это Управление КГБ, потому что из его подвала очень хорошо видна Сибирь». Видимо, поэтому входную дверь я открывал с некоторым трепетом. Дежурный прапорщик, сидевший за столом у широкой лестницы, выслушав меня, набрал номер телефона, коротко поговорил и предложил подождать в холле на диване.

Спустившийся через несколько минут мужчина средних лет в темном костюме провел меня в комнату для посетителей и представился сотрудником кадрового подразделения. В ходе

почти двухчасового общения мне пришлось ответить на ряд вопросов, причем особое впечатление произвел тот факт, что офицер-кадровик, хотя и называл меня по имени, но обращался исключительно на «Вы». В конце беседы он поинтересовался наличием у меня желания посвятить свою жизнь делу защиты государственной безопасности нашей Родины.

После того как желание было незамедлительно подтверждено, собеседник довел до моего сведения, что после окончания десятого класса и успешного прохождения проверок и медкомиссии я буду направлен в Москву для сдачи вступительных экзаменов в Высшую краснознаменную школу КГБ СССР имени Ф.Э. Дзержинского, в просторечии именуемую Вышкой. Затем кадровик протянул лист бумаги с типографским текстом и предложил дать подписку о неразглашении сведений, которые мне станут известными. После прочтения первой фразы «Я, Ф.И.О, находясь на службе в органах государственной безопасности СССР...» меня захлестнуло высокое чувство приобщенности к тайному ордену рыцарей плаща и кинжала, а плечи сразу почувствовали тяжесть воображаемых погон.

Выйдя после беседы на крыльцо управления, я увидел ярко светившее солнце, пронзительно голубое небо, спешащих по своим делам прохожих и почувствовал непреодолимое желание продемонстрировать окружающим свою причастность к наследникам железного Феликса, а в качестве подтверждения этой причастности – ощутил потребность срочно разгласить какие-нибудь сведения. Но мудрость кадровиков как раз и заключалась в том, что, отбрав у меня подписку о неразглашении, никаких сведений мне взамен не дали.

Первую половину десятого класса я проходил проверки, собирал характеристики, искал свидетельства о рождении своих родителей (отец, родившийся за год до начала войны, вообще не помнил, было ли оно у него, зато у мамы свидетельство было в полном порядке... правда, написанное на таджикском языке, что вызвало оживление у кадровиков, попытавшихся его перевести).

Единственное, что меня смущало – поступать мне предлагалось на технический факультет. На тот момент в Вышке было десять факультетов, но только на один из них, занимавшийся подготовкой специалистов в области радиоэлектронной разведки, специальной связи и шифрования, к сдаче вступительных экзаменов допускались выпускники средних школ. Для поступления на остальные факультеты в обязательном порядке требовалось прохождение срочной службы в рядах Советской Армии. Мои сомнения развеял кадровик, заявивший, что главное – поступить, а после окончания первого курса я смогу перевестись на другой факультет. Как мне стало известно позже, такой перевод курсанта с одного факультета на другой теоретически был возможен... правда, только при условии, что отец курсанта работал в этой же системе и носил, как минимум, генеральские погоны.

Третью четверть выпускного года сильная половина нашего класса появлялась на занятиях эпизодически, проводя большую часть учебного времени в военкоматах и на медицинских комиссиях. Десять из двенадцати моих одноклассников решили продолжить свое дальнейшее обучение в военных училищах. Объяснение этому было самое простое – все мы были офицерскими детьми и не представляли себе какой-либо иной судьбы.

Кроме того, самым ярким впечатлением середины лета для нашего города был выпуск офицеров трех военных училищ – красивая парадная форма цвета морской волны, счастливые лица молодых лейтенантов и их родных, море цветов, прощание со знаменем училища, прохождение торжественным маршем с обязательным подбрасыванием в воздух монет – все это агитировало за военную службу лучше всяких лекций и плакатов. Выпускные вечерние банкеты новоиспеченных офицеров с шумными ночными гуляниями по центру города и плавающие поутру в фонтане фуражки никак не ассоциировались с тяготами и лишениями воинской службы. И только после сдачи вступительных экзаменов и прохождения мандатной комиссии, когда абитуриент переходил в статус курсанта, он начинал понимать, что до красивого парадного мундира с лейтенантскими погонами пройдет четыре или пять очень нелегких лет.

И вот позади школьные экзамены, выпускной вечер с вручением аттестатов, встреча расвета над великой русской рекой и прощание с одноклассниками. Уже на следующий день скорый поезд «Средневожск – Москва» уносил меня в стольный град, где должна была осуществиться мечта всей моей жизни.

Перед отъездом кадровики дали подробное объяснение, как следует добираться до места сдачи экзаменов, которое напоминало шифровку из шпионского детектива. После прибытия на Казанский вокзал я должен был спуститься в метро и доехать с несколькими пересадками до станции «Измайлово», где на конечной остановке сесть в автобус с номером маршрута «25С», причем номер должен быть обязательно красного цвета. На автобусе следовало проехать пять остановок и выйти на шестой с названием «Союзмашпроект», а затем – перейти на другую сторону дороги и пройти вперед 300 метров до железных ворот.

Добросовестно исполнив наставление, я оказался перед воротами воинской части, где уже находились несколько парней моего возраста. В здании КПП двое военнослужащих с погонами сержантов подвергали прибывших абитуриентов тщательному досмотру, в результате которого обнаруженные в их вещах продукты, как магазинные, так и домашние, незамедлительно перекачивались в ... мусорное ведро. Цель такого «варварства» мне стала ясна позднее. Командование части страховалось от возможного рода заболеваний, связанных с употреблением непроверенных продуктов.

В то время, когда мои одноклассники, сдававшие вступительные экзамены в военные училища, жили в двадцатиместных палатках на полигонах и питались из полевой кухни, нашу абитуру разместили в четырехместных комнатах, расположенных в двухэтажных деревянных зданиях, стоявших в сосновом бору, где и расположилась воинская часть. Соседи по комнате, питание, условия проживания и окружающая природа мне очень понравились.

В то время я еще не представлял себе, в каком легендарном месте я нахожусь. Этот объект был создан в 1938 году по личному распоряжению Сталина в качестве Школы особого назначения, ежегодно готовившей тридцать курсантов для последующей работы в качестве сотрудников внешней разведки. Среди чекистов это учебное заведение стало именоваться «Школа № 101», впоследствии реорганизованная в Краснознаменный Институт КГБ имени Андропова.

С 1970 года на базе этого объекта были организованы курсы усовершенствования офицерского состава (КУОС) КГБ СССР, бойцы которых штурмовали дворец Амина в Кабуле, и на базе которых было создано знаменитое подразделение «Вымпел».

Ни в какие наряды и караулы нас, разумеется, не ставили, все наше время посвящалось подготовке к первому экзамену. Сильное впечатление произвела консультация, где бравый майор с казацкими усами применял неведомую мне доселе методику подготовки, при которой после каждой рассмотренной теоремы он рассказывал анекдот. Результат этой новации не замедлил сказаться во время экзамена, когда я с ужасом осознал, что помню все рассказанные майором анекдоты, чего нельзя сказать о теоремах. Стоило также отметить, что основной контингент абитуриентов нашего факультета составляли золотые медалисты и победители всякого рода физических и математических олимпиад.

Так как конкурс на этот факультет в учебном заведении составлял семь человек на одно место, то уже на следующий день после оглашения результатов первого экзамена шестеро из семерых (в число которых, разумеется, попал и я) паковали чемоданы и готовились к отъезду в родные пенаты, а наши более удачливые «коллеги по абитуре» всюду обсуждали планы создания на курсе вокально-инструментального ансамбля и секции каратэ.

Вернувшись в родной город, я посетил отдел кадров Управления, отдал предписание и проездные документы, а потом выслушал слова сочувствия, узнав, что в этом году у меня не было никаких шансов на поступление. Кадровикам, по их словам, изначально было непонятно, как меня вообще допустили к вступительным экзаменам из-за моего возраста. После этого короткого монолога я получил предложение повторить попытку поступления в следующем

году. Позиция куратора была вполне объяснима – ему не надо было искать нового кандидата, вполне достаточно обновить результаты проверки на меня. Услышав мое решительное «да», майор предложил мне не терять напрасно целый год и попробовать поступить в какой-либо из институтов, расположенных в нашем городе, благо сроки сдачи вступительных экзаменов это еще позволяли, а после окончания первого курса забрать документы и отправиться на новое покорение столицы.

Поясню по поводу возраста. Родился я в конце октября и в школу пошел с шести лет. По действовавшим в то время правилам, абитуриенту, допущенному к сдаче вступительных экзаменов в военное училище, должно было исполниться 17 лет не позднее 1 сентября, так как именно в начале сентября курсанты-первокурсники принимали воинскую присягу. Если семнадцатилетие абитуриента, как у меня, приходилось на более позднюю дату, то к экзаменам его могли допустить только с разрешения начальника училища.

Еще в десятом классе параллельно с оформлением в спецшколу, я решил попытать удачи и написал письмо на имя начальника одного из пограничных училищ с просьбой, в качестве исключения, допустить меня к сдаче вступительных экзаменов. Ответ не заставил себя долго ждать. Вежливый и принципиальный начальник в звании генерал-майора лаконично сообщил мне, что не может удовлетворить мою просьбу и высказал пожелание видеть меня в качестве абитуриента на следующий год.

Кстати, мой одноклассник, у которого день рождения был вообще в ноябре, написал такое же письмо начальнику одного из военных училищ нашего города. В ответном письме он узнал, что, оказывается, училище с радостью и нетерпением ждет его для сдачи экзаменов и надеется впоследствии видеть в числе своих курсантов. То ли генерал сильно проникся симпатией к патриотическим чувствам автора письма, то ли вовремя вспомнил, что отец одноклассника руководит одной из кафедр этого училища в звании полковника – остается только гадать.

Вернувшись после беседы с кадровиками домой и сообщив родителям о своих планах на ближайший год, я сел и задумался, перебирая в памяти названия высших учебных заведений своего города.

Если отбросить три военных училища, то для выбора оставались три института – педагогический, политехнический и сельскохозяйственный.

Последний был отвергнут сразу по двум причинам – полное отсутствие интереса к сельскому хозяйству и отдаленность расположения (институт располагался на другом берегу Волги за пределами города).

Педагогический институт, напротив, был расположен в самом центре города и находился в красивом и относительно новом здании, построенном, как и многое в нашем городе, к столетию вождя мирового пролетариата, но последующая педагогическая деятельность, пусть даже и в призрачной перспективе, меня не привлекала.

Методом исключения был выбран политех. Большим плюсом было его месторасположение – одна трамвайная остановка от моего дома. К минусам относилась полная неясность с выбором специальности. В главном корпусе мне попала на глаза доска объявлений, из которой стало ясно, что в институте существуют четыре факультета. Перечитывая их названия, я решил остановить свой выбор на радиотехническом, справедливо рассудив, что если родители после африканской командировки привезли кассетный магнитофон фирмы «Грюндиг», то у меня есть основание считать себя причастным к радиотехнике.

Сдав по эксперименту два экзамена и набрав необходимые 9 баллов из 10 возможных, я стал полноценным студентом. Первый семестр пролетел весело и незаметно – первая любовь, создание факультетского ВИА, возможность посещать лекции в зависимости от желания, короче, как в старой студенческой песне – «живут студенты весело от сессии до сессии...». В конце декабря как-то неожиданно эта сессия и нарисовалась. Тут мне в полной мере довелось ощутить разницу между школой и институтом. Мобилизовав все свои внутренние ресурсы,

сессию я все-таки умудрился не завалить, получив все зачеты и сдав два экзамена на «хорошо» и два – на «удовлетворительно».

После сессии начались каникулы и наступила первая суббота февраля – вечер встречи выпускников в родной школе. Не пойти было невозможно – в первый год после окончания школы, как правило, приходили практически все, кто остался в городе. Одноклассники пришли в парадной курсантской форме, кто-то уже с лычками младшего сержанта на погонах, и произвели неизгладимое впечатление на окружающих. Мой школьный друг Михаил приехал из далёкого украинского города в курсантской форме с голубыми погонами и авиационными эмблемами и стал, практически, звездой вечера.

В актовом зале завуч, широко улыбаясь, вызвала меня на сцену и попросила рассказать аудитории о своих успехах.

Мне пришлось нацепить на лицо радостное выражение и доложить присутствующим, что учусь на первом курсе политехнического института по специальности инженер-радиотехник.

— Вот! – торжественно заметила завуч, сидящая в зале – и в школе учился на пятерки, и в институт поступил с первой попытки, да еще на такую сложную специальность. Сессию сдал? – по-отечески (или скорее по-матерински) продолжила она допрос.

- Сдал – гордо ответил я

- Как сдал? На какие оценки? - не унималась завуч.

Учитывая, что в школе я действительно учился на пятерки, сообщать правду о своих «успехах» в первую сессию – значило практически подорвать авторитет советской образовательной системы. Пришлось прибегнуть к отработанному способу: «мы не врем – мы просто правильно расставляем акценты».

- Сдал сессию нормально, - в моем голосе звучал оптимизм и уверенность в своих силах, - всего две четверки.

- Молодец! – восхитилась завуч и требовательно продолжила – А летнюю сессию сможешь сдать вообще без четверок?

- Приложу максимум усилий, - громко заверил я аудиторию, понимая всю двусмысленность данного обещания и прикидывая про себя, что если все пойдет по плану, то летнюю сессию мои однокурсники будут сдавать уже без меня.

Во втором семестре дел было неспорно. Осознав свои ошибки, я решил более не манкировать занятиями, старательно посещал лекции, семинары и практикумы, при этом параллельно проходил медицинские комиссии, собирал справки и характеристики. Причем подписи под характеристиками мне удавалось получать достаточно легко, пока очередь не дошла до декана. Доброжелательно улыбаясь, тот выслушал мою просьбу, уточнил, для какого ведомства предназначен этот документ, а потом, уяснив мои планы, громко и гневно стал выговаривать мне, что таким дезертирам, как я, он выдаст характеристику, с которой меня не возьмут даже в военно-строительные части (куда в то время брали со справками о судимости).

Спасли положение кадровики Управления, организовавшие мне прием у ректора института, который, доброжелательно улыбаясь, подписал все необходимые документы и предложил, в случае неудачного поступления, вернуться обратно и продолжить учебу в институте.

Перед летней сессией я под расписку забрал из институтского отдела кадров оригинал своего аттестата (якобы для снятия копии), попрощался с однокурсниками, промолвив со слезой в голосе, что учиться с ними было очень комфортно и интересно. После чего добавил нарочито-построжавшим тоном об интересах Родины, требующих моего присутствия в другом месте, и присовокупил, что вряд ли нам доведется еще когда-нибудь увидеться, но если через десять-пятнадцать лет они случайно встретят меня на улицах Парижа или Лондона, то не стоит бросаться ко мне на шею с криками «Сергея, привет! Как дела?», а лучше просто индифферентно пройти мимо.

На следующий день поезд вновь уносил меня в Москву. Пройдя знакомым маршрутом (метро, автобус, КПП), я вошел на территорию воинской части в качестве старожила, знающего местные порядки и месторасположение офицерского кафе, куда мы тайком бегали за продуктами. Далее все происходило по отработанной схеме – консультация с теоремами и анекдотами, первый экзамен с результатом, аналогичным прошлогоднему, сбор вещей и обратная дорога домой.

Через неделю мое появление на пороге учебной аудитории было встречено ироничными улыбками однокурсников, предложивших не терять время на рассказы о заграничных перспективах и присоединиться к сдаче летней сессии.

Попытать счастья на следующий год куратор мне уже предлагать не стал, заметив, что все что ни делается – делается к лучшему. Из последующей беседы я уяснил, что если за время учебы мои планы не претерпят изменений, то после успешного окончания института мне следует поработать 2–3 года по специальности, зарекомендовать себя в качестве хорошего специалиста, и после этого у меня появится возможность вновь поехать на учебу, но уже не на пять лет, а на полтора или два года с последующим назначением на должность оперативного сотрудника.

Оставшиеся студенческие годы у меня получилось прожить максимально интересно: поездки на туристические слеты и работа в стройотрядах, сплав по рекам на катамаране, увлечение бардовской песней с периодическим посещением концертов и фестивалей. На третьем курсе я решил освоить гитару и примерно через две недели уже подбирал аккорды любых песен исключительно на слух. Такая легкость объяснялась наличием за спиной семилетнего стажа обучения по классу скрипки. Справедливости ради стоит отметить, что талантом и старательностью в музыкальной школе я не отличался. Самым запомнившимся впечатлением музыкального детства были полные страдания глаза моего преподавателя и его едва различимый шепот: «Тихий ужас!», в тот момент, когда мне удавалось удачно (по моему мнению) исполнить отрывок из концерта Вивальди.

Почему я попал именно на класс скрипки, хочу рассказать чуть подробнее. Сдавая вступительные экзамены в музыкальную школу на специальность «фортепиано», я добросовестно отработал обязательную программу – повторил ритм, который мне отстучали, определил количество звучащих нот, пропел музыкальную фразу, а затем исполнил один куплет из заранее подготовленной песни. Причем, если остальные кандидаты звонкими голосами выводили куплеты про Чебурашку или голубой вагон, то я сразил приемную комиссию словами песни, которую неоднократно слышал на одной из многочисленных пластинок, обитавших в нашем доме – «... все прошло, ты не моя и на берег не придешь, молча моет тополя, горький, как слезы, дождь...». Обалдевшие от такого репертуара преподаватели музыкальной школы, недолго посоветовавшись, решили позаботиться о моей нравственности и отправили меня осваивать скрипку, справедливо полагая, что аккомпанируя себе на фортепиано, я смогу исполнять любую пошлятину, но вот одновременно играть на скрипке и петь пока не удавалось никому.

Понятно, что вершин таланта Ростроповича или Ойстраха достичь не удалось, но никаких огорчений у меня по этому поводу не наблюдается. Зато теперь я неплохо играю на гитаре, знаю много песен и при наступлении тяжелых времен могу смело зарабатывать на жизнь гастрольями в пригородных поездах.

При этом мне еще хватало времени и сил писать курсовые проекты, сдавать зачеты и экзамены по техническим дисциплинам, хотя я всегда считал себя гуманитарием. Получение на экзамене очередной четверки или тройки меня не ввергало в пессимизм, ибо я полностью был согласен с популярным студенческим выражением, что лучше иметь синий диплом и красное лицо, нежели наоборот.

На третьем курсе судьба совершенно неожиданно забросила меня в уголовный розыск, где я был оформлен в качестве внештатного инспектора. Помог в этом приятель, чей стар-

ший брат трудился оперуполномоченным в Центральном РОВД. Один из его коллег согласился взять меня в качестве внештатного сотрудника, и до сегодняшнего дня я благодарен ему за неоценимый опыт, полученный под его руководством. Это руководство заключалось в том, что капитан старался лишней раз не выходить из кабинета и на опросы свидетелей и потерпевших отправлял меня. На мои робкие просьбы оформить мне удостоверение он неизменно отвечал, что бланков пока нет, и предлагал распечатать его на листе формата А4 с подписями и печатями, как у чекистов в первые годы революции, при этом неизменно добавляя, что с револьверами системы Наган сейчас тоже напряженка. Поэтому пришлось учиться общаться с людьми таким образом, чтобы у них не возникало потребности интересоваться моими документами.

Честно говоря, первый год работы в уголовном розыске серьезно скорректировал мои впечатления, навеянные сериалом «Следствие ведут знатоки». В реальности все оказалось более прозаично и менее романтично. Во время одного из дежурств, когда надо было срочно выезжать на место преступления, оперативный дежурный широким жестом предоставил в наше распоряжение автомобиль, выделенный по графику одним из строительных управлений. Выйдя на крыльцо, я с удивлением увидел стоящий на площадке автокран. Напомнив мне о субординации, инспектор залез на пассажирское место, а меня отправил в кабину крановщика. На все робкие возражения водителя о возможном нарушении требований охраны труда мой наставник жестко отвечал, что техника безопасности при производстве строительных работ в деятельности правоохранительных органов не применяется и советовал прибавить газу. Я же, сидя в раскачивающейся на ходу кабине крановщика, рассматривал проезжающие машины и безуспешно пытался решить логическую задачу – как рассадить тройку Знатоков (следователя Знаменского, инспектора Томина и эксперта Зинаиду Кибрит) в автокране. И все же, несмотря на несовпадение реальности с кинематографической версией, мне повезло пройти очень хорошую школу.

На четвертом курсе института один из друзей, успевший стать секретарем факультетского комитета комсомола и знавший о моих дальнейших планах, предложил мне заняться общественной работой и воссоздать на факультете существовавший когда-то оперативный комсомольский отряд. Немного поразмыслив, я решил, что это может быть дополнительным вкладом в копилку моей мечты и согласился. Уже через неделю в холле второго этажа около стенда с расписаниями занятий висел плакат, нарисованный моим однокурсником. На большом листе ватмана в черно-белой гамме был изображен переулок, освещенный одиноким фонарем, убегающий преступник с ножом в руке и раненый парень, сидящий на тротуаре. Текст на плакате предлагал желающим интересную деятельность в оперативном отряде.

Старшекурсники предсказуемо не отреагировали, занятые своими делами, зато валом повалили студенты первого и второго курсов, в том числе и несколько человек, прошедших службу в армии.

Глава третья. Экскурс в прошлое. Отряд.

...Одна для меня в этой буче отрада:

Седую былинку смахнувши с лица,

Боец не заметил потери отряда

И «Яблочко» - песню допел до конца...

Юрий Панюшкин

- Добрый вечер, - вежливо улыбаясь, поприветствовал я дежурную по этажу, - хотя... - мой взгляд остановился на часах, висевших над ее столиком и показывающих без четверти полночь, - скорее доброй ночи. Как обстановка на этаже, есть какие-то проблемы?

- Добрый вечер, все нормально, - стильно одетая женщина лет тридцати пяти просто-таки лучилась доброжелательством, - на этаже тишина, никто не буянит. И все благодаря вам, - она решила, что комплимент в наш адрес явно не будет лишним.

- Так это просто замечательно, - вступил в разговор мой напарник Алексей, с которым мы проводили вечерний обход по гостинице, - посторонние в номерах есть?

- Нет, конечно, - дежурная округлила максимально честные глаза и продолжила, - как и положено – после одиннадцати вечера никого кроме жильцов в номере быть не должно. У нас с этим строго, - зачем-то добавила она и выжидательно посмотрела на нас, видимо, надеясь услышать слова одобрения.

Мы согласно покивали головами, как бы соглашаясь с полученной информацией, после чего Алексей, снял с пояса рацию и запросил:

- Валера, в какой именно номер зашла гостья?

- В люкс номер 1215, двадцать пять минут назад, - ответил сквозь треск помех невидимый Валера.

- Давайте-ка пройдем к этому номеру и проверим, - предложил я женщине, которая, услышав эту фразу, как-то разом сникла и уже не казалась столь жизнерадостной, - кстати, возьмите с собой ключ от номера, на всякий случай.

Дежурная, горестно вздохнув, открыла выдвижной ящик стола, достала оттуда ключ с биркой и направилась по коридору. Мы двинулись вслед за ней по темно-бордовой ковровой дорожке, заглушавшей наши шаги. Подойдя к двери номера, она вопросительно взглянула на меня и, увидев мой легкий кивок, постучала в дверь. Музыка, негромко звучавшая из номера, сразу замолкла и внутри установилась тишина.

- Наверное постоялец уже спит, - неуверенно предположила наша провожатая, надеясь на то, что вдруг мы согласимся с ней, потеряем интерес к жильцу и вернемся обратно. Но ее надеждам в этот поздний вечер сбыться было явно не суждено.

- Открывайте дверь своим ключом, - распорядился Алексей, обращаясь к женщине

- А какое право я имею, - попыталась возмутиться она, намекая на неприкосновенность жилища.

Этот вопрос был самым проблемным в работе сотрудников специального отдела уголовного розыска, занимающегося вопросами борьбы с проституцией (которой официально не существовало) и профилактики преступности против иностранных граждан. Прокуратура уже не раз высказывала свое недовольство их действиями в подобных ситуациях, поэтому работники милиции нашли, как им казалось, самый оптимальный выход – переложить процедуру проникновения в гостиничные номера на широкие плечи бойцов оперативного комсомольского отряда. На все последующие претензии надзирающих органов розыскники горестно качали головами и отвечали заученной фразой: «Ну что вы хотите, это же комсомолыцы – они законов не знают». И, как ни странно, этот аргумент пока срабатывал.

- Мы же знаем, что жилец в номере, - парировал Алексей ее возражения, - и если он не открывает, то, может быть, что-то случилось, - в голосе его прозвучали хорошо отрепетированные тревожные интонации, - и нужна наша с вами помощь.

При этих словах я отвернулся, не в силах скрыть саркастическую улыбку, как раз в этот момент жилец нуждался только в одном – чтобы мы оставили его в покое.

После короткого монолога Алексея дежурная покорно вставила ключ в замочную скважину и повернула его. Сразу после этого мы вошли в номер и застали вполне ожидаемую картину – темпераментного гостя нашего города средних лет с кавказской внешностью, лежащего в кровати, а также молодую девушку, спрятавшуюся в ванной комнате и судорожно пытающуюся

юся одеться. После того как ей удалось привести себя в порядок и выйти в гостиную, наши с Алексеем лица расплылись в улыбках.

- Людмила, радость наша, - почти пропел Алексей, - как мы рады видеть тебя именно сейчас и именно здесь. Мы же предупреждали – сколько веревочке не виться... ну дальше ты сама знаешь.

Людмила Батурина училась на том же факультете, что и мы, правда, двумя курсами младше. Информация о ее похождениях в качестве легкодоступной, хотя и высокооплачиваемой девицы, гуляла по институту давно, но поймать ее с поличным не представлялось возможным. С ней проводили беседы и декан, и секретарь комитета комсомола, и председатель студенческого профкома – но все было бесполезно. Людмила снисходительно улыбалась и, разводя руками, заявляла, что все эти слухи – не что иное, как происки недоброжелателей, не имеющие под собой никакого основания.

Я взял у Алексея рацию и, выйдя в эфир, поинтересовался, где наш куратор. Валера тут же ответил, что он отъехал и обещал вернуться минут через двадцать.

Куратор – инспектор уголовного розыска в звании капитана был спокойным и доброжелательным мужчиной лет тридцати пяти, одинаково вежливо общавшийся как с нами, так и с «подучетным контингентом». Заступив на свою должность примерно полгода назад, он сразу оценил все преимущества нашего сотрудничества и сумел установить с нами не просто рабочие, но и дружеские отношения, стараясь помогать в решении наших проблем, если это входило в его компетенцию. Мы, в свою очередь, отвечали ему взаимностью, и показатели работы «отдела нравов» неукоснительно росли.

- Алексей, бери даму и спускайся с ней вниз, - попросил я напарника, - отбери у нее объяснение, а потом пусть катится на все четыре стороны.

- А если она откажется его писать, - задал Алексей резонный вопрос, - то что делать тогда?

- Тогда просто вызывай патрульный экипаж и отправляй ее в РОВД, скажешь, что рапорт капитан Чистов забросит к ним минут через сорок.

Через несколько дней после вышеупомянутого рейда в студенческой группе состоялось комсомольское собрание, на котором одnogруппники Людмилы Батуриной, а особенно их женская половина, с живым интересом заслушали рассказ Алексея о нелегкой работе их сокурсницы по налаживанию международных связей методами, далекими от дипломатии. Затем после эмоционального обсуждения полученной информации, практически единогласно приняли решение об исключении из комсомола, которое в те времена автоматически приводило к отчислению из института.

Буквально на следующий день в деканате появилась мама Людмилы, непреклонным тоном заявившая декану, что ее дочь должна доучиться и закончить институт, а поведение девушки обусловлено редким заболеванием, при котором молодому девичьему организму постоянно требовались мужские гормоны. Никаких подтверждающих медицинских документов она, разумеется, не представила, сославшись на врачебную тайну и потребовала поверить ей на слово.

Декан, молодой кандидат технических наук, с хорошим чувством юмора, в ответ на ее эмоциональное выступление сокрушенно заметил, с сожалением качая головой:

- Если все обстоит так, как Вы рассказываете, то тем более нам надо с ней расстаться – во-первых, а вдруг эта болезнь распространяется воздушно-капельным путем и на факультете вспыхнет эпидемия? А, во-вторых, я боюсь, что мужская часть нашего студенческого коллектива, узнав о подобном диагнозе, восплает желанием облегчить ее страдания, - но, увидев широко распахнутые глаза возмущенной родительницы, покладисто добавил: - хотя в медицинских вопросах я не специалист, тут Вам лучше обратиться к ректору.

Местом работы вновь созданного факультетского оперотряда была определена двадцатипятиэтажная гостиница «Интурист», построенная к столетию вождя мирового пролетариата, и располагавшийся в ней ресторан, в двух залах которого по выходным дням жизнь была ключом. Там собирались иностранные слушатели военных училищ, девушки, как теперь принято говорить, «с пониженной социальной ответственностью», лидеры молодежных группировок, будущие акулы капиталистического бизнеса, временно промышлявшие фарцовкой и спекуляцией, а также небольшая прослойка командировочного люда, проживавшего в гостинице.

Кроме того, по субботам и воскресеньям отряд выходил на Центральный рынок, где гонял тех же самых фарцовщиков и, кроме этого, помогал сотрудникам оперативно-сыскального отдела УВД ловить карманников. Самой крупной добычей этих рейдов стало задержание с поличным на карманной краже подполковника милиции, трудившегося в штабе областного УВД и давно страдающего kleptomанией. Никаких гневных эпитетов в его адрес никто из участвовавших в задержании оперов не произносил, понимая, что причиной явились не криминальные наклонности задержанного, а психическое расстройство организма. Офицер характеризовался со всех сторон положительно, но преодолеть болезненное влечение не мог и, поэтому, на следующий день после задержания был по-тихому уволен на пенсию, благо выслуга позволяла.

Позже, когда Средневожск захлестнула война молодежных группировок, которые по своей жестокости и организованности хоть и были несравнимы с казанскими, но тем не менее доставляли правоохранителям сильную головную боль и резко ухудшали криминогенную обстановку, наши ребята по несколько дней в неделю мотались по танцплощадкам, дискотекам, паркам культуры, предотвращая и пресекая массовые драки.

Позднее один из моих комсомольских начальников во время чаепития после ударно проведенного субботника (именно чай, поскольку в самом разгаре был лозунг «Трезвость – норма жизни»), бросив взгляд в мою сторону, изрек:

- Хотите скажу, когда я стал уважать Сергея? – все заинтересованно посмотрели на меня, а потом опять обратили взоры на выступающего, - год назад я видел, как в центральном парке друг против друга стояли две группировки с палками и металлическими прутьями в руках. Точно не скажу, сколько их было, но не меньше полусотни с каждой стороны. А между ними в цепочку стоял Сергей со своими ребятами, не давая им сойтись. Страшно было, скажи честно? - он выжидательно посмотрел на меня и негромко добавил, - как сейчас помню, у меня самого мурашки по коже бегали.

Я пожал плечами и скромно промолчал. Справедливости ради стоило отметить, что в то время еще существовали какие-то неписанные правила. Мы знали в лицо членов группировок, они, соответственно, знали нас, но никто из них не пытался даже угрожать нам, не говоря уже о чем-то большем. Мы со своей стороны хоть и задерживали этих парней во время рейдов, но тоже никогда не переходили рамки.

В отличие от ДНД и прочих формирований, существовавших на предприятиях и в организациях города, наши ребята выходили на дежурство не один раз в месяц, а по два-три раза в неделю, при этом не получая никаких премий или дополнительных дней к отпуску. Причиной тому была атмосфера, сложившаяся в отряде, когда нам самим было интересно общение друг с другом, получение новых впечатлений, понимание необходимости нашего дела, да и адреналин вперемешку с романтикой никто не отменял.

После майских праздников мой комсомольский босс торжественно объявил, что выбил в хозяйственном управлении ЦК ВЛКСМ для нашей области сорок комплектов камуфлированной формы и, если мне не в тягость в одно лицо сгонять в Москву, чтобы, как выучная лошадь, привезти их на себе в Средневожск, то половину из них я смело смогу забрать для городского оперотряда, а другая половина пойдет в военно-патриотические клубы. Учитывая,

что камуфляж во второй половине восьмидесятых был гораздо большим дефицитом, чем американские джинсы, я согласился, не раздумывая, и на следующий день уже ехал в плацкартном вагоне в столицу.

Провозившись полдня в хозяйственном отделе ЦК с уточнением количества и размеров формы, оформлением накладных и доверенностей, я добрался до склада лишь после обеда и там, получив два тяжелых мешка, подумал, что, видимо, поторопился с решением поехать в одиночку. Кое-как взяв такси, что в те времена было не самой легкой задачей, мне удалось довести мешки до вокзала и, наняв за собственные деньги носильщика, добраться до купейного вагона. Там меня уже ждала симпатичная женщина в железнодорожной форме, на лице которой ясно просматривалось недовольство количеством и размерами моего багажа. После длительного и напряженного выяснения отношений с проводницей, категорически возражавшей против размещения мешков в ее вагоне, мне удалось погрузить свою поклажу в купе. В решении этой проблемы помог подошедший на шум начальник фирменного поезда, который вначале встал на сторону проводницы, но, увидев мое удостоверение инструктора областного комитета ВЛКСМ и прослушав несколько тезисов о важности военно-патриотического воспитания молодежи, особенно в период противостояния двух систем – социалистической и империалистической (как я потом сообразил, мой фонтан красноречия был спровоцирован усталостью и чувством голода), незамедлительно переметнулся на мою сторону и даже отрядил поездного механика помочь мне в погрузке. Хорошо, что в Средневолжске на перроне меня уже ждал служебный УАЗ с водителем, который, оторвав один мешок от земли, вытаращил глаза и поинтересовался, как я их смог донести на себе в Москве.

Мучения мои не прошли даром – две недели счастливчики, получившие комплект формы, за который им пришлось отдать по сорок кровных рублей (что по тем временам составляло размер месячной студенческой стипендии), подшивали и подгоняли ее под себя. К сожалению, высоких армейских ботинок и головных уборов достать не удалось, но и без них отряд преобразился. Еще через несколько дней состоялась первая тренировка под руководством одного из комсомольских работников, отслужившего срочную службу в знаменитой девятой роте дивизии имени Дзержинского. Под его руководством двадцать молодых парней, построившись в колонну по два, учились разгонять толпу условных хулиганов, двигаясь по спортивному залу ритмичным медленным бегом и производя через закрытые рты слитные устрашающие звуки. Даже мне, стоявшему около входа в спортзал, было немного не по себе, когда в мою сторону двинулась эта «машина для разгона демонстрантов», как образно выразился инструктор.

На следующее дежурство бойцы, одетые в камуфляж, погрузились в выделенный нам ПАЗик и направились на танцплощадку Центрального парка, где по нашей информации планировалось выяснение отношений между двумя враждующими группировками, пообещавшими собрать более сотни человек с каждой стороны.

После начала танцевальной программы мне удалось скромно притулиться около ступенек, ведущих на невысокую сцену, где расположился диск-жокей со своей аппаратурой, и с интересом начать наблюдение за тем, как будут развиваться события. Примерно через полчаса обстановка стала постепенно накаляться, и невооруженным взглядом было видно, что для возникновения потасовки достаточно одного грубого слова или действия.

Я, оценив обстановку, немного отвернулся от танцующих и, достав из-под куртки микрофон радиостанции, дал сигнал бойцам, терпеливо сидевшим в салоне автобуса, на выдвижение к танцплощадке.

Драка началась, как всегда, ожидаемо и неожиданно. Еще несколько секунд назад два круга группировщиков ритмично дергались в такт музыке, а затем, после чьего-то крика «Погнали», сошлись стенка на стенку. Но в этот раз схватка закончилась, практически, не успев начаться. Входная дверь распахнулась, и на танцплощадку, чеканя шаг, влетел строй бой-

цов в редкой доселе камуфляжной форме, издавая слитные угрожающие звуки. Эффект был настолько неожиданным и сильным, что по сторонам шарахнулись не только группировщики, но и трое инспекторов по делам несовершеннолетних, а также два наряда военнослужащих военизированного милицейского батальона.

Такого количества улыбающихся корейских лиц наш город не видел со дня его основания – Средневожск стал местом проведения первого советско-корейского фестиваля. Посланцы КНДР выделялись на фоне остальных участников железной дисциплиной, а также наличием у каждого делегата значка с изображением Ким Ир Сена, который они берегли как зеницу ока и не соглашались обменять его ни на какие ценности.

Фестиваль был организован с большим размахом, как и все, что делалось в СССР, поэтому подготовка началась за полгода до его открытия. Бойцам нашего оперотряда предстояло обеспечить безопасность гостиницы «Интурист», в которой должны были размещаться делегаты. Меня за месяц до начала фестиваля откомандировали с завода, где я трудился мастером после окончания института, ребят освободили от строительных отрядов и производственных практик, чему они были несказанно рады. Целый месяц мне пришлось составлять схемы жилых и служебных помещений гостиницы с расстановкой постов и планировать графики дежурств, постоянно внося в них изменения в связи с получением новых вводных.

Администрация гостиницы выделила нам три номера, один из которых использовался в качестве штабного, а два других – для отдыха личного состава.

Наконец настал день торжественного открытия. Оргкомитет фестиваля возглавлял первый секретарь ЦК ВЛКСМ, прибывший в город накануне с целой свитой сотрудников аппарата. К счастью, мы для него не представляли интереса и, поэтому, его приезд на нас не отразился никак, чего нельзя было сказать о местных партийных и комсомольских руководителях, старательно внимавших его указаниям, остро реагировавшим на выявленные им недостатки и после этого глотавших валидол горстями.

Фестиваль шел своим чередом, днем жизнь в гостинице бурлила, постоянно ставя перед нами новые задачи, и лишь поздно ночью людской поток спадал, гости и делегаты разбредались по номерам, намереваясь урвать несколько часов для сна, чтобы наутро вновь окунуться в круговорот событий и мероприятий. В это время основной состав отряда тоже отдыхал, по гостинице совершали обход только несколько парных патрулей.

Проинструктивровав и отпустив дежурный наряд на проведение поэтажного обхода, я с наслаждением вытянулся на кровати и решил, что у меня есть пара часов для здорового сна. К сожалению, ожидания не оправдались. Телефонный звонок в ночной тишине прозвучал резко и тревожно, мне удалось быстро дотянуться до трубки, из которой донесся взволнованный голос дежурной по двадцатому этажу, сообщившей о конфликте между нашими бойцами и гостями фестиваля и просившей срочно подняться к ним.

Выйдя из остановившегося лифта, я увидел трех мужчин лет сорока, которые на повышенных тонах возмущались поведением бойцов дежурного наряда. Как стало понятно из объяснений дежурной по этажу, во время патрулирования ребята услышали за дверью одного из номеров громкую речь и звон стаканов. Негромко постучав и услышав «Войдите», они распахнули дверь и шагнули в номер.

Перед их глазами предстала живописная картина – красиво накрытый журнальный столик с коньяком, водкой и закусками, а вокруг него – трое жизнерадостных мужчин в спортивных костюмах, что-то оживленно обсуждающих между собой. Оценив пейзаж и вспомнив об антиалкогольной политике партии и правительства, старший наряда Ринат сделал шаг вперед и, грозно нахмутив брови, спросил:

- Ну что, алкоголики, допрыгались?

«Алкоголиками» оказались начальник ансамбля песни и пляски одного из военных округов в звании полковника и двое его заместителей, имевших на погонах на одну звезду меньше. Услышав подобную оценку от молодого и явно не служившего парня, творческое трио вначале потеряло дар речи, а потом принялось воспитывать «наглеца» доступными и яркими выражениями.

Интуитивно поняв, что объяснениями и оправданиями ничего добиться не удастся, я чуть ли не строевым шагом подошел к начальнику ансамбля и встал по стойке смирно. Рука автоматически потянулась к виску для отдания воинской чести, но в голову вовремя пришла фраза, неоднократно повторяемая преподавателями военной кафедры родного института – «К пустой голове руку не прикладывают». Поэтому мне пришлось вернуть руку в исходное положение и суровым голосом доложить:

- Товарищ полковник, полностью с Вами согласен. Действиям моих подчиненных нет и не может быть никакого оправдания. Завтра утром о данном инциденте мною будет доложено лично первому секретарю ЦК ВЛКСМ, который и примет решение о наказании виновных.

Полковник хоть и был немного подшофе, но соображал быстро и сразу понял, что вряд ли широкое обсуждение ночного происшествия на таком уровне положительно отразится на его карьере, тем более что фестиваль был объявлен «зоной трезвости». Взяв меня под руку и доверительно понизив голос, он поинтересовался моим именем, а потом проникновенно произнес:

- Сергей, мне кажется, будет неправильно наказывать этих ребят, которые добросовестно исполняли свои обязанности, но просто немного увлеклись... Поймите, наказав их сейчас, мы просто можем отбить у них желание и дальше заниматься таким полезным делом как охрана общественного порядка. Согласны со мной?

С уважением посмотрев на красноречивого полковника, моментально развернувшего ситуацию на 180 градусов, я немедленно кивнул.

- Поэтому я предлагаю забыть об этом инциденте и зайти к нам в номер для, так сказать, закрепления наших договоренностей.

Вежливо отказавшись, мне удалось заверить полковника в том, что все произошедшее останется между присутствующими и не выйдет за пределы их круга, после чего мы попрощались. Спустившись с бойцами в штабной номер, я сел в кресло, прикрыл глаза и, представив себе выражение лиц старших офицеров, которых воспитывал второкурсник, не смог удержаться от смеха.

В оставшиеся дни фестиваля полковник при встрече со мной доброжелательно улыбался и здоровался первым.

- Сергей, наконец-то - радостно сказала инструктор горкома ВЛКСМ, увидев меня в приемной - я тебя уже час пытаюсь разыскать. Срочно заходи к Ивану Владимировичу.

Я постучал в дверь и, услышав короткое «да», вошел в просторный кабинет. Первый секретарь оторвался от бумаг, протянул мне руку для приветствия и произнес:

- Извини, времени совсем нет, через час совещание в горкоме партии и надо успеть подготовиться. Поэтому изложу коротко. У тебя в субботу намечается рейд в гостинице «Интурист»?

- Да, все по плану, к 19.00 мы собираемся на танцплощадке в Центральном парке, там по нашей информации планируется стычка между жигулевскими и центровыми, а затем в 21.00 убываем в Интурист. Что-то изменилось?

- Нет, - Иван Владимирович помолчал и продолжил, - звонил редактор областной молодежной газеты, просил, чтобы вы в субботу взяли с собой корреспондента, и он смог подготовить репортаж. Я подумал, что это неплохая мысль – показать криминальную обстановку в вечернем Средневожске и немного прорекламирровать городской оперотряд.

- Как скажете, - я согласно кивнул головой, - возьмем, покажем и расскажем.

- Только, - первый секретарь внимательно посмотрел на меня, - он парень очень рискованный, так что следите, чтобы он не попал под раздачу, если что-то начнется серьезное.

Субботним вечером мы собрались в гостинице «Интурист», где администрация от щедрот своих выделила нам отдельную комнату и даже поставила туда стол и несколько стульев. В комнате уже было много народа, хотя до времени выхода оставалось еще полчаса. Звучали шутки, смех. Костяк отряда составляли студенты радиотехнического факультета, поэтому тем для общения было много – от особенностей сдачи экзамена по курсу термеха до прошедшей накануне игры факультетской сборной КВН.

Минут за пять до назначенного времени появился корреспондент. Им оказался невысокий черноволосый спортивного телосложения парень лет двадцати пяти в потертой кожаной куртке с фотоаппаратом через плечо и блокнотом в руках.

- Добрый день, - с порога поздоровался он, - меня зовут Анвар, я корреспондент отдела происшествий областной молодежной газеты.

Шум смолк и все с интересом уставились на вошедшего.

- Добрый вечер, - я призывно махнул ему рукой и встал из-за стола, - меня зовут Сергей, очень приятно. Присаживайтесь, Анвар, - кто-то из ребят сразу подставил стул, - минут через пять мы начнем выдвигаться в парк.

- Давай на «ты», а то мне эти официальные церемонии сразу напоминают разносы в обкоме, - улыбаясь, предложил Анвар

- Не вопрос, а что, часто ругают?

- Не без этого, - он мотнул головой, как бы отгоняя грустные воспоминания, - начальство любит читать о своих успехах и достижениях, а преступность к нашим достижениям никак не отнесешь.

Как ни странно, рейд по парку оказался на редкость спокойным. На танцплощадке собрались две враждебно настроенные группировки, всем своим видом демонстрирующие окружающим свою крутость и агрессивные намерения в адрес «оппонентов». Но, увидев нас, группировщики разом поскучнели и потихоньку стали покидать танцплощадку. Часть бойцов отправилась вслед за ними, чтобы убедиться, что они разъехались по своим районам, часть – осталась на танцплощадке, дожидаясь окончания программы.

- Извини, Анвар, - улыбнулся я, - как видишь, сегодняшней вечер можно смело отнести к нашим достижениям в борьбе с преступностью и правонарушениями.

Позже выяснилось, что мы немного поспешили с выводами, и это стало понятно, когда нам пришлось вернуться в «Интурист». За время нашего отсутствия обстановка резко изменилась. Причем в ресторане, который являлся постоянным источником нашей головной боли, как раз все было нормально. Зато в самой гостинице...

Как оказалось, в эту субботу проводился областной съезд работников потребительской кооперации. После торжественного открытия и пленарных заседаний жизнерадостные кооператоры вернулись в гостиницу, куда заселились еще с утра, и стали налаживать межрайонные связи путем неформального общения с обязательным употреблением элитных спиртных напитков. К полуночи гостиница «ходила ходуном».

Весь вечер наши ребята реагировали на вызовы дежурных по этажам, входили в номера и успокаивали не в меру раздухарившихся делегатов. Корреспондент ходил вместе с ними, делал какие-то записи, фотографировал. Учитывая, что гуляли не простые командировочные, а практически весь цвет сельскохозяйственного снабжения, с нашей стороны все ограничивалось душевными беседами и призывами к соблюдению порядка.

Расходились мы из гостиницы далеко за полночь, трамваи уже не ходили и домой мне пришлось идти пешком.

Минут через сорок подойдя к дому, я посмотрел вверх на темные окна своей квартиры и движимый одним только желанием – добраться до кровати и проспять до завтрашнего обеда, вошел в подъезд. Но, как говорится: «Хочешь рассмешить Бога – расскажи ему о своих планах». Очередным препятствием к осуществлению моей небольшой, но такой долгожданной мечты стал лифт, который после нажатия кнопки проехал несколько этажей и намертво встал, погасив при этом свет в кабине. Еще не осознав до конца произошедшее, я автоматически протянул руку к кнопке «вызов» и несколько раз нажал ее. Где-то внизу шахты раздался мелодичный звонок, но ни к каким результатам для меня он не привел. На следующий день от сочувствующих соседей мне стало известно, что этот звонок ни с кем не соединен и служит разве что для развлечения жильца или гостя, застрявшего в лифте. Так как лифтовая шахта и площадки были вынесены в сторону от квартир, кричать и звать о помощи тоже было бесполезно.

Поэтому я еще несколько минут поразвлекался с нажатием кнопки, а потом задумался над тем, что делать дальше. Насколько мне было известно, каждое утро с проверкой приходила лифтерша, пост которой располагался в одном из соседних домов. Но в котором часу это должно было произойти, да еще с учетом того, что это воскресенье – мне было невдомек, к тому же отсутствие часов, забытых накануне дома, также не позволяло ориентироваться во времени.

Так как сесть в лифте возможности не было, то пришлось задремать стоя, как боевая лошадь на привале, чутко вслушиваясь в окружающие звуки. Когда прошла, как мне показалось, вечность, снизу донеслись шаркающие шаги. Я заколотил кулаками по стенке лифта и стал громко требовать к себе внимания. Звуки на мгновение затихли, а затем пожилой женский голос с нотками интеллигентности озабоченно поинтересовался, кто и куда собрался в такую рань?

Домой мне довелось попасть только к завтраку, к тому же пришлось выслушать упреки родственников, которые обвинили меня в эгоизме и нежелании учитывать их беспокойство по поводу моего ночного отсутствия. По словам моей мамы, она всю ночь не сомкнула глаз и сейчас у нее повысилось давление. Пришлось рассказать, что мне тоже практически не удалось заснуть, стоя в кабине лифта в нескольких этажах от своей квартиры и безуспешно пытаясь вызвать помощь. После этого меня срочно накормили и отправили отсыпаться, пообещав разобраться с работой нашего домоуправления.

Скандал грянул через несколько дней. Молодежная газета «Средневолжский комсомолец» опубликовала репортаж на целый разворот под броским названием «Потребкооперация гуляла с размахом». Корреспондент резко прошелся по делегатам, называя их фамилии и должности. В числе «засветившихся» оказались председатель горисполкома города Знаменска, глава потребкооперации Петровского района и ряд других чиновников. Статья была щедро проиллюстрирована фотографиями. Как этот материал пропустила цензура, было абсолютно непонятно, потому что сразу после выхода газеты первый секретарь обкома комсомола вместе с редактором газеты были срочно вызваны в обком партии.

Как потом выяснилось, перед упомянутыми в статье кооператорами и примкнувшими к ним чиновниками было поставлено условие – либо они официально опровергают негативную информацию, опубликованную в отношении них, либо их карьера ставится на длительную паузу.

Еще через месяц я вместе с несколькими нашими бойцами принял участие в судебном заседании Центрального районного суда, где рассматривался иск о защите чести и достоинства работников потребкооперации, которые были грубо попраны корреспондентом Анваром. Попраны были, разумеется, честь и достоинство, а не сами кооператоры.

Состав суда представлял из себя живописную картину – в середине сидела судья – дама бальзаковского возраста в строгом темном костюме с шиньоном на голове. Справа от нее вольготно расположилась полная женщина лет тридцати в яркой кофте с живым интересом в гла-

зах к предстоящему зрелищу. По ее виду можно было понять с каким нетерпением она ждет вечера, когда все увиденное и услышанное можно будет в красках изложить соседкам, сидящим на скамейке около подъезда. Слева от судьи сидел сухонький старичок с характерным для пьющих людей цветом лица, который периодически погружался в дрему и просыпался лишь от громких слов.

Первой из истцов выступила делегат от потребкооперации Петровского района, женщина средних лет, одетая как будто с модного показа, с золотыми сережками в ушах и обилием цепочек на шее. Пальцы рук украшали кольца и перстни с камнями. Она с трагическим выражением лица и надрывом в голосе поведала суду о своей нелегкой и многосложной работе. Посетовала на то, какие титанические усилия приходится прилагать ей и ее коллегам, чтобы обеспечить все возрастающие потребности сельского населения.

Затем героиня газетной статьи плавно перешла к оценке эффективности таких мероприятий, как прошедший съезд, на котором она не только получила свежую и очень полезную информацию о новых направлениях своей деятельности, но и сумела перенять передовой опыт делегаций иных районов Средневолжской области. При этом обмен творческими идеями и начинаниями не ограничивался только временем дневных заседаний, вечером они собирались в гостиничных номерах и продолжали обсуждение услышанных выступлений, делились своими планами по реализации предложений и установок, содержащихся в этих докладах.

- Мы сидим, спокойно пьем чай, тихо беседуем между собой, и вдруг, - обращаясь к суду, с гневом и негодованием воскликнула дама так громко, что старичок-заседатель встрепенулся, открыл глаза и с внимательным выражением лица уставился на нее, - раздается стук в дверь, а затем врываются они, - украшенная перстнями рука описала полукруг и остановилась на нескольких бойцах оперотряда, скромно сидевших на третьем ряду и с интересом наблюдавших за происходящим, - ну чисто гестаповцы, начинают помогаться и задавать всяческие глупые вопросы.

После ее эмоционального выступления корреспондент встал и пояснил, что оперотрядовцы постучали, а затем зашли в номер по просьбе дежурной по этажу, которая не могла самостоятельно утихомирить разошедшихся делегатов. Анвар отметил, что ребята вели себя очень вежливо и корректно, в отличие от разгоряченных спорами и алкоголем гостей. В качестве иллюстрации своих слов он передал суду несколько фотографий. Судья и заседатели с интересом склонились над ними и стали разглядывать, негромко переговариваясь между собой. Судья подняла одну из фотографий, на которой была зафиксирована жизнерадостная компания, сидящая вокруг журнального стола, уставленного рюмками, бокалами и бутылками с алкоголем и, показав истице, спросила:

- Простите, а где здесь чай?

Истица недоуменно заморгала, беспомощно оглянулась на группу поддержки, а затем молча опустилась на стул.

Адвокат председателя Знаменского горисполкома, взяв в руки газетную статью, стал зачитывать отрывок, который, по его мнению, формировал перед читателями негативный облик представителя исполнительной власти:

— Вот, послушайте, - обратился он к суду и, откашлявшись, стал зачитывать, - «Председатель горисполкома, увидев входящих дружинников, принял позу страуса, спрятав голову за оконную штору...». О чем говорит эта фраза? — он театрально поднял палец вверх и продолжил, - о том, что по мнению автора, мой подзащитный находился в таком сильном состоянии опьянения, что не мог держаться на ногах и стоял на четвереньках.

- Извините, конечно, - Анвар встал со своего места и, дождавшись разрешающего кивка судьи, продолжил. — Я в своей жизни, к большому моему сожалению, видел страуса только в мультипликационных фильмах, но каким образом страус может стоять на четвереньках — просто не понимаю.

Ответом ему были улыбки судьи и заседателей, а также озадаченный вид адвоката.

Когда в качестве свидетеля допрашивали Дениса Оленева, скромного третьекурсника плотного телосложения, боксера-первостепенника с добрым и простодушным лицом, судья, прервав его выступление, спросила:

- А по каким признакам Вы определили, что данный гражданин находится в состоянии алкогольного опьянения?

Денис, абсолютно не задумываясь, ответил:

- Покрасневшее лицо, шатающаяся походка, невнятная речь, плохая координация движений и запах перегара.

Старичок-заседатель, до этих слов тихо и мирно дремавший в своем кресле, внезапно встрепенулся, открыл глаза и, вскинув указательный палец к потолку, назидательно заметил, обращаясь к Денису:

- Неверно излагаете, молодой человек, перегар – это запах при вчерашнем употреблении алкоголя, а в данном случае надо говорить – пахнет свежаком!

Денис, опешив от столь точной классификации, пообещал, как будущий инженер, впредь более ответственно подходить к описанию критериев состояния алкогольного опьянения.

Старичок благосклонно кивнул и поудобнее устроился в кресле.

Суд закончился в пользу газеты, как это отразилось на карьере проигравших – я не знал, но искренне надеялся, что начальство не будет к ним излишне сурово. Антиалкогольная кампания началась недавно, и еще не все чиновники и граждане успели перестроиться. С нашей же стороны отношение к этой инициативе властей было двойственное. С одной стороны, мы понимали, что она необходима, но перегибы, ее сопровождавшие, несли негативный эффект. Вырубка виноградников по всей стране, безалкогольные свадьбы, на которых водку подавали в бутылках из-под минеральной воды, резкий всплеск самогонварения и употребления всяческой химии – все это дискредитировало довольно хорошее начинание снизить уровень пьянства.

При этом, справедливости ради, следует отметить, что были и положительные результаты – в разы снизилось число преступлений, совершаемых на почве пьянства. На улицах и в общественном транспорте надо было очень постараться, чтобы встретить явно нетрезвого гражданина. Для комсомольцев и членов КПСС попадание в вытрезвитель автоматически означало вылет из организации и крест на последующей карьере. К сожалению, наша национальная особенность – нежелание вовремя остановиться и постараться довести любое хорошее начинание до полного абсурда – похоронила как саму кампанию, так и ее положительные, хотя и скромные результаты.

- Сергей, - мой непосредственный начальник – заведующий отделом обкома ВЛСМК вошел в кабинет, который мы занимали вдвоем, подошел к зеркалу и, критически осмотрев свое отражение, продолжил, обращаясь ко мне - Иван Владимирович просит тебя срочно зайти в кабинет к первому секретарю, они там сейчас что-то обсуждают.

Я поднялся из-за стола, поправил пиджак (понятия дресс-кода в то время еще не существовало, но приход на работу в джинсах или спортивной одежде не приветствовался категорически) и вышел из кабинета. Пройдя по длинному коридору, устланному ковровой дорожкой темно-бордового цвета, я вошел в приемную первого секретаря, вежливо постучался и распахнул дверь его кабинета. Наш предыдущий руководитель месяц назад совершил внеочередной карьерный взлет (причем абсолютно заслуженный) и теперь осваивал руководящее кресло секретаря ЦК ВЛСМК, а на его место был прислан из Москвы аппаратчик, характеризующийся исконно русским выражением «... ни рыба, ни мясо...» и рассматривавший свое назначение как ссылку в глушь.

- Разрешите, - я остановился около двери и оглядел кабинет. На одной стороне длинного стола для совещаний сидели новоиспеченный первый секретарь – невыразительного вида мужчина лет 30-35 со скучным лицом и секретарь по идеологии Иван Владимирович, благодаря знакомству с которым я и попал на эту должность после двух лет работы мастером на одном из оборонных заводов. Напротив них расположились заместитель начальника УВД по оперативной работе, помощник начальника политотдела и незнакомый мне мужчина лет сорока, одетый в костюм, в котором, судя по всему, он чувствовал себя достаточно неуютно.

- А вот и Сергей, - оживленно проговорил Иван Владимирович, рукой указывая мне место рядом с собой, - если можно, я коротко введу его в курс дела

Из последующего рассказа я узнал, что, оказывается, в двух районах нашей области ежегодно засеивались плантации мака, существование которых становилось в летнее время головной болью для местных властей и правоохранительных органов. На эти поля, как мухи на мед, слетались местные и приезжие наркоманы, старавшиеся добыть ценный продукт. В период созревания мака областное УВД формировало сводный отряд милиции, который занимался охраной посевов и задержанием наркоманов. В этом году в области решили засеивать мак только в Петровском районе, граничащем с соседней областью. И, в качестве эксперимента, высокие договаривающиеся стороны решили включить в состав сводного милицейского подразделения бойцов комсомольского оперативного отряда. С одной стороны это увеличивало численность стражей порядка и позволяло более плотно перекрывать каналы проникновения нарушителей, с другой – у сотрудников милиции всегда под рукой были несколько гражданских лиц, которых можно было использовать в качестве свидетелей и понятых.

Договоренности были достигнуты быстро – численность бойцов была определена в 30 человек, на места работы и учебы планировалось направить официальные письма об их откомандировании на два месяца с сохранением заработной платы.

- Так что, Сергей, - Иван Владимирович обратился ко мне, - у нас с тобой есть ровно два месяца, чтобы подобрать личный состав и решить все организационные вопросы.

- От нашего управления этими вопросами будет заниматься начальник отделения по незаконному обороту наркотиков майор Гришаев Николай Станиславович, - произнес заместитель начальника УВД и указал рукой на мужчину, который сразу поднялся и кивнул головой.

Отряд сформировали быстро, желающих принять участие в борьбе с наркоманией оказалось вдвое больше, чем требовалось по штатному расписанию. Но затем у кого-то возникли сложности со сдачей экзаменов, кто-то планировал поехать в стройотряд на заработки, кого-то просто посчитали слишком молодым для такой работы, и численность кандидатов практически сравнялась с числом вакансий...

Я оформил командировочное удостоверение и зашел в обкомовскую билетную кассу, где можно было без очереди взять билет на любой вид пассажирского транспорта. Выбрав в расписании удобный для себя рейс, мне удалось купить билет на автобус, следовавший в соседнюю область через Петровский район, где в настоящее время несли службу бойцы сводного отряда. Ближе к вечеру, после трех часов полудремы в комфортабельном Икарусе, я уже входил через запасной выход в здание местного Дома культуры, в нескольких помещениях которого квартировал сводный отряд. Внутри все было по-взрослому – парный пост на входе, состоящий из одного сотрудника милиции и одного нашего бойца, заправленные по армейскому образцу кровати, включенный телевизор, перед которым сидели несколько мужчин, что-то оживленно обсуждающих между собой.

- Привет, Серега, - ко мне вразвалку подошел улыбающийся во весь рот боец, которого мы звали в оперотряде звали Шутником, протягивая руку для приветствия, - надеюсь, ты к нам с подарками?

- А то, - в тон ему ответил я, - как заказывали – сгущенное молоко, шоколадные конфеты, шпроты и далее по списку.

Чтобы получить эти достаточно дефицитные продукты, мне пришлось подключить свое начальство и с его помощью попасть на одну хитрую продовольственную базу, где я и смог собрать заказанное.

- Я смотрю, тут у вас прямо армейские порядки, - заметил я.

- Ага, - беззаботно ответил он, деловито рассматривая содержимое пакетов, - вначале были попытки анархии, особенно со стороны отдельных сотрудников патрульно-постовой службы, но потом наш командир очень доходчиво объяснил правила, которых мы будем придерживаться во время работы и отдыха. Двоих особо рьяных поборников прав и свобод, - Шутник был как всегда разговорчив, - он пригласил во двор на конфиденциальную беседу, после которой они вернулись притихшие и чуть помятые.

Командиром сводного отряда назначили одного из оперов областного уголовного розыска, капитана милиции, который, кроме всего, возглавлял внештатную группу захвата УВД и являлся инструктором по рукопашному бою. Поэтому вопрос наведения порядка среди личного состава не был для него проблемой.

После ужина я попросил командира дать мне возможность поучаствовать в рейде вместе со своими бойцами. Оглядев меня с ног до головы, он кивнул пожилому старшине, украшенному трехдневной щетиной и отдал распоряжение:

- Экипируй ревизора по полной программе.

- А почему ревизора? - удивился я

- Ну ты же приехал как бы с проверкой, значит теперь твой позывной – Ревизор, - спокойно ответил капитан и тут же переключился на сидящих у телевизора, - бойцы, а оружие вы почистили, как я приказывал?

- Все сделано, как учили, - вразнобой загалдели бойцы, - теперь культурно отдыхаем.

- Командир, - на пороге появился рослый молодой парень в спортивном костюме, с длинным красным полотенцем на шее, держащий в руках зубную щетку и тюбик с пастой, - ну можно мне взять пистолет на час хотя бы.

- Зачем тебе? – капитан недоуменно воззрился на просителя, - во-первых, ты еще стажер и за тобой оружие не закреплено, а во-вторых, повторяю вопрос – зачем?

- Ну пожалуйста, - заныл парень, - я на танцы хочу пойти, наши все с оружием, а я как непонятно кто.

- Это что за персонаж? – спросил я Шутника, с интересом рассматривая парня, который продолжал канючить и убеждать командира пойти навстречу его просьбам, подчеркивая свой огромный вклад в борьбу с наркоманией.

- Это еще тот фрукт, - рассмеялся Шутник, - младший сержант вневедомственной охраны, мы тут по несколько раз в день угораем от него. Вчера ночью он выдал такой перл, что все просто выпали в осадок – он передал по радиации нашей группе, что следит за подозрительным типом, который зашел в лесопосадку рядом с посевами мака. А потом стал кричать в эфир, чтобы мы задержали мотоциклиста... на Жигулях.

- Кого задержали? - мне показалось, что я ослышался.

- Ты правильно понял, - довольно захохотал он, - мы теперь его называем «мотоциклист на Жигулях».

- Короче, - подвел итог капитан, - шиш тебе, а не пистолет. А не угомонишься – вместо танцев будешь наводить порядок в помещении. Уяснил?

Парень угрюмо кивнул и направился к своей тумбочке.

Перед выездом я облачился в длинный черный брезентовый плащ с капюшоном, надев его поверх теплого спортивного костюма. По словам Шутника, ночью, несмотря на летнее время года, лежать в засаде было довольно холодно, поэтому он посоветовал одеться потеплее. Еще через полчаса примерно два десятка человек загрузились в кунг ГАЗ-53 с надписью «Техническая помощь» и автомобиль, недовольно поворачив двигателем пару минут, выехал на

дорогу. Проехав километров пять, водитель затормозил, вышел из машины, открыл капот и стал сосредоточенно копаться в моторном отсеке. В это время, задняя дверь будки тихо отворилась и первая часть группы, бесшумно выскользнув на обочину, сразу же пропала в зарослях. Водитель еще несколько минут повозился в моторном отсеке, затем аккуратно захлопнул капот, сел за руль и автомобиль покатил дальше.

- А зачем эта маскировка? - спросил я у Шутника, придвинувшись к нему практически вплотную, так как из-за дребезжания и грохота, стоявшего в кунге, общаться друг с другом было весьма проблематично.

- На прошлой неделе мы во время обхода нашли лежку, оборудованную в лесополосе, откуда прекрасно просматривались подходы к полю. Устроили засаду и задержали наблюдателя, у которого изъяли прибор ночного видения и импортную радиостанцию. То есть тут все по серьезному, не только мы наблюдаем за преступниками, но и они наблюдают за нами. Поэтому нам приходится теперь заступать на дежурство, тщательно маскируясь.

Лучи утреннего солнца окрасили стебли золотистым цветом, Шутник с наслаждением зевнул, потянулся и повернулся ко мне. За несколько часов я основательно замерз, пытаюсь согреться нехитрыми физическими упражнениями, при этом стараюсь не демаскировать место засады. Ночь прошла относительно спокойно, никого обнаружить не удалось, но раннее утро было именно тем временем суток, когда активность наркоманов достигала пика.

- Ладно, пацаны, - старшина поднялся с земли и, скинув плащ, остался в старом потертом костюме непонятного цвета и сильно поношенных кедах. Он сделал несколько резких махов руками, несколько раз наклонился из стороны в сторону, а затем негромко продолжил, - наступило время большой охоты, и Виннету пора выходить на тропу войны, - после чего скрылся в зарослях.

- Куда это он? - я в изумлении уставился на развеселившегося Шутника.

- Это наше небольшое изобретение, - рассмеялся тот, - ты заметил, что наш старшина ходит хронически небритый, при том, что командир очень строго относится к внешнему виду своих бойцов? Сейчас он выходит в качестве живца, будет собирать в зарослях своих «коллег» и обещать вывести их безопасным путем с поля. За предыдущие дни он уже таким образом сдал нам человек пятнадцать.

- И в завершении нашего мероприятия, - первый секретарь обкома комсомола поднялся со своего места в президиуме, - самая приятная часть. Позвольте мне зачитать постановление бюро Средневолжского областного комитета о награждении бойцов оперативного комсомольского отряда «Мак-88» почетными знаками и грамотами ЦК ВЛКСМ.

Из актов зала бойцы расходились довольные, так как в дополнение к моральному удовлетворению они получили неплохую заработную плату за два месяца работы. Кроме того, их участие в таком интересном и необходимом деле, как борьба с наркоманией, прибавляло положительных эмоций и самоуважения.

В этот момент мы и представить себе не могли, что буквально через десять-пятнадцать лет вал наркомании захлестнет нашу страну, наркотиками будут торговать в школах и техникумах, доходы от их продажи станут исчисляться сотнями миллионов у.е. В стране будет создана федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков, согласно данным которой рост лиц, состоящих на учете с диагнозом «наркомания», увеличился с 14,5 тысяч (в 1984 году) до 209 тысяч (в 1999 году). Но все это будет позже.

Я шел через пустую площадь к речному вокзалу и изнывал от духоты. Было уже почти шесть часов вечера, но в этот субботний августовский день жара, уже неделю окутывающая город, не собиралась спадать. Отсутствие на площади приплывающих и отплывающих пассажиров, дремлющих таксистов и частников на своих чистеньких, но явно пожилых Жигулях, равно как и гуляющих горожан, казалось, было обусловлено именно погодными условиями.

Однако в действительности все обстояло гораздо прозаичнее – пассажирский речной порт, еще несколько лет назад являвший собой многолюдную и оживленную городскую достопримечательность, в настоящий момент сдал свои позиции: в соседние города перестали отправляться быстрые и вместительные «Метеоры», пользующиеся большим спросом, из расписания убрали «Ракеты», ежедневно курсировавшие от областного центра до прибрежных поселков, резко сократилось число прогулочных рейсов.

Единственное, чем еще жил порт – приемом круизных речных лайнеров с советскими и зарубежными туристами. Причем их количество для Средневолжска было достаточно большим. За летнюю навигацию в порт приходили порядка сотни теплоходов с зарубежными туристами, в том числе из капиталистических стран.

Для работы с этой категорией туристов каждое лето создавался оперативный отряд «Круиз», основными задачами которого были борьба с фарцовщиками, одолевающими приплывших гостей города, и помощь «компетентным органам» при возникновении нештатных ситуаций, которых на моей памяти не было совсем. Отряд состоял из двух групп – силовой, которая формировалась на базе городского оперотряда, и языковой, состоящей из симпатичных второкурсниц факультета иностранных языков местного пединститута, которым это засчитывалось в качестве летней практики.

Парни следили за порядком в порту и возле гостиницы «Интурист», девушки приходили на помощь иностранцам, когда у них возникали какие-то проблемы, в том числе из-за незнания языка. Дежурства проводились 10-12 дней в месяц и только в дни прихода круизных лайнеров с туристами из капиталистических стран. Туристы охотно вступали с нами в разговор, делились своими впечатлениями от города и круиза, рассказывали о себе. Подавляющую часть приплывших на борту теплохода составляли пенсионеры, которым не сиделось дома, и они с удовольствием путешествовали по миру, своими рассказами внося в наши умы полную сумятицу, так как на пенсию наших бабушек и дедушек можно было разве что совершать разовые поездки по стране к детям и внукам.

В одно из таких дежурств мы познакомились с туристом из ФРГ – дедушкой лет семидесяти, который, выпив бутылочку виски, присел к нашей компании, разговорился (с помощью девочек-переводчиц). Из общения с ним мы узнали, что цель его круиза – желание вновь посетить места своей «боевой славы». Как выяснилось, Вторая мировая война (по их классификации) закончилась для него в Сталинграде, где после ранения он попал в плен. В качестве доказательства, пенсионер приподнял штанину летних брюк и, отцепив протез, продемонстрировал его нам.

В другой раз с нами завязала разговор семейная пара западных немцев, которым было интересно узнать как можно больше о Средневолжске. К нашему удивлению, полтора часовое общение не закончилось в холле гостиницы «Интурист», где туристы рассматривали сувениры, а продолжилось вечером на борту теплохода, куда семейная пара пригласила троих из нас. Результат этого знакомства неожиданно проявился через год, когда наша троица получила официальный вызов от наших незапланированных друзей с приглашением посетить ФРГ. Поехать сумел только один из нас и, вернувшись на родину после месячного пребывания в капстране, он на два месяца впал в депрессию от разницы в уровне жизни.

А в этот вечер впереди меня на расстоянии десяти-пятнадцати метров шел невысокий худощавый мужчина в легких светлых брюках и белой льняной рубашке, держа в руках абсолютно ненужную при такой жаре темно-зеленую куртку из тонкого брезента. Меня он не видел, и поэтому его слова, которые он произнес вслух, могли бы вызвать недоумение у окружающих, если бы они были.

- Ну куда, скажи на милость, он мог деться?

Из-под куртки донесся мужской голос, чуть искаженный динамиком:

- А ты еще раз пройди в сторону автобусной стоянки, может он пошел на другой причал.

Я не выдержал и тихо рассмеялся. Мужчина, услышав мой смех, быстро обернулся, но увидев меня, успокоено выдохнул, покачал головой и развел руками, как бы говоря: «Такова жизнь, мой друг». После чего он продолжил свое движение. Его спокойствие объяснялось тем, что заочно мы были давно знакомы – сотрудники подразделения наружного наблюдения, которых с легкой руки моего заместителя бойцы оперотряда стали называть «младшей группой», в дни круизов также дежурили в речном порту и возле гостиницы «Интурист», и, разумеется, мы знали друг друга в лицо, что вообще-то было абсолютным нарушением всех писанных и неписанных правил соблюдения секретности.

Глава четвертая. Экскурс в прошлое. Охранное агентство.

... Каждый выбирает для себя,

Выбираю тоже, как умею.

Ни к кому претензий не имею,

Каждый выбирает для себя...

Юрий Левитанский

Ночную тишину моей квартиры разорвала трель телефонного звонка:

- Сергей Владимирович? Доброй ночи, это оперативный дежурный Автозаводского РОВД, майор Липатов Вас беспокоит.

- Да, слушаю, - мое сонное бормотание полностью соответствовало времени, высвечиваемому на электронных часах.

- Есть среди Ваших сотрудников такой персонаж – Петров Игорь Сергеевич, 1970 года рождения?

- Есть такой, - теперь мой голос звучал несколько бодрее. На уровне интуиции уже было понятно, что ничего хорошего от этого звонка ждать не приходится, - а что случилось?

- Задержали мы его за управление автомобилем без документов, - спокойно и равнодушно произнес майор, - по его словам, вечером он заступил на охрану объекта и примерно в 00:30 сел за руль УАЗика, находящегося на территории, и, видимо, решил покататься по ночному городу, но практически сразу наткнулся на экипаж ППС. Я уже начал оформлять на него материал, но начальник розыска попросил сначала позвонить Вам.

- Понял, уже выезжаю, – коротко ответил я, на ходу натягивая джинсы и рубашку, понимая при этом, что звонку и хорошему отношению дежурного майора обязан начальнику районного ОУР, которого знал еще с комсомольских времен, когда мы вместе пытались навести порядок в гостинице «Интурист» и совместно получали как благодарности, так и серьезные разносы от милицейского начальства.

К счастью, служебный автомобиль, который находился в моем распоряжении круглосуточно, парковался у меня во дворе, поэтому мне хватило десяти минут, чтобы одеться, привести себя в порядок и, прогрев двигатель, с ветерком помчаться по пустым ночным улицам нашего города.

Еще через четверть часа начальник розыска, который в эти сутки был ответственным от руководства, уже встречал меня на крыльце РОВД, покуривая и что-то эмоционально объясняя водителю дежурной машины. Внутри райотдела, располагающегося в трехэтажном здании сталинской постройки, сразу чувствовался неистребимый аромат казенного учреждения. Около стеклянного окна дежурной части маячила поникшая долговязая фигура моего бойца в камуфляжной форме, грустно перебирающего ногами, словно застоялый жеребец.

Через десять минут результативных переговоров оперативный дежурный проводил меня до крыльца, и мы распрощались, взаимно довольные друг другом, чему способствовали две бутылки настоящего армянского коньяка «Двин», которые я на всякий случай захватил из дома. Одна из них была вручена начальнику розыска, а другая – сразу исчезла в недрах дежурной части. Я остановился около машины, потянулся и глубоко вдохнул. Ночной осенний воздух, восхитительный по своей свежести и чистоте, которые невозможно почувствовать в дневное время, располагал к лирическому настроению. Впрочем, это настроение продержалось недолго – сзади послышалось тихое и виноватое сопение Петрова, опасавшегося первым нарушить тишину и напряженно ждущего продолжения разбора полетов.

- Завтра в девять утра в моем кабинете, - спокойно сказал я ему, открывая дверь автомобиля и мысленно прикидывая, сколько времени мне еще удастся поспать.

На следующее утро совещание с руководителями подразделений началось с разбора ночного происшествия, причем сразу было заметно, что особой реакции у них данный инцидент не вызвал. За время работы Агентства они видели и не такое. Неподдельное удивление присутствующих вызвало лишь сообщение моего заместителя, о том, что поутру ему позвонил заказчик и попросил не наказывать виновника строго, так как у последнего была очень уважительная причина, чтобы так поступить. «Он жену ездил проверять, - доверительным шепотом сообщил собеседник».

- Валентин, пригласи нашего героя, - попросил я начальника службы охраны, - пусть заходит.

Дверь открылась и на пороге появился Петров, волосы которого были добросовестно приглажены, а на лице старательно удерживалось виноватое выражение. Глаз он старался не поднимать и делал вид, что внимательно изучает рисунок линолеума.

- Петров, мать твою, - эмоционально произнес начальник дежурной части, который с утра уже получил свою порцию негатива по поводу слабого контроля за несением службы, - объясни нам, бестолковым... какого..., - он запнулся, взглянув на главного бухгалтера, у которой начали округляться глаза, и на ходу скорректировал свою тираду, - ну, в смысле... зачем... ты ночью угнал с охраняемого объекта автомобиль?

Петров тяжело и глубоко вздохнул, шмыгнул носом и ответил двумя словами, после которых все присутствующие медленно, но верно выпали в осадок.

- Не спалось, - тихо и грустно промолвил боец.

- Дебил... - шепотом произнес начальник второго отдела и в замешательстве добавил, - А может им при заступлении на пост снотворное выдавать... пусть уж лучше спят...

Первый раз мысль об открытии детективного или охранного агентства, как ни странно, возникла у меня в момент, когда я постигал школу жизни в статусе внештатного инспектора уголовного розыска. Именно в тот период мне на глаза попался детективный роман, рассказывающий о работе сыскаго агентства в Америке. Перечитывая его, я не раз моделировал деятельность аналогичной организации в нашей стране, при этом понимая полную утопичность самой идеи.

Более вдумчиво мне пришлось озаботиться этой темой после того, как очередная попытка вступления в тайный орден рыцарей плаща и кинжала «накрылась медным тазом» по причине излишней мнительности военных медиков. По мнению их гражданских коллег, мой организм был в полном порядке и мог своим присутствием украсить отряд космонавтов, а некоторые небольшие отклонения были просто его особенностью. Военные медики местного Управления не возражали против моих космических одиссей, но очень опасались, что при прохождении аналогичной комиссии в спецшколе КГБ меня «зарубят», и это будет минусом в их работе. Таким образом, я уже в третий раз пролетел со своей мечтой, как древесный материал из лушеного шпона над столицей Франции, и это при том, что мне уже удалось пройти

все остальные собеседования, узнать не только когда и куда меня направят на учебу, но и в каком кабинете будет мое рабочее место после возвращения.

В этот период комсомол, где я добросовестно трудился в должности инструктора областного комитета, чутко уловив изменение экономической конъюнктуры, начал создавать хозяйственные центры самой различной направленности. Комсомольские вожаки и аппаратчики, которые в большинстве своем прошли хорошую управленческую школу, решили использовать полученный опыт на новом для себя поприще. Они занялись открытием видеосалонов, созданием научно-технических и юридических центров, концертных агентств и многого другого.

Много позже различные эксперты в области «советского империализма и тоталитаризма» захлеб с голубых экранов будут разглагольствовать о поголовном оболванивании молодежи коммунистической идеологией, которая уничтожала их индивидуальность, и о том, что основная роль в этом «позорном процессе», по их мнению, принадлежала комсомолу. Хотя, с моей точки зрения, ВЛКСМ для наших молодых людей являлся организацией, в которой каждый мог получить то, что хотел. Те из юношей и девушек, кто от комсомола не хотел ничего, раз в месяц посещали комсомольские собрания и платили членские взносы (абсолютно необременительные для собственного бюджета), а также раз в год подписывались на газету «Комсомольская правда». Те, кто хотел путешествовать – шли прямым ходом в бюро молодежного туризма «Спутник» и за очень небольшую плату ездили с туристическими группами по стране. При желании можно было выехать в зарубежную поездку и посмотреть, как живут наши «братья по социалистическому лагерю». Попасть по путевке в капиталистическую страну было очень сложно, но тоже, в принципе, возможно. Кто-то пытался решать с помощью комсомола свои жилищные проблемы – добивался включения в состав молодежных жилых комплексов и строил жилые дома, в которых потом и получал квартиру. Кто-то занимался интересным для себя делом – научно-техническим творчеством или работой в оперотрядах. Ну и наконец, для тех, кто хотел сделать карьеру (при том, что слово «карьера» в советские времена звучало откровенно осуждающе), работа в комсомоле была неким лифтом, где можно было попробовать свои силы и получить дополнительные возможности.

Кроме того, комсомол проводил идеологическое воспитание молодежи. Можно сколько угодно с усмешкой рассказывать, как молодых людей пытались лишить свободы выбора и стричь под одну гребенку. Но при этом в те «застойные времена» отношение к воинам, погибшим в Великой Отечественной войне, было как к героям. Никому и в голову не могло прийти сотворить какую-то непотребность возле Вечного огня, подвергнуть осмеянию подвиг молодого гвардейцев или усомниться в героизме жителей блокадного Ленинграда.

Конечно, как и во всякой организации, в комсомоле встречались и откровенные бюрократы, и профессиональные «лакировщики», для которых основным результатом работы были выхолощенные и подогнанные цифры, свидетельствовавшие о «небывалом росте и всеобщем охвате». Для меня работа в комсомоле была возможностью заняться интересным делом на профессиональной основе, пройти серьезную организаторскую школу, обзавестись множеством знакомств, которые могли стать полезными в последующей моей деятельности.

Что касается «разнузданных оргий» среди комсомольского аппарата, красочно описанных писателем Юрием Поляковым в повести «ЧП районного масштаба», то с этим в наших рядах был полный пролет. Может быть, столь красочные действия были присущи только столичным регионам – судить не берусь. Помню лишь, что после просмотра премьерного показа фильма, снятого по вышеупомянутой книге, который был организован специально для комсомольского актива, часть зрителей повернулась с недоуменными выражениями лиц в сторону руководства и задала законный вопрос – «А почему, собственно, такие мероприятия мы видим лишь на экране?». Комсомольское начальство юмор оценило и ответило, что не стоит требовать воплощения фантастики в реальную жизнь.

После крушения планов перехода на работу в органы безопасности передо мной во весь рост встал один из вопросов, поставленных писателем Чернышевским – «Что делать?». Ответ на второй вопрос – «Кто виноват?» был прекрасно известен и никак не влиял на мою дальнейшую судьбу. Я прекрасно понимал, что в комсомоле до пенсии могли работать только водители, завхозы и секретари-машинистки. Для остальных комсомольская работа была неким трамплином, после которой предполагалась какая-то новая сфера деятельности в зависимости от способностей, налаженных связей или, что уж кривить душой, наличия высоких покровителей. В моем случае трамплин не подбросил меня вверх, что никак не радовало, но и не сбросил вниз, что абсолютно не огорчало.

Немного посмотрев на коллег, создававших хозрасчетные организации и начинавших самостоятельно зарабатывать деньги, в один из рабочих дней я решительно взял ручку, чистый лист бумаги и принялся разрабатывать тактику и стратегию своей будущей деятельности. Первым делом мне потребовалось разработать проект устава молодежного правоохранительного центра и определить круг лиц, с кем этот документ можно и нужно согласовать, перед тем как выносить его на утверждение руководства. После подготовки многостраничного фолианта меня посетила мысль, что хорошо было бы привлечь на свою сторону начальника областного УВД, тем более, что с ним за последние годы у нас сложились достаточно хорошие отношения. В отличие от некоторых предшественников, с моей стороны никогда не было попыток свалить ответственность за состояние молодежной преступности на коллег в милицеской форме. Напротив, на всех совещаниях я старался подчеркнуть, что положительные итоги нашей работы являются результатом хорошего взаимодействия. Несколько раз примеры такого сотрудничества упоминались и в средствах массовой информации, что вызывало благосклонную реакцию партийного и милицкого начальства.

Предварительно созвонившись и получив добро на встречу, я отправился на улицу Фридриха Энгельса, где в красивом трехэтажном здании располагалось здание областного УВД, и после предъявления дежурному сержанту удостоверения спокойно проследовал на второй этаж в приемную начальника Управления.

- Добрый день, Ольга Владимировна, - вежливо поздоровался я с секретарем, - Николай Викторович у себя?

- Здравствуйте, Сергей, - приветливо улыбнулась она в ответ, - у шефа сейчас начальник уголовного розыска, как выйдет – можете зайти.

Минут через пять дверь распахнулась и из кабинета вышел высокий атлетически сложенный мужчина лет 45, одетый в темно-серый костюм с отливом и черную водолазку под горло. Увидев меня, он протянул руку для приветствия и коротко осведомился:

- Не по нашу душу к шефу?

- Никак нет, товарищ полковник, - мне удалось сохранить нормальное выражение лица, не показывая, что моя рука, протянутая для ответного рукопожатия, попала в стальные тиски, - у нас с вашей службой сплошное взаимопонимание.

- Вот и замечательно, - ответил он, уже выходя в коридор, - если будут проблемы – знаешь, где мой кабинет.

Распахнув дверь, я попросил разрешения войти и, поздоровавшись, перешагнул порог.

Начальник управления, высокий мужчина плотного телосложения, одетый в форменную рубашку с короткими рукавами, вышел из-за стола и, обменявшись со мной рукопожатием, весомо произнес:

- Смотри, что у меня тут имеется, - он рукой показал на двухпудовую гирию, стоящую около приставной тумбы, - каждый день по двадцать подходов делаю. Попробуешь?

Я оценил размеры гири и скромно отказался. Генерал удовлетворенно хмыкнул, сел в кресло и удобно расположившись в нем, произнес:

- Присаживайся, Сергей, и рассказывай, какие заботы привели тебя в нашу скромную обитель и чем можем помочь орденоносному комсомолу?

Мне понадобилось пять минут, чтобы изложить свои мысли и передать начальнику проект своих наработок. Генерал с интересом посмотрел на меня и углубился в бумаги, время от времени приговаривая:

- Неплохо придумано... интересно... ну это вряд ли... а это уж точно никто вам не разрешит.

Дочитав до конца, он откинулся на спинку кресла и спросил:

- Сам придумал?

- Сам, - скромно потупившись, ответил я, - но с использованием мирового опыта.

- Чувствую, хлебнем мы от этого мирового опыта, - как бы самому себе сказал начальник, - Если честно, то можно попробовать. Но только в части охранной деятельности. В оперативную сферу и не думай влезать – ничего хорошего из этого не выйдет. И сам лично огребешь по самое не хочу, и дело угробишь. От меня-то что надо? – продолжил он, возвращая мне документы.

- Просто хотел посоветоваться и получить одобрение, - мой ответ понравился генералу, - все-таки это Ваше поле и хотелось бы иметь поддержку с Вашей стороны.

- Тогда считай, что я все одобрил, с учетом моих правок, - кивнул он, - и могу дать еще один бесплатный совет – нанеси такой же визит прокурору. К областному ты не пробьешься, да тебе и не надо, а вот к городскому – сходи и согласуй. Или хотя бы поставь его в известность.

Визит к городскому прокурору прошел очень быстро и результативно. Когда я переступил порог его служебного кабинета, то сразу понял, что прокурор чем-то очень расстроен. Меня он выслушал с отрешенным видом и на просьбу посмотреть и согласовать подготовленные мною документы, горестно махнул рукой и коротко ответил:

- Да делайте, что хотите, - и опять впал в состояние задумчивости.

Я вышел из кабинета, напряженно размышляя, можно ли его ответ считать согласованием и одобрением, а потом решил, что, наверное, можно, так как никаких возражений от него не прозвучало.

Как ни странно, но единственным чиновником, успешно вставившим палки в колеса моему перспективному проекту, оказался управляющий местным банком, куда я пришел с полным пакетом уже утвержденных документов. Он внимательно изучил их, после чего твердо и спокойно объявил, что никакого расчетного счета в банке он нам не откроет, так как, по его мнению, наше охранное агентство не имеет законного права заниматься указанной деятельностью. Все мои попытки объяснить, что, во-первых, агентство прошло официальную государственную регистрацию, а, во-вторых, что определение законности деятельности организаций не входит в компетенцию управляющего банком, разбивались о его ледяное спокойствие и уверенность в своей правоте.

На мой прямой вопрос – чье мнение сможет изменить его позицию, управляющий, ни секунды не раздумывая, ответил, что ему будет достаточно официального разрешения, подписанного, ни много ни мало, председателем облисполкома. Из здания банка я вышел немного ошарашенный и сразу начал перебирать кандидатуры моих знакомых, через которых мог бы попасть на прием ко второму человеку в области. Решение пришло неожиданно, мне вдруг вспомнилось, что бывший коллега по комсомолу перешел на работу в облисполком и стал ответственным секретарем областной комиссии по борьбе с преступностью, которую нужный мне чиновник и возглавлял. Я остановился на перекрестке и стал думать, куда мне идти – в свой рабочий кабинет и пытаться найти телефон новоиспеченного ответственного секретаря или сразу в облисполком, до которого было десять минут ходу.

- Привет, Серега, - радостно воскликнул Алексей, увидев меня на пороге своего кабинета, - какими судьбами? Присматриваешь для себя новую должность? - засмеялся он, - сразу предупреждаю – свою не уступлю. Хотя могу продать.

- А повыше должности нет? – с улыбкой парировал я.

- Была бы – давно сам занял. Так чем могу? – Алексей проявлял максимум доброжелательности, помня, что когда я был его куратором, то никогда не изображал из себя грозного руководителя, но всегда старался помочь в решении проблем, если это было в моих силах.

Я в нескольких словах рассказал о своем проекте и обрисовал ситуацию после визита в банк.

- Круто, - восхитился Алексей, - я бы до такого не додумался. Ты – молодец, практически первооткрыватель. А насчет твоей проблемы, - продолжил он, - жаль, что ты не пришел хотя бы вчера.

- Почему вчера, – меня насторожила фраза Алексея, априори предполагавшая какую-то неприятность, - а что за это время изменилось?

- Да просто если бы ты пришел вчера, то я к сегодняшнему заседанию подготовил бы этот вопрос, и завтра требуемая бумага была у тебя, - легко и беззаботно ответил он, щурясь от солнечного света, проникавшего через окно, - а теперь это все откладывается на неделю. Поэтому носи официальное письмо и приложи к нему копии уставных документов, а все остальное – я сделаю.

Через неделю у меня на руках был необходимый документ, а у Алексея – подарок от меня в виде трехтомника детективных произведений Аркадия Адамова, и, судя по его реакции, было сложно определить, чья радость была больше.

Наконец все формальности были улажены, счет в банке открыт, и теперь мне надо было засучить рукава и начать его пополнять денежными знаками.

Еще на первоначальном этапе разработки документов мне пришлось погрузиться в экономические расчеты, согласно которым я понял, что для нормальной жизни организации требовалось заключить договоры на сумму не менее 40 000 рублей в год, или примерно три с половиной тысячи в месяц. Стоит напомнить, что зарплата инженера, только закончившего институт, была 120 рублей в месяц, а предел мечтаний советского автомобилиста – автомобиль Волга ГАЗ-24 стоил примерно десять тысяч рублей.

Первый договор, который заключило Агентство, заключался в ночной охране какого-то учреждения и принес нам целых 400 рублей в месяц. А дальше развитие бизнеса пошло как в старом анекдоте:

«Журналист спрашивает владельца крупного автомобильного завода, как он стал миллионером.

- Когда я был молодым студентом, - рассказывает бизнесмен, - я как-то шел по улице и увидел лежащее на земле спелое яблоко. Я поднял его, помыл и продал, а на вырученные деньги я купил уже два яблока

- Аааа.... Я понял, - перебивает его журналист, - потом продали два и купили четыре, потом восемь и так далее...

- Нет, - спокойно отвечает интервьюируемый, - потом я встретил дочь миллионера и женился на ней.»

В моем случае роль дочери миллионера сыграли двое молодых людей, одного из которых я знал по совместной учебе в политехе. Они пришли ко мне с предложением, которое меня очень заинтересовало – выступить в качестве наших представителей в процессе поиска потенциальных клиентов (тогда термин «менеджер» еще не был в ходу) с последующей выплатой им определенного процента за посреднические услуги. Первым, кого им удалось уговорить на заключение договора с нашим Агентством, был тесть одного из них, занимавший должность директора дорожно-строительного управления. Этот договор принес в кассу почти

девять тысяч рублей в год. Затем в сферу их убеждений попал директор текстильного комбината, и объем заключенных договоров увеличился еще на шестьдесят тысяч, перекрыв планку, установленную мной. Но и на этом талантливая пара не думала останавливаться, следующий договор был заключен с домостроительным комбинатом почти на шестьсот тысяч в год.

Штат агентства стремительно расширялся, появилась служба охраны, дежурная часть, чуть позже был создан отдел безопасности, куда пришли работать двое отставных чекистов. Так как наше агентство было первым и единственным в области (а также одним из первых в России), то из конкурентов, соответственно, была только старая и всех уже порядком утомившая военизированная охрана. Поэтому далее включилось «сарафанное радио», и информация о серьезной профессиональной и, к сожалению, недешевой охране стала стремительно распространяться в деловых кругах. Настал такой период, когда мы вынуждены были отказываться от каких-то договоров либо по причине отсутствия возможностей их выполнения, либо по причине несоответствия условий.

Каждый день работы приносил что-то новое – то вдруг клиент вспоминал, что полгода назад он оставил на строящемся доме контейнер со стеклом, а сейчас оно куда-то пропало, и целый день начальник отдела охраны тратил на то, чтобы с Заказчиком осмотреть объект, постоянно напоминая ему, что договор был заключен всего месяц назад и стекла на стройке не было уже тогда. То вдруг приходила с проверкой налоговый инспектор, во время общения с которой наш юрист выяснял, что вообще-то у нее направление на проверку другой организации, расположенной через три дома от нашего офиса. Но так как дверь в ту организацию оказалась закрыта, то в голову инспектора пришла мысль – «А почему бы тогда не проверить кого-нибудь рядом?»

Пришлось осваивать абсолютно новые формы работы, в которых мы чувствовали себя первооткрывателями, заказывать ролики на радио и телевидении, давать рекламные объявления в газетах. При этом мы старались изучать опыт наших иногородних коллег. Кто-то из них делал рекламу по устоявшимся стандартам – красочный плакат с бойцами, одетыми в камуфляж и демонстрирующими оружие на фоне раскрашенных патрульных автомобилей. А кто-то старался найти более креативные решения – одна из московских охранных фирм разместила по городу билборды, на которых была изображена мужская нога в черном полуботинке с развязавшимся шнурком. Надпись под рисунком гласила – «У наших клиентов тоже бывают проблемы, но не сложнее, чем эта».

Большие дискуссии среди руководства Агентства вызвал процесс выбора слогана, который должен был отражать нашу политику в отношении потенциальных клиентов и преимущества перед другими охранными предприятиями. После почти недельного обсуждения мы остановились на варианте, предложенном одним из охранников – «Мы обеспечим безопасность всего, чем вы дорожите».

В марте 1992 года был принят закон о частной охранной деятельности, который разрешил использование охранниками огнестрельного оружия, но, как обычно, виды и модели оружия, порядок получения и прочие подробности должны были быть прописаны в подзаконных актах, которые власти принимать не торопились.

В обеденный перерыв ко мне в кабинет с заговорщическим видом зашел начальник службы охраны, с которым мы были знакомы еще с комсомольских времен.

- Серега, - он покосился на плотно закрытую дверь, - есть интересная тема. Нам же теперь по закону можно использовать огнестрельное оружие, если я не ошибаюсь?

- Не ошибаешься, - подтвердил я, не отрываясь от текста договора, лежавшего передо мной, - но ты же сам понимаешь, что до согласования всех организационных вопросов может пройти столько времени, что оружие мы получим вместе с пенсионными удостоверениями.

- А вот тут ты не прав, - Валентин удобно развалился на стуле и с превосходством посмотрел на меня, - я вчера и сегодня пробежался по своим связям, и вот что узнал – областное УВД готово дать нам разрешение на закупку револьверов системы Наган, которые есть на вооружении у заводских ВОХРов. Дело в том, что по новым законам военизированная охрана негосударственных предприятий утратила право на использование оружия, и оно должно быть у них изъято. Возиться с их хранением милиции совсем не хочется, и поэтому мне прозрачно намекнули, что они готовы дать предписание ВОХРам на реализацию оружия, а нам, соответственно, – разрешение на его приобретение.

- И что они хотят от нас, кроме бесконечной благодарности? - меня никак не отпускало ощущение призрачности происходящего, никто из моих иногородних коллег по бизнесу до сих пор не мог похвастаться наличием собственного оружия, и у нас появлялась реальная возможность стать пионерами в этом вопросе.

- Они просят выделить им для поощрения сотрудников к Дню милиции двадцать пять пылесосов, - я сразу понял, о чем идет речь. Полгода назад мы взяли под охрану завод, который выпускал стиральные машины и пылесосы. Стоит ли напоминать, что в начале девяностых эти агрегаты были в большом дефиците у населения, а в нашем договоре на оказание охранных услуг предусматривалась возможность получения определенного количества готовой продукции по отпускным ценам.

Через две недели в оружейной комнате мы уже с восхищением рассматривали закупленные револьверы системы Наган, на которых красовались, в том числе, и такие надписи – «Императорский тульский оружейный завод 1897 год» и обменивались мнениями о том, что пистолеты Макарова, состоящие на вооружении МВД, по сравнению с нашими револьверами, прошедшими испытание двумя мировыми и одной гражданской войнами, не выдерживают никакого сравнения.

- Ну вот, - радостно произнес Валентин, держа в руках револьвер и рассматривая надпись на нем, - Наганы нам выдали, теперь есть смысл пошить кожаные тужурки, фуражки и распечатать на листе А4 мандаты сотрудников ВЧК.

Еще через полгода после прихода нового начальника в Управлении начались разборки на тему, каким образом у охрannого агентства оказалось в собственности оружие, не предусмотренное действующим законодательством. Правительство и МВД наконец-то разродилось Постановлениями и Инструкциями, согласно которым охранные предприятия могли использовать в своей деятельности только пистолеты Макарова, к тому же взятые в аренду в органах внутренних дел. Попытка изъять наше оружие потерпела неудачу, так как судья арбитражного суда, в который мы обратились с иском, в течение одного заседания рассмотрел наше дело и, не мудрствуя лукаво, постановил: так как оружие было приобретено до принятия соответствующих подзаконных актов, то оно принадлежит охрannому предприятию на законных основаниях.

- Сергей Викторович? – мужской голос в телефонной трубке звучал вальяжно и был переполнен чувством собственного достоинства. Мне сразу представился на том конце телефонной трубки упитанный американский миллионер, сидящий в роскошной каюте на собственной яхте посреди водной глади Атлантики в белом льняном костюме, и рассматривающий раскрытый дипломат, набитый пачками долларов. На столике в специальной подставке дымится гаванская сигара, а в толстый стакан налит виски со льдом, - моя фамилия Ефремов Валерий Валерьевич, я являюсь директором Киреевского текстильного комбината.

С тех пор как мы взяли под охрану суконный комбинат в Пригородном районе, у последнего исчезли проблемы с хищением готовой продукции, и этот факт «сарафанное радио» разносло среди руководства предприятий текстильной промышленности.

- Слушаю Вас, - как можно вежливее ответил я, - чем могу быть полезным?

- Мы бы хотели заключить с вами договор на охрану комбината, - при этих словах мое лицо приобрело довольное выражение, - смогли бы Вы приехать к нам на комбинат, скажем, послезавтра, чтобы посмотреть производство и обсудить детали?

В указанный день мы с начальником отдела охраны, проехав сто с лишним километров, сидели в просторном директорском кабинете. Роскошная по тем временам мебель, тяжелые плотные шторы на окнах, за спиной директорского кресла – шкаф на целую стену с книгами, сервизами и отделением для одежды. Внешность директора оказалась практически той, что я себе представлял при телефонном общении, хотя в его образе не доставало нескольких мелочей – светлого льняного костюма, дипломата с долларами, кубинской сигары, стакана с виски и океанской глади за окном.

Выслушав краткую историю создания комбината и роли собеседника в его развитии, я дождался паузы в директорском монологе и задал вопрос:

- Скажите, пожалуйста, Валерий Валерьевич, а когда Вам становится известно о совершении хищения на комбинате?

Директор ненадолго задумался, а потом как-то неуверенно ответил:

- Видите ли, дело в том, что у нас достаточно сложный производственный процесс, в начале которого стоит запуск в работу сырья, а конечным итогом является получение готовой продукции – пряжи. Поэтому мы хищение видим по итогам работы за квартал – сколько должно было получиться пряжи из исходного количества сырья и, соответственно, сколько получилось в реальности. Например, за прошлый квартал недостача составила примерно 15 тонн пряжи.

При этих словах наши глаза округлились, мы переглянулись и подумали об одном и том же – для жуликов на комбинате полная лафа, охрана чисто символическая и формальная, комбинат стоит на окраине поселка, в ограждении есть дыры, в которые можно было не только просунуть мешок с пряжей, но и пролезть самому. В поселке, по словам директора, есть отделение милиции, состоящее из трех человек, но, во-первых, их слишком мало, а во-вторых, все их родственники работают на этом же комбинате, поэтому мотивация к активной работе отсутствует.

Мы попросили десять минут для того, чтобы посмотреть территорию предприятия, подготовить предложения и вышли из здания.

- Твои предложения, Дмитрий? – я еще раз обвел взглядом внутренний двор и увидел мужика в телогрейке, перебрасывающего через забор туго набитый мешок. Увидев мои округлившиеся глаза, начальник охраны оглянулся и тут же сорвался с места. Через полминуты потенциальный жулик уже стоял с широко расставленными ногами, уперев ладони в забор, а Дмитрий ловко проводил личный досмотр, подтверждая своими действиями, что подготовка в воздушно-десантных войсках, где он еще не очень давно проходил срочную службу, была поставлена на высоком уровне.

Через три минуты, завывая сиреной, на территорию комбината влетел милицейский УАЗик, из которого выпрыгнули (точнее, вывалились) два упитанных сержанта. Милицию вызвал директор, наблюдавший всю эту сцену через окно.

- Ну теперь мы можем смело поднять первоначальную цену на 10-15 процентов, - заметил Дмитрий, отряхивая ладонями свои запылившиеся и испачканные при задержании джинсы, - профессионализм стоит дорого, - с гордостью закончил он.

Мы вновь вошли в директорский кабинет, сели за стол, и я протянул Валерию Валерьевичу листок с расчетами стоимости наших услуг. Посмотрев на цифры, он удивленно округлил глаза и горестно протянул:

- Сто двадцать тысяч за год, - казалось, еще немного и он заплачет, - это же какие огромные деньги. Может быть, скинем процентов 25-30?

На это предложение, периодически звучавшее от потенциальных заказчиков, у нас был заготовлен аргументированный ответ. Его мне предложили два наших «менеджера», с которыми мы обговаривали ценовую политику. Один из них, на мой вопрос, как реагировать на такие предложения, немного подумал и дал свою версию ответа:

- Давайте рассмотрим два варианта наших действий в ответ на Ваше предложение о снижении цены договора. Первый вариант – мы с Вами не договорились по цене и не смогли заключить договор, это очень печально, мы не получим дополнительный доход, но наша репутация не будет подвергнута каким-либо ненужным рискам и останется на высоте. Второй вариант – мы идем на Ваши условия, скидываем цену, заключаем договор, понимая при этом, что не сможем качественно выполнить свои обязанности, и через какое-то время наши отношения будут прерваны по Вашей инициативе, но уже по причине нашей непрофессиональной работы, и мы останемся без договора, без дополнительного дохода и с подмоченной репутацией.

Выслушав мой ответ, директор огорченно покачал головой, но в этот момент раздался стук в дверь, которая тут же приоткрылась и в проеме показалась мужская голова.

- Извините, товарищи, неотложное дело, - извиняющимся тоном произнес вошедший, - Валерий Валерьевич, надо срочно посоветоваться.

- Да-да, - заторопился директор, - извините, бога ради, мы с главным технологом оставим вас на минуту.

С этими словами он встал с кресла, подошел к шкафам и, распахнув двустворчатую дверь, шагнул внутрь. Вслед за ним туда же двинулся и технолог. Оказалось, что эта дверь вела в комнату отдыха. Вернулся дуэт минуты через две, технолог сразу же вышел из кабинета, а директор с удовлетворенным видом сел в свое кресло, нацепил очки и, наполнив пространство вокруг себя запахом хорошего алкоголя, ещё раз посмотрел в листок с моими расчётами и удовлетворенно произнес:

- Ну что же, сто двадцать тысяч – вполне приемлемая цена, - он обвел нас повеселевшим взглядом и продолжил, - готовьте договор, будем подписывать.

После очередной общероссийской конференции, на которой всю рекламу вложил в себя образованный ЦК профсоюза работников детективных служб, мы в Агентстве зачехлили профсоюзную организацию, и из собственных средств стали платить зарплату ее председателю Виктору Петровичу, который тут же начал борьбу с нами под предлогом защиты прав охранников.

Через несколько дней после своего трудоустройства Виктор Петрович, ранее занимавший пост секретаря парткома одного из небольших заводов, полный энергии и решительно настроенный, собрал профсоюзное собрание, на котором присутствовала часть охранников и почему-то сотрудники коммерческого отдела, права которых, видимо, тоже нарушались.

- Скажите, Сергей Владимирович, - бойко начал свое выступление профсоюзный вожак, гордо оглядывая сидящих за ним охранников, - сколько процентов от суммы договора уходит на зарплату?

- Примерно сорок процентов, - мой ответ был произнесен ровным и спокойным голосом.

- А почему именно сорок, - не унимался он, - куда уходят остальные деньги?

По нынешним традициям, ответ на подобный вопрос явил бы собой отправку спрашивающего по ненормативному и известному всем маршруту. Но в те времена еще были сильны традиции советского строя, где пролетариат являлся гегемоном (правда, можно ли было отнести охранника к пролетариату – вопрос спорный). И я с цифрами в руках стал рассказывать про бюджет, расходы, налоги. Охранники, разбиравшиеся в экономике ровно настолько же, насколько я мог считать себя специалистом в водолазном деле (знаю, что существует кессонная болезнь и всплывать с большой глубины надо постепенно), начали мне доказывать, что расходы можно сократить, а налоги – спрятать. На этом дискуссия застопорилась.

Внезапно в мою голову пришла мысль, которую я решился озвучить.

- А скажите мне, уважаемый профсоюзный лидер, - в моем тоне не было ни капли иронии, и Виктор Петрович, гордо приосанившись, стал меня внимательно слушать, - я заключил с клиентом договор о круглосуточной охране объекта, стоимость которого составила 10 000 рублей в месяц. Какая сумма должна пойти на зарплату сотрудникам охраны?

- Сорок процентов, - автоматически озвучил он мои предыдущие расчеты, - то есть четыре тысячи рублей.

- Отлично, - продолжил я жизнерадостным тоном, - то есть при графике работы сутки через трое, на объекте будут трудиться четыре охранника с зарплатой по тысяче рублей на каждого. Правильно?

Профсоюзный босс задумчиво кивнул головой, пытаясь сообразить, в чем собственно подвох.

- Теперь представьте себе ситуацию, - я, продолжая улыбаться, посмотрел на него, - что мне, как очень талантливому руководителю, удалось убедить заказчика заплатить за эту работу в два раза больше, то есть не десять, а двадцать тысяч. Какую зарплату должны получить наши четверо охранников?

Виктор Петрович, практически не задумываясь, выдал ответ:

- Сорок процентов от двадцати тысяч – это восемь тысяч рублей. Делим на четверых охранников и получаем по две тысячи рублей на каждого.

После этого он с видом победителя оглядел аудиторию, увидев, что охранникам его арифметика явно пришлась по вкусу.

- Простите, Виктор Петрович, - мой тон стал недоуменным, - а что в данной ситуации изменилось для охранников? Условия работы и график те же самые, с каких пряников их зарплата должна увеличиться в два раза?

- Потому что доля заработной платы должна составлять сорок процентов, - веско ответил Виктор Петрович и обвел взглядом согласно кивающих головами зрителей.

- А теперь рассмотрим обратную ситуацию, - мне уже реально стало смешно, - заказчиком является, например, детский дом, у которого очень сложная финансовая ситуация. И я принимаю решение с учетом его трудностей сделать ему скидку на 50%. Таким образом, договор составит не десять, а пять тысяч рублей и, соответственно, сорок процентов от этой суммы составляет две тысячи рублей. Или по пятьсот рублей на охранника. Согласны?

- Как это? – среди сидящих в зале началось волнение, которое профсоюзный босс сразу же чутко уловил, – Все эти скидки – это ваши проблемы, а охранник должен получать тысячу рублей. Как положено. И еще, - продолжил он с воинственным видом, - все это должно быть отражено в коллективном договоре, проект которого вы обязаны разработать и предоставить нам в десятидневный срок.

Я переглянулся с заместителями, и мы поняли, что все эти профсоюзные новации – игра в одни ворота. Поэтому на следующий день Виктору Петровичу было объявлено, что защита прав работников от нарушений со стороны работодателя – это очень важное и нужное дело. Вот только теперь его зарплата будет выплачиваться не за счет работодателя, с которым он должен бороться, а из профсоюзных взносов, которые он будет самостоятельно собирать с членов профсоюза. Через месяц после безуспешных попыток создать реально действующую профсоюзную организацию с уплатой членских взносов Виктор Петрович покинул наше Агентство и на этом профсоюзная эпопея закончилась, практически не начавшись.

Через год после начала работы Агентства ко мне в офис пришли два сотрудника Управления КГБ с предложением вернуться к вопросу о переходе к ним на службу. Решение проблемы с медиками руководство Управления обязалось взять на себя. После зачисления на службу

меня должны будут отправить на полугодовое обучение в Новосибирск, где всегда готовили сотрудников военной контрразведки, но сейчас расширили специализацию.

- Но есть два момента, которые ты должен учесть, - мы с оперативниками были знакомы давно, и они хотели, чтобы я знал все нюансы и принял правильное решение, - первое – в Средневолжск после обучения ты уже не вернешься, второе – распределение ты получишь в Прибалтику или Закавказье.

Учитывая, что СССР уже лихорадило, и в этих регионах вовсю шло формирование националистических движений, я задумался.

- Что вы мне посоветуете, - прервав раздумья, я обратился к визитерам, – мне интересно услышать ваше мнение. Вы же обладаете более полной информацией, чем я.

- Если честно, - ответил один из оперативников, капитан отдела контрразведки, переглянувшись с напарником, – то я бы посоветовал тебе, Сергей, никуда не дергаться. У тебя есть работа, есть квартира, есть перспективы. Мне кажется, не стоит их менять на неопределенность в своей судьбе.

- К тому же, - вступил в разговор его напарник, старший лейтенант, с которым мы хорошо были знакомы по работе нашего отряда в гостинице «Интурист», - если у тебя останется желание попасть к нам, то всегда будет возможность его реализовать.

Глава пятая. Будни Агентства

... Какое небо голубое, мы не сторонники разбоя,

На дурака не нужен нож, ему покажешь медный грош

И делай с ним, что хошь...

Булат Окуджава

Я добросовестно пытался отредактировать проект приказа, который принес начальник службы охраны, но всякий раз, когда начинал вчитываться в его текст, меня кто-то отвлекал. Пришлось, мысленно махнув рукой, включить кофеварку и приготовить себе чашечку кофе, чтобы затем со свежими силами попытаться продолжить лингвистические изыскания.

Как только мне удалось сделать первый глоток ароматного напитка, телефон на столе немедленно залился негодующей трелью, призывно мигая красным огоньком на панели.

- Слушаю, - взяв трубку, ответил я и услышал:

- Сергей Владимирович, это Смирнов говорит, тут на объект приехали представители собственника и хотят с Вами встретиться прямо сейчас.

Валера Смирнов работал в Агентстве с момента его основания. Когда мы создавали охранное предприятие, то к нам перешла половина бывших бойцов городского оперотряда, которые к этому времени уже успели закончить институты и техникумы и узнать, что никто их особо на производстве не ждет, а если и готов принять, то только на очень минимальные оклады.

- Хорошо, Валера, - я посмотрел на наручные часы, прикинул в уме и ответил, - скажи, что буду через двадцать минут.

Потратив еще немного времени, мне удалось дозвониться до Макса и попросить его прямо сейчас поехать на объект, чтобы прояснить обстановку перед предстоящей встречей.

Объект представлял собой круглосуточно работающий игровой клуб с установленными в зале автоматами, тотализатором и небольшим баром. Располагался он в самом центре города на первом этаже двенадцатиэтажного офисного здания. У входа не было никакого рекламного щита, кроме небольшой вывески «Спорт Сити», висевшей по обеим сторонам от входной

двери. Проезжая по центру, я неоднократно обращал на клуб внимание, но в качестве объекта охраны никогда его не рассматривал.

Три месяца назад со мной созвонился менеджер этого заведения и выразил настоятельную просьбу встретиться, причем на территории клуба. Мы обговорили время и randevу состоялось на следующий день.

Когда я вошел в клуб, то сразу окунулся в уютный спокойный полумрак – освещение в зале было приглушенное, зато ярко светились игровые автоматы, стоящие вдоль стен. Ковролин на полу, тихие разговоры, изредка прерываемые стоном огорчения или радостными выкриками, официантки, разносящие игрокам напитки и закуски – все настраивало на желание отгородиться от житейских проблем и провести несколько часов в этой обстановке, переходя от одного автомата к другому в надежде получить заветный выигрыш. Оглянувшись по сторонам, я отметил, что в зале нет часов. Позже мне стало известно, что это общее правило, действующее для всех игровых заведений и обусловленное двумя причинами – во-первых, ничто не должно отвлекать посетителя от процесса игры, а во-вторых, отсутствие акцента на текущее время должно создавать у игрока иллюзию, что он еще все успеет.

Несмотря на разгар рабочего дня, народу в зале было довольно много, практически все места возле автоматов были заняты. Посетителей можно было условно разбить на три группы – первая состояла из представителей «золотой молодежи», которые никуда не торопились, абсолютно не огорчались проигрышу и довольно равнодушно радовались выигрышам. Игроков второй группы отличала сосредоточенность и отсутствие какого-либо интереса к происходящему вокруг. Они играли по каким-то самостоятельно разработанным теориям, постоянно сверяясь со своими записями или делая в них какие-то пометки. Третью группу представляли игроманы, которые вели себя очень нервно, эмоционально реагируя как на частые проигрыши, так и на редкие выигрыши.

- Добрый день, Сергей Владимирович, - произнес, лучезарно улыбаясь, подошедший ко мне парень лет двадцати пяти, одетый в костюм от Армани и черную рубашку в тонкую светлую полоску, - очень рад познакомиться, много о Вас слышал. Меня зовут Родион, я старший менеджер клуба.

- Добрый день, Родион, - мы обменялись рукопожатиями, - и мне очень приятно. «Хотя про тебя мне вообще никогда и ничего слышать не приходилось», - захотелось продолжить фразу, но я сдержался.

- Прошу, - он приглашающим жестом показал в сторону бара, - если не возражаете, выпьем кофе, или что-то покрепче по желанию, и пообщаемся.

- Насчет кофе не возражаю, - согласился я, - что-нибудь покрепче, к сожалению, не получится.

Мы сели на удобные диванчики, официантка принесла два кофе, я попробовал, оценил вкус и выжидательно посмотрел на менеджера, простите, на старшего менеджера. Сразу вспомнился анекдот, *в котором еврейский мальчик допытывается у мамы, кто такой Энгельс. Мама, недолго думая, отвечает:*

- Энгельс, деточка, это такой экономист.

- Как наша тетя Циля? – радостно вопрошает мальчик

- Ну что ты, - мама укоризненно качает головой, - наша тетя Циля – старший экономист.

- Так чем могу быть полезен? – кофе, безусловно, вкусный, но свободного времени у меня было очень мало и просто так сидеть в разгар рабочего дня – непозволительная роскошь.

- Простите, - Родион торопливо отставил чашку, - Сергей Владимирович, наша фирма владеет сетью клубов в Поволжье и Средневолжск является одним из городов, где мы ведем свою деятельность. Специфика нашей работы предполагает повышенное внимание к вопросам обеспечения безопасности и поэтому нам в городе нужен хороший и профессиональный парт-

нер, который бы взял на себя эти обязанности. Мы навели справки и считаем, что лучше Вашей организации никто с этим не справится.

- Спасибо, - вежливо и несколько равнодушно ответил я, поскольку имел опыт подобного общения и понимал, что когда дело дойдет до ценовой политики, то все эти реверансы не будут значить ровным счетом ничего. – То есть вы хотите заключить с нами договор на охрану клуба?

- Именно так, - с готовностью подтвердил менеджер, - причем нам хотелось бы, чтобы ваши сотрудники заступили уже через три дня.

- Хорошо, - в моих руках появилась записная книжка и ручка с золотым пером, - тогда давайте определимся по режиму охраны и количеству постов.

Минут через пятнадцать мы обговорили детали и перешли к самой основной части беседы.

- Наши расценки по охране данных объектов составляют, - я назвал часовой тариф, - и, соответственно, ежемесячно услуги охраны обойдутся вам, - в моем блокноте появилась цифра, на которой остановился взгляд менеджера.

- Я, собственно, не возражаю, но, - Родион несколько замялся и продолжил, - политика нашей компании строится на том, что первые два месяца для наших партнеров считаются испытательным сроком и, если по истечении этого периода стороны останутся довольны сотрудничеством, то договор продлевается на тех условиях, которые Вы сейчас озвучили. На время испытательного срока стоимость услуг будет ниже на четверть от оговоренной суммы.

Учитывая, что при расчетах я завысил стоимость наших услуг примерно на двадцать процентов, то даже с учетом скидки договор оставался прибыльным в финансовом плане. А как будут обстоять дела с криминальной обстановкой – мы сможем понять только через три-четыре недели.

- Ну что же, если стороны в принципе договорились, то завтра с утра мы пришлем Вам проект договора для ознакомления и согласования. Да, - как бы спохватившись, добавил я, - а кто все это время обеспечивал охрану клуба?

На самом деле ответ на этот вопрос мне был известен с первой минуты пребывания. На входе стоял охранник, который, увидев меня, радостно заулыбался и поздоровался. Парень месяц назад закончил курсы подготовки частных охранников, на которых мне довелось принимать у него экзамен. Поэтому на мой вопрос о том, где он сейчас трудится, я в ответ услышал название охранного предприятия.

- Вы понимаете, - старший менеджер опять стушевался, хотя выглядело это не очень искренне, - нас охраняет ЧОП «Цезарь», но мы абсолютно недовольны качеством их работы, профессиональной подготовкой сотрудников и неспособностью разрешать конфликтные ситуации. Поэтому руководство приняло решение расторгнуть с ними контракт.

- А они знают, что через три дня им придется покинуть объект?

- Как раз сегодня этот вопрос я с ними буду решать, - сказал мой собеседник, стараясь, чтобы наш разговор не был слышен охраннику, стоявшему неподалеку от нас.

- Тогда давайте с Вами договоримся следующим образом, - мой голос прозвучал твердо и бескомпромиссно, - вначале Вы урегулируете все вопросы с нынешней охраной и только после этого мы заключим договор.

- Несомненно, - Родион прижал к груди сложенные руки, - завтра же мы Вам отзовемся.

Попрощавшись, я вышел на залитую солнцем улицу и неторопливо пошел в офис, до которого было десять минут ходьбы.

Менеджер Родион может и был специалистом в своем деле, но не учел два момента: первый – то, что Кирилл Пустовойт - директор ЧОП «Цезарь» жил со мной в одном подъезде, и второй – в нашей профессиональной среде, ну если, разумеется, брать настоящих профессионалов, а не приблудившихся бездельников и трепачей, корпоративная этика была не пустым звуком. Поэтому уже вечером мы с Кириллом сидели у него на кухне и он слушал подробности

сегодняшней беседы. Судя по его ошарашенному виду, эта новость была для него абсолютно неожиданной.

- Спасибо тебе, Серега, - он привстал и через стол пожал мне руку.

- За что спасибо? – мое изумление было достаточно искренним, - я уверен, что на моем месте ты поступил бы также.

- На моем месте так поступил бы каждый пионер, - задумчиво процитировал он лозунг прежних лет и продолжил, - завтра постараюсь все прояснить и отзвонюсь.

На следующий день он позвонил и сказал, что ему практически выставили ультиматум – или он с понедельника снимает охрану и ему выплачивают задолженность, или денег он не увидит очень долго.

- И что ты решил? – в моем голосе отчетливо прозвучала заинтересованность.

- Да гори их клуб синим пламенем, - ответил он, - как только заплатят, я сразу свалю.

Для меня эта ситуация стала первым звоночком, маленьким и слабеньким, но тревожным.

С понедельника мы взяли клуб под охрану. Больших проблем с ним не было, конфликты возникали редко, и бойцы успевали их гасить в зародыше. При каждой встрече Родион благодарил за работу, рассыпался в комплиментах и угощал кофе.

Примерно через два месяца Родион позвонил и сообщил, что его перевели руководителем сети клубов в Саратове, а на его место пришел новый менеджер из Самары, с которым и надо теперь обсудить вопрос повышения расценок по договору.

- Я обязательно подниму этот вопрос перед руководством, - клятвенно заверил меня новый менеджер Андрей, - но дайте мне две-три недели, чтобы я во все вник и мог аргументированно отстаивать нашу позицию.

Это уже был второй звоночек, более громкий, хотя еще не столь критичный.

И вот теперь «топ-менеджеры» сети игровых клубов прибыли с официальным визитом в Средневолжск и приглашают на аудиенцию. Я представил, как готовлюсь к этому мероприятию, тщательно укладывая волосы, одеваю смокинг, долго стою перед флаконами с туалетной водой, выбирая наиболее приличествующую моменту, и меня разобрал смех.

Когда я подошел к клубу, то понял, что мне уже не до смеха. Макс, ожидавший меня перед входом, предупредил, что «топ-менеджмент» являет собой двоих мужчин из числа распальцованных и невоспитанных особей.

Менеджер Андрей встретил меня перед входом, вид у него был очень встревоженный, по его словам, у руководства возникло очень много претензий к охране. Мы прошли в отдельный кабинет, где за уставленным выпивкой и закуской столом сидели двое слегка нетрезвых мужчин лет 30-35. Увидев меня, один из них, одетый в вельветовые джинсы и спортивную куртку, не здороваясь и не предложив мне даже присесть, сразу начал излагать свои претензии.

- Я целый день общался с официантами и администраторами зала, у всех масса претензий к охране. Работа поставлена из рук вон плохо. Это самая худшая охрана, которую я видел в наших клубах, - твердил он как заведенный, - как такое можно вообще терпеть.

Я молча подошел к столу, отодвинул стул, сел, закинув ногу на ногу и стал пристально смотреть на правую щеку выступавшего. Этот прием мне был известен давно, и действовал он безукоризненно.

Джинсовый озадаченно смолк и обернулся к своему напарнику, как бы прося у него помощи. Воспользовавшись паузой, мне удалось сразу вклиниться в разговор.

- Вы правы, если все это соответствует действительности, то такую охрану надо гнать поганой метлой. Валера, - позвал я охранника, стоявшего неподалеку, - принеси, пожалуйста, журнал приема-передачи смен.

Через минуту передо мной лежал раскрытый журнал:

- Претензий нет, роспись администратора, опять претензий нет, роспись менеджера, с самого начала работы, нет ни одной претензии, - на моем лице появилась вежливая улыбка, - можете сами убедиться, видимо, Вы располагаете какой-то не совсем достоверной информацией.

По правилам, введенным с момента основания Агентства, каждая сдача дежурства оформлялась записью в журнале с подписью представителя Заказчика. Учитывая, что в клубе для охранников был введен 12-часовой режим несения службы, то ежедневно в журнал заносились две записи.

Повисла пауза, джинсовый растерянно смотрел по сторонам. Все понимали, что первый наезд оказался неудачным. В дело вступил его напарник, он весил под центнер и был одет в адидасовский спортивный костюм. Пальцы рук были синими от татуировок в виде перстней.

- Короче, - он говорил резко и громко, - туфтовая охрана – это факт. Я вчера вечером сам видел, как какой-то фрэер послал охранника, а тот вместо того, чтобы отреагировать, - последнее слово он произнес почти по слогам, - просто струсил и слинял.

Я уже понял, что начался банальный развод и разозлился. Какие-то недоделанные и наглые урки прибыли в мой город и пытаются наехать на меня.

- Опять согласен, - мне уже не надо было сдерживаться и в моем тоне появилась издевка, - такого охранника надо не просто гнать, а еще и морду набить. Кстати, - мой палец уперся в камеру, висевшую в углу кабинета, - у вас же в клубе камеры на каждом шагу и все пишется. Поэтому давайте-ка посмотрим вчерашние записи и выясним личность этого трусливого шакала.

Менеджер забился в угол и оттуда округлившимися глазами наблюдал нашу перепалку.

Татуированный осекся и злобно посмотрел на меня.

- У нас камеры вышли из строя, - выдал он, - стерлась вся информация. Короче, сбой компьютерный.

- Ну вот видите, - улыбнулся я обоим, - значит претензии не подтвердились, охрана работает нормально и причин для беспокойства нет.

- Слушай сюда, фрэер – уже не сдерживая злобу, прорычал тяжеловес, - с понедельника убираешь отсюда охрану.

- А, Вы, простите, кого называли фрэером? – спокойствие давалось мне с трудом и это заметил как охранник, на всякий случай немного приблизившийся к нам, так и Макс, наблюдавший эту сцену через приоткрытую дверь, - и, вообще, а Вы сами-то кто? Наличие синих перстней на пальцах и полууголовный лексикон – это единственное подтверждение Ваших полномочий? Меня такая ситуация абсолютно не устраивает, поэтому все дальнейшие переговоры мною будут вестись только с полномочным представителем руководства клуба. А что касается снятия охраны – читайте внимательно договор, в частности, пункт о его расторжении. И если ко мне все, - мой взгляд остановился на менеджере, - то я поехал. И, в дальнейшем, прошу оградить меня от встреч с непонятными и дурно воспитанными людьми.

Тяжеловес, угрожающе двинулся ко мне, явно намереваясь проучить наглеца, но резко замер, увидев наплечную кобуру с пистолетом под намеренно распахнутой мною курткой.

- Не советую, - меня сложно было вывести из себя, но терпение было уже на исходе, - официальная версия происшествия будет такая – нетрезвый ранее судимый гражданин устроил конфликт и пытался завладеть моим табельным оружием, в результате чего и получил огнестрельное ранение ноги. Два свидетеля у меня уже есть, - моя левая рука описала полукруг и показала на двух охранников, стоявших у меня за спиной и готовых к любому развитию событий, - камера, насколько я понимаю, сейчас в рабочем состоянии и, несмотря на твои фантазии о компьютерном сбое, все пишет. А теперь прикинь, насколько у меня сильные позиции в этом городе, позволяющие спокойно работать не один год. Уверен, что сможешь повернуть ситуацию в свою пользу?

Не дожидаясь ответа, я спокойно развернулся и пошел к выходу, на ходу бросив Макс: «Останься и присмотри». Тот едва заметно кивнул головой, показывая, что все понял.

На следующий день в офис приехал мой «сменщик» - директор охранного предприятия «Кронос», которого владельцы клуба решили подписать на охрану по уже устоявшейся схеме. Он с порога на голубом глазу начал рассказывать мне о том, что заказчики – это его дальние родственники, которым он не может отказать и поэтому вынужден с понедельника выставить свою охрану. До того, как стать директором ЧОПа, Илья Иванович трудился начальником отдела режима в одной из исправительно-трудовых колоний и, видимо, поэтому считал себя очень влиятельным, авторитетным и хитрым руководителем. Мои предупреждения о том, в какую ситуацию он может попасть в конечном итоге, остались без внимания.

После бесполового разговора с директором «Кроноса» ко мне в кабинет секретарша пригласила начальника службы охраны, юриста, Макса и заместителя по кадрам.

- Ваши предложения по сложившейся ситуации, - обратился я к собравшимся, - что предлагаете?

Первым отреагировал кадровик:

- Раскидать сотрудников по другим объектам – нет проблем, - он открыл папку и добавил, - некомплект на сегодняшний день составляет пятнадцать процентов, так что с трудоустройством сотрудников вопросов не будет.

- Мне кажется, - Макс сразу взял быка за рога, - основной вопрос не в трудоустройстве и не в потере денег. Главное – как эта ситуация будет воспринята среди наших коллег. Если мы оставим действия этих распальцованных придурков без ответа, то нас будут воспринимать как лохов, которых, извините за выражение, может обуть любой желающий.

По лицам присутствующих пробежали едва заметные улыбки. Каждый понимал, что вариант, при котором с нашей стороны ответа не будет, просто не рассматривается.

- Я согласен, - юрист открыл договор и продолжил, - есть два варианта: первый – дожидаться их официального уведомления о расторжении договора, снять охрану и выставить счет за нарушение договора. Второй – предупредить противную сторону о расторжении договора с нашей стороны за два месяца и в этот период продолжать исполнять свои обязанности. В первом случае есть шанс получить деньги не в полном объеме, так как судиться нам придется на территории соседней области, а практика по регионам по взысканию неполученных доходов противоречива. Во втором случае может возникнуть проблема с подтверждением того, что эти два месяца услуги оказывались нами. Я точно уверен, что никаких актов никто нам подписывать не будет.

- Плюс еще возможны конфликтные ситуации с сотрудниками Кроноса, - подал голос начальник службы охраны, до прихода на эту должность трудившийся командиром мотострелкового полка в Забайкалье, - которые параллельно будут нести охрану в клубе. Судя по поведению их шефа, с адекватностью и умственными способностями у него проблемы.

- Кронос я беру на себя, - Макс посмотрел на меня и добавил, - гарантирую, что они будут вести себя тихо и пристойно.

- А насчет подтверждения оказанных услуг я, кажется, знаю, кто может нам помочь, - я еще раз окинул взглядом собеседников и подвел итоги, - готовим письмо о расторжении договора, два месяца несем службу без замечаний, - кивок в адрес начальника службы охраны, - и затем обращаемся в суд.

После того как в кабинете никого не осталось, я снял трубку телефона, набрал номер курирующего нас районного разрешителя и направился к нему на прием.

Юрий Сергеевич, молодой майор, встретил меня приветливо. В отличие от своих областных собратьев он относился к нам вполне дружелюбно, не пытался наезжать по пустякам и осложнять жизнь без особой надобности. Мы в свою очередь добросовестно старались отвечать тем же.

- Ну что стряслось, Сергей, - спросил он, протягивая руку, - какими ветрами тебя занесло в наши пенаты?

- Юрий Сергеевич, - я сел напротив него и вздохнул, - с прискорбием хочу сообщить, что на подведомственной Вам территории может возникнуть конфликтная ситуация между двумя охраняемыми предприятиями.

Мне потребовалась пара минут, чтобы изложить ему возникшую ситуацию и заверить, что с нашей стороны будут приняты все меры для того, чтобы никаких проблем у уважаемого нами сотрудника МВД не возникло. Взамен мы попросили одну небольшую услугу – два-три раза в неделю проверять несение службы и обстановку на объекте с обязательной отметкой в журнале приема-сдачи дежурств. Юрий Сергеевич быстро сообразил, для чего нам это надо, и пошел еще дальше – кроме его проверок, он попросит дежурную часть ежедневно направлять туда экипаж ППС с той же целью. На мой вопрос о размерах нашей благодарности, майор, недолго думая, сразу попросил пять пачек бумаги и новый картридж для принтера. Я немедленно согласился, подумав про себя, что выполнил бы эту просьбу и без всяких дополнительных условий.

Через два месяца мы закончили выполнение договора, денег нам, разумеется, никто платить не собирался, поэтому еще через месяц мы уже сидели на заседании в Арбитражном суде соседней области. Наши оппоненты предсказуемо проигнорировали судебное заседание, мы предъявили судье оригиналы всех документов, подтверждающих как оказание нами услуг с надлежащим качеством, так и полное отсутствие оплаты этих услуг. Судебное разбирательство длилось примерно полчаса, после чего судья, посокрушавшись непорядочностью своих земляков, вынесла решение, полностью удовлетворив наши требования, включая взыскание процентов за несвоевременную оплату. Дождавшись вступления решения суда в законную силу и получив исполнительный лист, Макс немедленно выехал к судебным приставам с информацией об обнаруженной у ответчиков иномарке и ходатайством о немедленном наложении ареста на нее с последующей продажей. Через неделю мы получили все причитающиеся нам деньги. Кстати, с нашими сменщиками получилось именно так, как мы и предсказывали, им пришлось покинуть объект через два месяца, получив от заказчиков оплату, урезанную вполовину.

- Пока живут на свете дураки – обманом жить нам стало быть с руки, - прокомментировал Макс полученное известие, - приятно осознавать, что мы к этой категории не относимся.

Вернувшись в кабинет после обеда, я включил кофеварку и принялся перебирать папки на столе, пытаюсь определить, чем заняться в первую очередь. В дверь раздался негромкий стук, и после моего «Войдите» на пороге показалась секретарь.

- Сергей Владимирович, - тихо произнесла она, - там к Вам просится какая-то женщина с заплаканными глазами. Что ей ответить?

- Пусть проходит, - этот визит меня немного озадачил, - и, на всякий случай, приготовь бутылку минеральной воды без газа.

Через минуту в кабинет вошла интеллигентная женщина лет пятидесяти, одетая достаточно скромно, но стильно, которая постоянно прикладывала носовой платок к красным, явно заплаканным, глазам. У меня сразу сложилось впечатление, что раньше мы уже где-то встречались.

- Добрый день, присаживайтесь, пожалуйста, - максимально доброжелательно поздоровался я и указал незнакомке на стул. - Меня зовут Сергей Владимирович. Могу я узнать Ваше имя-отчество и чем могу помочь?

Женщина присела, глубоко вздохнула, прокашлялась и, видимо, немного успокоившись, произнесла:

- Добрый день, меня зовут Инга Алексеевна, и я хотела проконсультироваться по поводу моей проблемы и узнать, сможете ли вы помочь в ее решении.

В течение пяти следующих минут мне стало известно, что Инга Алексеевна закончила факультет иностранных языков и практически всю жизнь проработала переводчиком в гостинице «Интурист». Тут я понял, почему ее внешность показалась мне знакомой: наш городской оперотряд, которым я руководил в комсомольские времена, как раз дислоцировался в этой гостинице и там мы могли пересекаться. У нее есть трехкомнатная квартира неподалеку от центра, которая осталась от родителей и в которой она прожила практически всю жизнь.

В прошлом году Инге Алексеевне пришлось уехать в далекий сибирский город, чтобы ухаживать за заболевшей сестрой. Перед отъездом, по совету своих знакомых, она по договору аренды сдала квартиру молодой девушке сроком на один год. Вернувшись вчера в Средневожск, женщина первым делом приехала в свою квартиру и с изумлением увидела новые замки на входной двери. Позвонив в дверной звонок, она услышала с той стороны двери приближение тяжелых шагов, затем дверь распахнулась, и на пороге появился молодой крупный мужчина в спортивном костюме. Осмотрев звонившую с ног до головы, мужчина лениво протянул:

- Ну и чего надо, мамаша?

- Я, молодой человек, Вам не мамаша, - нервно оглядываясь, ответила Инга Алексеевна, - я, к Вашему сведению, хозяйка этой квартиры, которую год назад я сдавала Маргарите. Поэтому я хотела бы с ней поговорить на предмет, как скоро она сможет освободить квартиру, тем более что срок договора закончился неделю назад, и я намерена ее выставить на продажу, так как мне нужны деньги на операцию для сестры.

Мужчина еще раз оглядел ее и заявил, что Маргарита уехала на неделю к родителям, теперь вместе с ней здесь живет он и никуда уезжать не собирается. А если кому-то что-то не нравится, то пусть все недовольные жалуются куда угодно, хоть в ООН. После этого мужчина захлопнул дверь и на все последующие звонки не отвечал.

Инга Алексеевна отправилась в РОВД писать заявление. Там ее приняли, внимательно выслушали, посочувствовали и заявили, что данная ситуация относится к гражданско-правовым спорам, поэтому не входит в компетенцию органов внутренних дел. На прощание посоветовали обратиться к участковому, который, возможно, найдет какие-то рычаги воздействия на недобросовестных квартирантов.

Участковый, усталый пятидесятилетний капитан, сидевший в заваленном бумагами кабинете, рассеянно выслушал Ингу Алексеевну и слово в слово повторил текст, ранее озвученный сотрудниками райотдела. Подумав немного, он предложил ей обратиться в какое-нибудь частное охрannое предприятие и назвал в качестве примера наше Агентство, где, по его словам, «этих упырей просто выбросят с балкона, да и дело с концом...».

Промучившись всю ночь своими невеселыми мыслями, наутро Инга Алексеевна приняла решение последовать совету участкового. Полдня ушло на сбор информации, и после обеда она уже нажимала кнопку входной двери нашего офиса.

Немного ошарашенный той рекламой, которую нам сделал участковый инспектор, мне пришлось попросить посетительницу немного подождать в приемной, после чего пригласить в кабинет Макса. Не прошло и минуты, как он уже стоял перед столом, выжидательно глядя на меня. Коротко описав ситуацию, я спросил:

- Ну и что думаешь по этому поводу?

- С одной стороны, - не раздумывая отметил он, - женщину реально жалко, самой ей эту проблему не решить, милиция технично ушла в сторону, используя свою любимую формулировку «гражданско-правовые отношения». Если и мы откажем ей в помощи, то у нее остается два пути – смириться со сложившимся положением дел или обратиться за помощью к криминальным структурам, что еще хуже. С другой стороны – если мы ввяжемся в эту ситуацию, то

проблемы могут быть и у нас. Особенно со стороны надзирающих и контролирующих. Если хочешь знать мое мнение – то надо помочь, но сделать это очень технично и грамотно. И к тому же, если мы эту проблему решим, то это будет плюс нашей репутации, так как земля слухами полнится.

- Согласен, - ответил я, - возьмешь это на себя?

- Будем привлекать нашу группу? - понизив голос, спросил Макс.

- Нет, - этот вариант уже был продуман заранее, и поэтому ответ прозвучал сразу, - если начнется разбор полетов, то наших ребят светить не стоит. Будут работать ребята из отдела охраны, но под твоим жестким контролем.

- Понял, шеф, - Макс кивнул головой в сторону приемной, - тогда я забираю клиентку, поработаю с ней и к концу дня принесу свои предложения.

В конце дня Макс зашел ко мне с усталым, но довольным видом и протянул несколько листов с отпечатанным текстом. Быстро пробежав глазами содержимое, я поднял глаза и, посмотрев на Макса, показал большой палец.

- Сколько времени тебе понадобится на реализацию?

- Я думаю послезавтра уже все сделаем в лучшем виде, - улыбнулся он уголками губ.

Через два дня группа под руководством Макса уже сидела в микроавтобусе вместе с очень волновавшейся Ингой Алексеевной и наблюдала за входной дверью подъезда.

- Да не переживайте Вы так, Инга Алексеевна, - посоветовал Макс, уловив настроение клиентки, - все будет сделано в лучшем виде.

- Ваши слова – да Богу в уши, - тихим голосом ответила та и, увидев открывающуюся дверь подъезда, произнесла, глядя на вышедшего из нее высокого парня в дубленке, - вот он!

Парень, на которого указала Инга Алексеевна, немного постоял у входной двери, посмотрел рассеянным взглядом на припаркованные во дворе автомобили и, не торопясь, направился в сторону трамвайной остановки.

- Валера, - обратился Макс к одному из охранников, - проводи его и сообщи по рации, когда он сядет в трамвай.

- Понял, - невысокий охранник ужом выскользнул в приоткрытую дверь микроавтобуса и сразу пропал из вида.

Уже через пять минут Валера доложил, что объект сел в трамвай четвертого маршрута и уехал в сторону центра.

Еще через 15 минут во двор въехала грузовая Газель с яркой надписью на боку «Профессиональная установка дверей», из нее выпрыгнули двое парней, распахнули заднюю дверцу и понесли в подъезд тяжелую металлическую дверь, обтянутую упаковочной пленкой. Еще через полтора часа Инга Алексеевна уже расписывалась в акте выполнения работ и любовалась металлической дверью, установленной с внешней стороны дверной коробки. При этом внутренняя дверь не подвергалась вскрытию или демонтажу, что являлось обязательным условием договора с фирмой-установщиком.

Выставив около двери парный пост, Макс с чувством выполненного долга вернулся в офис и предложил до вечера подождать реакции. Вечером на него по радиосвязи вышли охранники и сообщили, что объект, вернувшись в подъезд, пытался топором взломать металлическую дверь, поэтому им пришлось вызвать участкового (который после визита к нему Макса проникся важностью проблемы). На требование участкового предъявить документы, подтверждающие законность его пребывания в данной квартире, парень ничего предъявить не смог, получил от охранников совет связаться с представителем хозяйки квартиры и номер служебного телефона Макса.

Еще через два дня Макс наблюдал, как квартиранты аккуратно выносят свои вещи и грузят их в автомашину. Рядом с ним стояла счастливая Инга Алексеевна.

Вернувшись после напряженного трудового дня домой, я наскоро сварил себе кофе, сделал бутерброды и, взяв книгу, уютно расположился в кресле. Но долго поблаженствовать мне не удалось, буквально через десять минут раздалась трель телефонного звонка и из трубки зазвучал голос моего бывшего коллеги по комсомольской работе. После недолгого обмена новостями Евгений сразу перешел к делу:

- Сергей, помоги, если возможно, - просительным тоном заговорил он, - у моей, - он замялся, видимо, подбирая выражение, - хорошей знакомой нарисовалась проблема и, практически на ровном месте. Я бы и сам ей помог, но в этой ситуации у меня никаких рычагов нет.

Я предложил его знакомой завтра связаться со мной и пообещал сделать все, что в моих силах. Поболтав еще минут пять о новостях в городе и о том, кто из общих знакомых чем занимается, мы распрощались.

На следующий день сразу после совещания в кабинет заглянула секретарь и сообщила, что мне уже третий раз звонит какая-то женщина от Евгения Геннадьевича. Взяв трубку, я услышал энергичный женский голос:

- Добрый день, Сергей Владимирович, меня зовут Анастасия. Мне порекомендовал к Вам обратиться наш общий знакомый Евгений.

- Добрый день, - мне никак не удавалось представить возраст женщины на том конце трубки, - внимательно слушаю Вас.

- Скажите, - продолжила она после небольшой заминки, - а удобно будет, если мы встретимся в каком-нибудь кафе, выпьем кофе, и я расскажу Вам суть дела.

Мне хватило нескольких секунд, чтобы глазами пробежать раскрытый ежедневник и предложить через полчаса встретиться в кафе «Mon Chér», до которого было практически пять минут ходьбы.

- Только давайте определимся, как я смогу Вас узнать, - продолжил я.

- Я высокая брюнетка в длинном черном кожаном пальто, - сразу ответила она и, засмеявшись, добавила, - могу в правой руке держать свежую газету, а в зубах – чайную розу.

Я не выдержал и тоже рассмеялся.

- Спасибо, конечно, но вполне достаточно будет кожаного пальто – мне понравился ее настрой, - газета и роза это уже перебор.

Попрощавшись, я положил трубку и вызвал к себе Спеца.

- Ты в курсе, какое мероприятие планирует нам Москва на следующей неделе? – он утвердительно кивнул в ответ на мой вопрос.

- У меня через полчаса в кафе встреча, - продолжил я, - возможно, что это обычная потенциальная клиентка. Но с учетом текущей ситуации и подготовки к новому заданию, я прошу, чтобы твои ребята меня подстраховали – один внутри кафе и парочка снаружи в машине. Может, я конечно и дую на воду, но...

- Это разумно, - попытокнул Спец, - сейчас все организуем в лучшем виде.

Спустя двадцать пять минут я вошел в полутемный зал, стилизованный под парижскую кофейню, обстановку которой составляли ажурные столики и легкие металлические стулья, на стене висели видовые фотографии Монмартра, Лувра и Эйфелевой башни. Народу на удивление было немного. Пробежавшись по залу, мой взгляд остановился на Максе, сидящем за столиком в углу, перед ним стояла чашка дымящегося кофе и тарелка с кусочком торта «Прага». Увидев меня, он слегка кивнул, показывая, что все нормально и причин для беспокойства нет. Официант предложил мне столик у панорамного окна, положил рядом меню и удалился. Буквально через пять минут в зал вошла высокая спортивного телосложения брюнетка лет тридцати в длинном кожаном плаще.

Я привстал и приветственно помахал рукой. Анастасия улыбнулась и направилась в мою сторону. Пока она шла между столиками, головы мужской части посетителей кафе синхронно

поворачивались, отслеживая ее маршрут. Макс, увидев брюнетку и оценив реакцию зала, картинно закатил глаза и незаметно показал большой палец.

Подошел официант, и мы оба заказали капучино.

- Я постараюсь коротко, - она дождалась, пока официант отойдет от столика, и продолжила, - недавно мне выпал шанс купить у частного лица автомобиль БМВ в очень хорошем состоянии. Но кататься на нем получилось недолго. Буквально через две недели продавец позвонил мне и предложил аннулировать сделку. Я должна вернуть ему машину, а он – уплаченные мной деньги. В случае отказа – мне пообещали большие проблемы как в бизнесе, так и в личной жизни. Я обратилась к знакомым сотрудникам милиции, и они установили, что продавец является активным участником криминальной группировки «Жигулевские», и скорее всего они хотят меня кинуть при проведении этой сделки. Обращаться в милицию я боюсь, да и что я им скажу – что у меня есть какие-то подозрения? Евгений посоветовал мне обратиться к Вам, он сказал, что Вы умеете решать подобного рода проблемы.

- Время и место сделки уже назначено? – я достал из внутреннего кармана записную книжку и ручку.

- Пока нет, но они настаивают, чтобы я вернула машину до конца недели, - сказала Анастасия, отставляя чашку кофе и откидываясь на спинку стула.

Задав еще несколько вопросов и получив на них ответы, я подвел итог:

- Думаю, мы сможем Вам помочь. Предлагаю встретиться здесь завтра в это же время. Если продавец будет Вам звонить, то скажите ему, что у Вас возникла небольшая проблема с Вашим бизнесом и попросите отсрочку на пару дней.

После возвращения в офис мне потребовалась пара минут, чтобы набрать номер подполковника Кравца, работающего в областном УВД начальником оперативно-сысского отдела и обладающего практически самой полной информацией о криминальной обстановке в городе. С ним мы познакомились еще в те далекие годы, когда он был старшим опером и занимался молодежными группировками, которые для Средневолжской милиции были настоящей головной болью. Поэтому Кравец высоко ценил наше сотрудничество, зная, что по первому его звонку в течение пары часов два-три десятка молодых и энергичных оперотрядовцев были готовы выехать для проведения рейда или предотвращения массовой драки.

- Приветствую, Андрей Владимирович, - начал я и сразу был оборван.

- Здоровье – так себе, на службе – завал, криминал сорвался с катушек, денег нет, - Кравец довольно хохотнул, - есть еще какие-то вопросы?

- Пообщаться бы минут десять и, желательно, прямо сейчас, - мой голос звучал жалобно, соответствуя выражению лица, хотя было понятно, что Кравец его все равно не видит, - тем более у меня есть банка хорошего растворимого кофе.

- Вот с этого и надо было начинать, группенфюрер, - с интонацией советского разведчика Штирлица произнес подполковник, - я буду у себя еще час и потом уеду на совещание. Если успеешь – милости просим.

Через десять минут моя служебная машина припарковалась около двухэтажного особняка с большим огороженным двором на одной из тихих улиц в самом центре города. В здании, на стене которого висела табличка «Памятник регионального значения. Охраняется государством», располагался оперативно-сысской отдел. Кивнув сержанту, стоявшему у входа, я поднялся на второй этаж, толкнул дверь крохотной приемной и спросил секретаршу, кивая на дверь с табличкой «Начальник ОСО КМ УВД подполковник милиции Кравец А.В.»:

- Привет, шеф у себя?

- Привет. Шеф на месте, но пока занят, - не отрываясь от бумаг, ответила она, - у него сейчас кто-то из Управления. Как выйдет – можешь заходить.

Буквально через пять минут из кабинета вышел, красный как рак, майор милиции и, вытирая платком пот с лица, что-то недовольно бурча под нос, пошел по коридору в сторону выхода.

Я постучал в дверь и, услышав короткое «Да», вошел. Кабинет был достаточно просторный, что было вполне объяснимо для начальника, имеющего в подчинении более полусотни сотрудников. Сам подполковник Кравец был худощав, невысок и очень подвижен.

- Начнем с главного, - сказал он, здороваясь со мной за руку, - кофе принес?

- Обижаете, гражданин начальник, - моя рука нырнула в полиэтиленовый пакет и сразу появилась обратно, сжимая большую банку бразильского кофе, купленного по случаю в Елисеевском гастрономе.

Лицо Кравца озарилось радостной улыбкой, он взял в руки банку, внимательно осмотрел ее, зачем-то понюхал и произнес:

- За такой подарок готов продать любую секретную информацию, только намеки.

- Владимирыч, - мне удалось удобно расположиться в кресле и налить в стакан минералки, - я тебе расскажу одну ситуацию, а ты меня проконсультируй, если что-то знаешь по этой теме.

Вкратце изложив содержание разговора с Анастасией, я выжидательно посмотрел на Кравца, ожидая его реакции.

- Подумаешь, бином Ньютона, - процитировал подполковник любимого им Булгакова, - это простой развод, при котором продавец получает назад машину в целости и сохранности, а покупатель – деньги, но не полную часть, а, как правило, не более половины и совет вдогонку – не обращаться в милицию во избежание проблем, поэтому заявлений практически никто из пострадавших не подает. Этим промышляют в основном «жигулевские».

- Спасибо, Андрей Владимирович, - мне хотелось привстать с кресла и отвесить легкий поклон, но мешал стакан с минеральной водой, - что бы я без Вас делал.

- Обращайтесь, - подполковник окинул меня взглядом и уткнулся в бумаги, - тем более, такса тебе известна.

На следующий день мы с Максом сидели за столиком в кафе и с умным видом рассуждали о внешней политике стран, входящих в блок НАТО, ожидая появления Анастасии. Она оказалась весьма пунктуальна и вошла в зал в точно назначенное время. Поздоровавшись и представив Макса, я изложил наш план.

- Встречу с продавцом Вы назначите у входа в отделение Сбербанка на улице Кирова и пойдете на нее вместе с нашим сотрудником, - Макс чуть наклонил голову, - которого представите как своего консультанта. И далее будете следовать всем его указаниям.

На следующий день мы со Спецом и тремя его ребятами сидели в микроавтобусе рядом с отделением Сбербанка в одном из спальных районов города и любовались стильной парой, стоявшей на крыльце у входной двери. Высокая яркая брюнетка в кожаном плаще и рядом с ней Макс в длинном черном пальто и темном шарфе, щегольски повязанном вокруг шеи. В правой руке он держал темно-коричневый кожаный дипломат, на его лице красовались стильные очки с простыми стеклами, придававшие Максу солидный и респектабельный вид.

Внезапно нарисовавшаяся рядом с ними тройца парней являла собой полную противоположность – широкие спортивные штаны, высокие кроссовки, кожаные куртки и вязанные шапочки. В руках один из них держал яркий полиэтиленовый пакет, свернутый в несколько раз.

- Принесла? – обратился к Анастасии долговязый небритый парень, который в этом коллективе, видимо, был за главного.

- Добрый день, - вклинился в разговор Макс, - меня зовут Максим Витальевич, и я являюсь консультантом Анастасии Вячеславовны по вопросу совершения данной сделки.

- Слышь, консультант, - перебил его второй из троицы, судя по габаритам – бывший борец классического или вольного стиля, державший в руках пакет, - а не свалил бы ты отсюда, пока я тебе нос не сломал.

- Это вряд ли, - невозмутимо ответил Макс, - во-первых, вы сюда приехали, чтобы получить обратно автомобиль, а не для проведения гладиаторских боев, во-вторых – если моей интеллигентности будет недостаточно для вашего убеждения, то придется привлечь кого-то более авторитетного.

С этими словами Макс поднял руку и показал на наш микроавтобус с затемненными стеклами, который отозвался троекратным миганием фар дальнего света. Троица озадаченно переглянулась. Макс рассчитал все верно: в криминальных разборках эти ребята чувствовали себя как рыба в воде, но, попав в совершенно непонятную ситуацию, сразу утратили преимущество. Внешний вид Макса, его интеллигентная манера общения на «Вы», вкупе с наличием группы силовой поддержки, сидящей в автомобиле, никак не давали возможности понять, кто им противостоит. Макс, не давая троице времени на длительные раздумья, предложил не мерзнуть всем на улице, а зайти в отделение банка, где и обсудить детали. Пока парни переглядывались между собой, он развернулся и, взяв под руку Анастасию, стал подниматься по ступенькам. Братки, которым ничего не оставалось делать, последовали за ним.

В зале Макс специально подошел к высокому столику около витринного стекла, чтобы мы могли видеть его из машины, положил на столик дипломат, раскрыл его и достал папку с бумагами.

- Ситуация по сделке следующая, - произнес он, театрально поправив свои стильные очки, - покупатель Анастасия Вячеславовна согласна вернуть автомобиль и документы на него, а продавец, соответственно, обязан возратить ранее полученную от покупателя сумму. Автомобиль, как вы можете видеть, - Макс показал рукой за стекло, - прошел мойку и химчистку, а также утром была проведена диагностика в специализированном центре, которая показала его полную техническую исправность. Акт диагностики находится здесь, - Макс положил руку на папку, - вместе с документами на автомобиль.

Криминальное трио молчало, так как пока возразить было нечего. Последним штрихом, добившим их, стало наличие акта диагностики автомобиля. Макс вчера без труда уговорил Анастасию понести дополнительные затраты, дабы в дальнейшем избежать возможных претензий и наездов.

- Теперь, что касается вопросов оплаты, - так же невозмутимо продолжал Макс, - чтобы у сторон не было никаких претензий и сомнений, то она будет проведена следующим образом. У покупателя открыт счет в отделении Сбербанка. Мы сейчас вместе проходим к кассе, и продавец вносит указанную сумму на этот счет. После получения от кассира квитанции продавец передает ее покупателю, получая взамен документы на автомобиль и ключи.

Анастасия, как зачарованная, смотрела на Макса, поражаясь, насколько легко и свободно он ведет беседу, практически не давая противной стороне никаких поводов для возражений.

- Ну что, - Макс не собирался давать противникам времени на осмысливание, - идем в кассу?

- Погодите минутку, - долговязый отвел своих компаньонов чуть подальше и что-то шепотом стал с ними обсуждать.

Через минуту он вернулся, при этом вид у него был несколько растерянный.

- Тут такое дело, - неуверенно начал он, - у нас немного не хватает до той суммы. Но мы сейчас позвонили, и нам привезут. Минут через десять.

- Никаких проблем, - Макс доброжелательно улыбнулся, - десять минут мы подождем.

Через четверть часа Анастасия получила требуемую квитанцию, Макс отдал документы и ключи, и стороны разошлись, причем нам из машины прекрасно была видна недовольная реакция криминального трио.

Анастасия стояла с Максом на крыльце и что-то оживленно говорила ему. Макс кивнул, отошел, и в динамике радиостанции прозвучал его довольный голос:

- Шеф, задание выполнено в полном объеме, клиент доволен и счастлив, если ко мне вопросов нет, то я отлучусь? Анастасия предлагает отметить удачное завершение сделки.

- Иди уж, - ответил я, взяв в руки микрофон, - желание клиента – закон.

- Интересный расклад, - невозмутимо заметил Спец, глядя вслед удаляющейся парочке, - операцию мы вроде как проводим все вместе, а на фуршет идут только избранные, причем непонятно по какому принципу.

- *C'est la vie!*¹, - моя реплика прозвучала чуть насмешливо, - утешайтесь тем, что вы являетесь бойцами невидимого фронта, и подвиги ваши остаются незаметными для широких масс.

- Но Вы-то, шеф, - ехидно прозвучал с заднего сидения голос Малыша, - вроде как боец видимого фронта, но с праздником тоже пролетели.

- Галерке слово не давали, - тут же среагировал Спец, - тем более не по делу.

- А по делу можно? - не унимался Малыш.

- Давай, - милостиво разрешил Спец, - только коротко и по существу.

- Есть коротко и по существу. Предлагаем тоже отметить удачное завершение операции, тем более что с утра мы на всякий случай заказали сауну на Восточном рынке.

- С бассейном? - перебил его Спец.

- Так точно, с бассейном, парилкой и комнатой отдыха, пиво можем купить по пути.

Спец вопросительно посмотрел на меня, и мне ничего не оставалось делать, как согласно кивнуть.

Глава шестая. Экскурс в прошлое. Контора.

... ГПУ знает про всех,

У кого на совести грех.

И длиннее этих рук

На свете нет, мой друг...

«Песня о ГПУ» из мюзикла «12 стульев»

Фирменный скорый поезд лязгнул сцепками и застыл. Улыбающаяся проводница открыла вагонную дверь, и пассажиры один за другим стали выходить на залитый солнечным светом заснеженный перрон. Гомонящая толпа прибывших и встречающих протасила меня сквозь зал ожидания, вынесла на площадь Трех вокзалов и оставила на тротуаре перед входом в метро. Из многочисленных торговых палаток, вереницей протянувшихся вдоль здания, звучал неизменный хит последних лет – музыка Эннио Морриконе из фильма «Профессионал», ставшая визитной карточкой Казанского, Ленинградского и Ярославского вокзалов. Немного послушав красивую, но уже чуть приевшуюся мелодию, я огляделся по сторонам и направился к гостинице «Ленинградской», монументально возвышавшейся над площадью. Мне потребовалось чуть больше получаса, чтобы заполнив анкету, пройти в свой номер, разложить вещи и принять душ. Еще через полтора часа меня уже окружала шумная толпа коллег в респектабельном холле Центра международной торговли, где проводилась ежегодная общероссийская конференция охранных и детективных предприятий. В начале девяностых годов прошлого века частная охранная деятельность была новым и модным веянием молодой российской демокра-

¹ Такова жизнь (франц.)

тии, поэтому в те времена поучаствовать в работе конференции считалось правилом хорошего тона не только у представителей охранного сообщества, но и у высокопоставленных федеральных чиновников.

Большой конференц-зал с приглушенным освещением, сцена с трибуной и президиумом, мягкие кресла с обивкой василькового цвета («ностальгия по советским временам», шутили мои коллеги, многие из которых в недавнем прошлом носили военную форму с петлицами аналогичного цвета) создавали атмосферу серьезности и деловитости. Перед собравшимися выступали руководители правоохранительных ведомств страны или, в крайнем случае, их первые заместители.

В приветственных речах руководства МВД, ФСБ, Минюста и иных министерств неоднократно отмечался большой вклад охранных предприятий в обеспечение общественной безопасности и борьбу с преступностью. Это уже стало доброй традицией – весь год «плющить» и гнобить охранный бизнес на районном и областном уровнях, но один раз в году – хвалить и восторгаться на уровне федеральном. Поэтому всерьез эти речи никто не воспринимал. Руководители охранных предприятий и служб безопасности приезжали со всей страны для того, чтобы узнать свежие инициативы контролирующих и надзирающих органов, послушать выступления корифеев охранного бизнеса, а также принять участие в неформальном дружеском общении и установить новые контакты.

В перерыве между заседаниями я вышел в холл, намереваясь выпить кофе, и увидел президента одной из ассоциаций, призывно машущего мне рукой. Я подошел, и он, дружески поздоровавшись, приобнял меня за плечи, а затем, понизив голос, произнес:

- Сережа, мои бывшие коллеги попросили организовать встречу с тобой. У них есть какие-то вопросы по твоему региону и, как я понял, им нужна консультация. Если ты не возражаешь, они на конференции к тебе подойдут, скажут, что от меня. Будь добр, пообщайся с ними.

Учитывая, что до того, как возглавить ассоциацию, мой собеседник долгое время проработал в центральном аппарате КГБ СССР, мне сразу стало понятно, о каких коллегах он ведет речь, поэтому мое согласие было подтверждено незамедлительно. В конце концов, возможно, эти контакты для меня могли оказаться полезными в дальнейшем.

В конце третьего дня, когда вся программа уже была закончена и участники перешли к самой результативной части конференции – фуршету, ко мне подошел невысокий стройный мужчина лет пятидесяти, с короткими седыми волосами. «Седой» - с разу на ум пришло именно такое прозвище.

- Добрый день, Сергей. Меня зовут Александр Николаевич, обо мне Вас должен был предупредить Борис Игоревич.

- Да, разумеется, он предупредил, - ответил я, махнув рукой коллегам и с сожалением отходя от стола с закусками.

Александр Николаевич уловил мой взгляд и улыбнулся:

- Я не хотел бы сейчас отвлекать Вас от общения, поэтому могли бы мы встретиться с Вами завтра? В любое удобное время.

- Конечно, - любезно согласился я, - мне придется пробыть в Москве еще два-три дня и завтра у меня нет срочных дел, которые нельзя перенести или отменить.

- Тогда, если Вы не против, предлагаю встретиться завтра здесь же в ресторане на втором этаже, в полдень. Заодно и пообедаем.

- Отлично, - мне подумалось, что в этом предложении есть сразу два положительных момента: не надо вставать на эту встречу в самую рань и автоматически решен вопрос с обедом.

Фуршет закончился поздно вечером, часть моих коллег, не дожидаясь его окончания, уже разъехалась по аэропортам и железнодорожным вокзалам, остальные выходили на свежий

воздух, прощались и направлялись кто в метро, кто на стоянку такси, а кто и к собственным иномаркам.

Я прогулочным шагом дошел до ближайшей станции метрополитена и вошел в вестибюль, сразу почувствовав знакомый с детства запах пропитанных креозотом шпал. Этот аромат всегда ассоциировался со школьными годами, когда каждый приезд в столицу был для меня большим праздником – родители уходили по своим делам, оставляли мне три рубля и я весь день проводил на территории ВДНХ, где катался на аттракционах, гулял по павильонам и ел самое вкусное в мире мороженое. Детство закончилось, страну развалили, а на месте ВДНХ стала функционировать какая-то громадная торговая площадка. И только мороженое не утратило своего вкуса.

При упоминании ВДНХ я непроизвольно улыбнулся, вспомнив картину, виденную мною несколько лет назад. Я приехал в Москву в командировку и, внезапно почувствовав ностальгию по школьным годам, решил посетить ВДНХ, прогуляться по территории и посмотреть, что сейчас представляет из себя выставка. Я доехал на метро до нужной станции, поднялся на эскалаторе и вышел на улицу. Мне понадобилось не более пяти минут, чтобы дойти до главного входа и увидеть картину в стиле сюрреализма – на площади перед входом стояла высокая трибуна, окруженная многочисленной толпой мужчин и женщин пенсионного возраста, державших в руках красные флаги с символикой КПРФ. На трибуне какой-то оратор с негодованием и пафосом обличал действующую власть, которая довела практически все население России до глубокой нищеты. А справа и слева от митингующих протянулись многочисленные цепочки, в которых сновали те самые обобранные до нитки жители России, заходившие на выставку с пустыми руками и возвращавшиеся с нее таща на себе телевизоры, двухкассетники и иную аппаратуру или бытовую технику.

Пока мне вспоминалась эта картина, поезд уже останавливался на станции «Комсомольская» и я, неторопливо пройдя по перрону и переходам, вышел к Казанскому вокзалу. Несмотря на позднее время, жизнь на привокзальной площади не затихала ни на минуту. Из киосков продолжала звучать знакомая музыка, трое милиционеров около киоска угощались чебуреками, запивая их растворимым кофе из пластиковых стаканчиков, кто-то из таксистов убеждал приехавшего пассажира, что если он не воспользуется услугами его машины, то ночевать бедолаге придется на вокзале, так как после полуночи весь транспорт в столице встает на прикол. Проходящие мимо москвичи саркастически ухмылялись, слыша это, и давали потенциальному пассажиру советы спуститься в метро и воспользоваться его услугами до часу ночи.

Ночью мне удалось хорошо выспаться, встать наутро в отличном настроении, принять контрастный душ и спуститься в бар, чтобы выпить кофе с бутербродами – после вчерашнего застолья аппетита не было совсем. Собравшись, я вышел из гостиницы и, доехав на метро до станции «Лубянка», зашел в книжный магазин, где примерно час бродил по залам, рассматривая издательские новинки. Озирая стеллажи, заполненные книгами – от классики до детективов и женских романов, мне сразу вспомнились студенческие годы и книжный развал около Дворца Молодежи, на котором в выходные можно было купить практически любую книгу, правда, очень недешево. Позднее, когда наш оперативный отряд привлекали к обеспечению порядка на различных торжественных мероприятиях, самой большой удачей для нас была возможность приобрести наборы книг, которые выделялись для продажи участникам мероприятия.

Ровно в полдень моя персона уже украшала своим присутствием вход в ресторан Центра международной торговли.

- Вас ждут? – задал свой неизменный вопрос метрдотель, внешним видом и манерами напоминающий дворецкого из старинного британского поместья (образ которого мне мог быть знаком только по советскому кинематографу).

- Надеюсь, - я внимательно осмотрел зал и, увидев в углу вчерашнего собеседника, приветливо машущего мне рукой, направился к нему.

- Добрый день, Сергей, - улыбаясь, поприветствовал он меня, - как вчера прошел фуршет? Много государственных тайн разгласили мои бывшие коллеги после употребления элитного алкоголя?

- Добрый день, - моя ответная улыбка была не менее жизнерадостной, - коллеги говорили много, пили еще больше, но полезной информации для ЦРУ ноль.

- Мастерство не пропьешь, - засмеялся Александр Николаевич, - старая школа, советская. Не чета нынешним.

- Держите меня, - он протянул мне толстую книгу в кожаном переплете, — я уже заказал, очередь за Вами. Контора берет на себя расходы, так что не стесняйтесь.

Я выбрал салат, медальоны из телятины и попросил принести минеральной воды.

- Ну что, начнем, пожалуй, - протянул Седой, поднимая бокал с красным вином, - насколько я в курсе, Вы достаточно равнодушны к спиртному, а мне, с Вашего позволения, выпала возможность насладиться бокалом Кьянти. Могу я задать Вам несколько вопросов перед тем, как мы перейдем к предмету нашей беседы?

- Разумеется, - ответил я, наливая в бокал минералку, - но прежде мне хотелось бы понять, кого Вы представляете, ибо Борис Игоревич высказался в отношении Вас весьма расплывчато.

- Прошу прощения, Сергей, что не представился ранее, - Седой достал из внутреннего кармана удостоверение и раскрыл его, - моя фамилия Григорьев Александр Николаевич, я полковник Федеральной службы безопасности, руководитель одного из подразделений центрального аппарата.

- Спасибо, понял, - я внимательно прочитал текст внутри удостоверения, - так что за вопросы, которые Вы хотели мне задать?

- Скажите, не обидно работать в охранном бизнесе, хотя мечтали служить в КГБ? Если вопрос некорректен, то заранее прошу прощения и не настаиваю на ответе.

- Скорее нет, чем да, - мой ответ прозвучал почти мгновенно, - хотите услышать честный ответ или вежливый?

- Конечно, честный, - не раздумывая, сказал Седой.

- Моей мечтой была служба в комитете государственной безопасности – организации, сотрудники которой считались элитой в стране. Для того, чтобы стать офицером, надо было пройти жесточайший отбор и потом, во время службы, соблюдать достаточно строгие правила. И если сравнивать спецслужбу времен СССР и нынешнюю, то сравнение явно не в пользу последней. Планка опустилась и достаточно низко, по сравнению с тем, что было раньше. Если интересно, - я немного замешкался, но потом продолжил, - могу привести пример, хотя вряд ли он будет приятным для Вас.

- Любопытно будет послушать, - Седой взял бокал и стал неторопливо потягивать вино.

Я рассказал ему, что недавно встречался с одним старшим офицером Средневолжского УФСБ, который просил проконсультировать его по вопросам частной охранной деятельности. Наша встреча проходила на вещевом рынке и почему потомок железного Феликса выбрал именно это место – было совершенно непонятно. Медленно прогуливаясь вдоль обувных рядов, мы подошли к одному из лотков с разложенными на нем образцами обуви и стоящим рядом продавцом среднеазиатской внешности. Подполковник спросил торговца из каких краев он родом, получил ответ, а затем взял с полки черные полуботинки и, покрутив их в руках, поинтересовался стоимостью. Услышав цифру пять тысяч, он пристально посмотрел в глаза собеседника и сообщил, что если последний не скинет для него цену до двух тысяч, то впереди обувного бизнесмена ждут большие проблемы. В качестве подтверждения серьезности своих намерений он достал из нагрудного кармана куртки удостоверение и, развернув, предъявил его

недоумевающему азиату. Меня словно ударило обухом по голове. Сразу вспомнились жесткие правила поведения в советские времена, которые устанавливались для сотрудников органов госбезопасности и серьезные наказания за их нарушение. Можно было получить выговор с занесением в личное дело, придя на службу с запахом алкоголя, употребленного накануне. А уж за подобные действия провинившийся гарантированно вылетел бы со службы без скидок на прошлые заслуги и родственные связи.

Когда мы вышли с рынка, я спросил подполковника – не боится ли он последствий за подобные действия. Его ответ меня просто потряс:

- Ты меня, видимо, за дурачка считаешь, - довольно хохотнув, ответил он, - я же ему удостоверение вверх ногами предъявил.

Седой застыл с бокалом вина в руках, ошарашенно глядя на меня.

- Вы это серьезно? – выдавил он из себя.

- Если бы мне кто-то об этом рассказал, - в моем голосе отчетливо прозвучало сочувствие, – никогда бы не поверил. Но тут, увы, не просто видел своими глазами, но и, практически, сам участвовал.

- Господи, куда мы катимся, - полковник поставил бокал на стол и прикрыл рукой глаза.

Седой еще немного помолчал, переваривая услышанное, а потом вернулся к нашему разговору.

- А насколько Вам комфортно в охранным бизнесе? – в его голосе зазвучала явная заинтересованность.

Беседа о состоянии охранным бизнеса в стране, о проблемах и достижениях продолжалась примерно полчаса. За это время мы успели расправиться с обедом и попросили официанта принести кофе.

- Сергей Владимирович, спасибо Вам за достаточно интересный и содержательный рассказ, - сказал Седой, внимательно рассматривая меня. – Теперь, позвольте, я перейду к основной теме нашей встречи. Однако, прежде чем приступить к ней, я вынужден просить Вас дать подписку о неразглашении сведений, которые станут Вам известными в результате этой беседы. Надеюсь, возражений нет? Тем более, насколько я в курсе, подобные документы Вы уже подписывали ранее.

- Без проблем, - ответил я, неторопливо отпивая из кофейной чашки ароматный напиток.

Седой достал из папки стандартный бланк, на котором мне пришлось поставить свою подпись, отметив про себя, что, несмотря на развал страны, смену власти и череду реорганизаций правоохранительных органов, содержание текста, отпечатанного на листе, практически не изменилось.

- Тогда я, пожалуй, начну, - полковник вытащил из кармана пачку «Мальборо» и, достав сигарету, прикурил от зажигалки, на которой я успел разглядеть золотую табличку и аббревиатуру ОКСВА², - как Вы правильно заметили, обстановка в стране за последние годы повлияла на состояние органов государственной безопасности явно не в лучшую сторону. К сожалению, наши возможности сильно уменьшились, и мы сегодня реально не в состоянии серьезно противостоять союзу криминальных структур и коррумпированных чиновников. Поэтому руководством службы в условиях строжайшей секретности был разработан проект создания Управления разработки специальных программ или, так называемого, Двадцатого управления. Его подразделения должны работать в регионах в условиях полной секретности под крышей коммерческих предприятий, спортивных клубов или общественных организаций.

Первая причина создания Управления – ограниченные легальные возможности нашей службы в настоящее время, вторая – крайне негативная ситуация с кадрами. Большое количество профессионалов ушло после череды реорганизаций, причем, к сожалению, некоторые из

² ОКСВА – ограниченный контингент советских войск в Афганистане

них перешли на так называемую «темную сторону» и стали работать против нас. Если раньше, как Вы справедливо заметили, органы КГБ считались элитой в государстве и для поступления на службу надо было пройти жесточайший отбор, то сейчас отбор сменился банальным набором, в органы стали попадать люди случайные, а иногда и специально внедренные нашими противниками. Да и не все оставшиеся выдержали испытание новыми временами – кто-то стал крышевать бизнес, а кто-то банально сливать информацию. При всем этом криминогенная ситуация в стране характеризуется словосочетанием «хуже некуда» - убийства, захваты заложников, киднэппинг, отъем бизнеса путем возбуждения сфальсифицированных уголовных дел и остальные приемы из арсенала дьявола. Все это уже реально угрожает национальной безопасности нашего государства.

Проект создания УРСП разрабатывался нами почти год, на сегодняшний день он согласован с высшим руководством страны, решен вопрос финансирования и запущен процесс формирования Управления. Одно из его подразделений будет дислоцироваться в Средневожске. Не буду ходить вокруг да около – в качестве одного из вариантов мы рассматриваем возможность его создания на базе Вашей организации и под Вашим руководством. Если Вы готовы дать принципиальное согласие, то мы перейдем к обсуждению технических вопросов. Предваряя Ваш возможный вопрос, сразу скажу, что это предложение отнюдь не импровизация, а результат более чем полугодового изучения и обсуждения Вашей кандидатуры самыми различными специалистами нашего Управления.

Чашка кофе замерла на полпути к столу, сказать, что я был ошарашен, значило не сказать ничего. Мне в голову не могло прийти, что разговор пойдет в таком направлении.

- Сколько у меня времени на размышление? – мой вопрос не вызвал у собеседника удивления.

- Желательно, чтобы Вы дали ответ не позднее завтрашнего дня, - ответил Седой, - если ответ будет отрицательный, то просто позвоните мне, и будем считать, что этого разговора не было. При этом Ваши обязательства по сохранению в тайне всего, что стало известно в результате нашего общения, остаются в силе. Если же ответ будет положительным, то мы договоримся о времени и месте новой встречи и перейдем к подробному обсуждению процесса.

- Можно задать Вам вопрос? - меня внезапно заинтересовал один аспект подобного предложения.

- Разумеется, - полковник с интересом посмотрел на меня, ожидая продолжения.

- Если я правильно понимаю, - начал я, - то этот разговор Вы проводите не в первый раз,

- Седой поощрительно кивнул, - а были ли случаи отказов от Вашего предложения и как они были мотивированы.

Григорьев довольно улыбнулся и показал большой палец.

- Если честно, - ответил он, - то Вы первый, кто задал мне такой вопрос. И мне нравится Ваш подход к принятию решений. Сразу скажу, что ни один из кандидатов, с которым мне приходилось вести подобные беседы, не отказался от нашего предложения. Но сразу хочу честно отметить, что это не результат моего красноречия и способности убеждать, хотя, наверное, и это играет какую-то роль. Главное – перед тем как сделать это предложение, мы очень долго и тщательно изучаем кандидатов, в том числе наши специалисты-психологи моделируют их поведение во время встречи и заранее дают процентную вероятность согласия или отказа. Если процент согласия менее 90, то беседа просто не состоится.

- То есть Вы заранее уверены в моем согласии?

- Мы очень рассчитываем на это, - серьезно ответил полковник, - но при этом с уважением отнесемся к любому Вашему решению, даже если оно будет отрицательным. И тут, - полковник хитро улыбнулся, - у Вас появится шанс стать первым кандидатом, в отношении которого наши высокопрофессиональные психологи ошиблись.

Обратный путь до гостиницы мне захотелось пройти пешком, чтобы привести мысли в порядок и обдумать все *pro et contra*³ поступившего предложения. Погруженный в свои размышления, я не заметил, как прошел Новый Арбат, свернул на Моховую и, только увидев перед собой Здание № 24⁴, остановился, рассматривая круг в центре площади, на которой еще несколько лет назад гордо стоял Дзержинский.

Мои мысли моментально переместились в 1991 год, и мне представилось, что чувствовали сотни сотрудников, находящихся внутри здания на Лубянке и наблюдавших из окон, как ошалевшая от безнаказанности толпа сносит памятник Дзержинскому и готовится к штурму. Поверить в небылицы, что это был порыв «народного гнева», стихийно овладевший массами, может лишь человек с очень невысокими умственными способностями. Добраться до архивов КГБ мечтали как представители иностранных разведок, которым очень нужны были списки советской агентуры в их странах, так и те «новоявленные демократы», которые давно сотрудничали с органами безопасности и до дрожи в коленках боялись обнародования этой информации. По словам очевидцев, находившихся в то время в Управлении, никакой паники и беспорядков внутри здания не было. Было только абсолютное непонимание, как вести себя, если толпа начнет штурм. Большинство сотрудников склонялось к решению о невозможности применения оружия против мирных жителей, хотя так назвать распаленную толпу было сложно. К счастью, в тот раз все завершилось относительно благополучно.

Вернувшись в гостиницу, я расположился на диване и продолжал размышлять, периодически поднимая глаза к работающему в беззвучном режиме телевизору, на экране которого демонстрировалось какое-то очередное шоу с участием политиков новой волны.

Распад Советского Союза автоматически повлек за собой развал всей правоохранительной системы. На высокие должности стали подбираться кандидаты по принципу личной преданности, а не профессионализма. Начальником одного из ключевых территориальных управлений КГБ СССР стал некий горный инженер, участник предвыборной кампании академика Сахарова, до этого момента трудившийся в должности научного сотрудника Института проблем комплексного освоения недр АН СССР. Через два года после своего назначения ему было присвоено воинское звание «генерал-майор». Учитывая, что предыдущая запись в его удостоверении личности офицера запаса была «старший лейтенант запаса», то такому карьерному росту могли позавидовать Юрий Гагарин и весь отряд космонавтов, вместе взятые.

Председателем КГБ СССР в 1991 году был назначен профессиональный инженер-строитель Бакатин, по мнению большинства чекистов, совершивший акт реального предательства интересов государства, заключавшийся в передаче американскому послу совершенно секретной документации об устройствах для негласного съема информации, смонтированных в новом здании американского посольства. Позже, в свое оправдание, Бакатин заявлял, что передача этой информации была чисто формальной, дескать, американцы и без этого выявили все эти устройства. При этом он скромно умалчивал, что роль данных устройств выполняли сами материалы, используемые для строительства и ремонта, и что данная технология их использования была советским ноу-хау, которое американцы раскрыть самостоятельно не смогли бы в течение длительного времени.

Одним из часто выступавших в различных телевизионных ток-шоу девяностых был отставной генерал разведки Калугин, в 1994 году выпустивший в Великобритании книгу с русским названием «Прощай, Лубянка», на страницах которой разгласил совершенно секретные сведения о методах деятельности советской разведки, а также дал описание ряда агентов, работавших на Первое главное управление, после чего их арест стал делом времени. В 1990

³ за и против (лат.)

⁴ В настоящее время входит в комплекс зданий Федеральной службы безопасности России на Лубянской площади, в начале улицы Большая Лубянка (дом 2). При этом сейчас основным зданием ФСБ является построенное в начале 1980-х годов административное здание серого цвета на противоположной стороне улицы (Большая Лубянка, дом 1/3).

году Указом Президента СССР Калугин был лишен всех званий и наград, но уже в 1991 – указом Президента России все награды и звания Калугину были возвращены, и он был назначен советником Председателя КГБ Бакатина.

На прилавки книжных магазинов хлынул поток лживой и низкопробной литературы, изображающей сотрудников государственной безопасности такими монстрами, способными лишь на то, чтобы среди ночи врывать в квартиры беззащитных граждан и отправлять их на расстрел. Много позже, когда этот националистический и псевдодемократический угар сойдет на нет, появятся действительно архивные и документальные материалы, в которых будет рассказано, что именно чекисты, стоявшие вместе с Дзержинским у истоков создания одной из самых сильных спецслужб мира, первыми подверглись репрессиям. Из двух десятков сотрудников, которые первыми были награждены знаком «Почетный чекист» сразу после его учреждения, 18 были расстреляны, и только двое впоследствии не были реабилитированы. Органы государственной безопасности подвергались нескольким волнам репрессий при Ягоде, Ежове, Бериин, старавшихся уничтожить остатки первых «солдат революции», заменив их на своих выкормышей.

Сотрудники КГБ СССР – в большинстве своем добросовестные и порядочные люди – в начале девяностых оказались виновны лишь в том, что честно служили и защищали свою страну, и за это подверглись массовому шельмованию, в одночасье превративших их из патриотов своей родины в палачей свободомыслия и демократии.

При этом никто из обличителей не задумывался всерьез, что партийные бонзы, реально стоявшие на вершине власти и отдававшие приказы органам МВД и КГБ, мгновенно перекрасились в «истинных демократов» и не только остались при занимаемых должностях, но и смогли многократно увеличить свое благосостояние. Никто не вспоминал, что без подобной спецслужбы невозможно существование любого, даже самого демократического государства.

Немногие из офицеров смогли выдержать этот прессинг, а также периодические реорганизации органов госбезопасности, при которых их выводили за штат и длительное время держали в подвешенном состоянии, не объявляя, будут ли они зачислены в ряды новой структуры. Чего стоил один только Указ Ельцина о создании Министерства безопасности и внутренних дел России (МБВД РФ), принятый, видимо, в похмельном бреду и слившийся в одну структуру милицию и госбезопасность. К счастью, эта организация просуществовала всего пару месяцев и решением Конституционного суда была объявлена нелегитимной.

Новоявленные демократы сделали все возможное, чтобы ослабить, а лучше полностью уничтожить систему государственной безопасности России, которая еще пыталась бороться с иностранной агентурой, противодействовать коррупции в органах власти, заниматься разработкой мер для борьбы с организованной преступностью.

Мне было понятно, что задача, поставленная перед вновь созданным Управлением, не просто является сверхсложной, но и неминуемо повлечет за собой противодействие тех сил, целями которых является упрочение своего политического и финансового положения, в том числе и за счет разрушения собственной страны.

Одним из доводов, способных повлиять на мое решение, было то, что если до этого момента я был относительно свободен в своих действиях, так как самостоятельно принимал все решения и планировал свою жизнь, то после перехода на службу моя свобода становилась очень ограниченной. Хотя обратной стороной этой самостоятельности была персональная ответственность за все, что происходило в моем бизнесе. Найти золотую середину, при которой я бы мог сам принимать все решения, но отвечать за них должен был кто-то другой, – пока не получалось.

Так и не приняв окончательного решения, я решил последовать народной мудрости «Утро вечера мудренее» и перебрался в кровать. Всю ночь снились какие-то отрывки из школьной и студенческой юности – выпускные экзамены, поездки в стройотряд, сплав на катама-

ране по весенним рекам. Короче – все, как у классика: «Всю ночь кошмары снились, то Вы – папенька, то Вы – маменька»

Утреннее пробуждение состоялось по сигналу будильника, после которого мне удалось подремать еще минут десять. Открыв глаза и вновь перебрав все плюсы и минусы вчерашнего предложения, я решил дать согласие, справедливо рассудив, что предложение интересное и не идет вразрез с моими планами и намерениями.

Мой звонок, совершенный после возвращения с завтрака, вызвал обрадованную реакцию Седого, которую он даже не пытался скрыть.

- Запоминайте адрес, - донеслось из трубки, - жду Вас к 12 часам, будьте готовы к тому, что наша встреча продлится пять-шесть часов.

- Мне надо что-то взять с собой? – спросил я.

- Нет, кроме паспорта, ничего брать не надо, - ответил полковник и, попрощавшись, положил трубку.

Покружив по переулкам в центре Москвы, я оказался перед двухэтажным зданием, на котором красовалась табличка «Управление военно-инженерной службы. В/ч 2462. Отдел комплектования». Потянув на себя ручку двери, я вошел в вестибюль и увидел застекленный КПП и прапорщика в камуфлированной форме с общевойсковыми эмблемами. Уточнив мою фамилию, он поднял трубку телефона и доложил о моем прибытии. Через несколько минут ко мне спустился лейтенант в такой же форме, забрал мой паспорт и зашел в одну из комнат первого этажа. Вернулся он буквально через пару минут, протянул мне паспорт с вложенным в него пропуском и проводил в приемную на втором этаже, попросив присесть и немного подождать, после чего скрылся за двустворчатой дубовой дверью с табличкой «Заместитель начальника Управления». Через несколько минут дверь отворилась, и вышедший в приемную лейтенант движением руки пригласил меня пройти в кабинет.

Кабинет оказался небольшим, но достаточно уютным, окна были закрыты жалюзи, в углу стоял мягкий угловой диван с кофейным столиком. За Т-образным столом сидели Седой и мужчина лет сорока пяти в темном костюме и светлой рубашке с темно-бордовым галстуком.

- Присаживайтесь, Сергей Владимирович, - предложил Седой, обменявшись со мной рукопожатием и показав на место напротив себя, – познакомьтесь, это Борис Петрович, начальник нашего кадрового подразделения.

Пожав протянутую руку, я устроился за столом и всем своим видом показал, что готов внимательно выслушать все, что мне скажут.

- Поговорим о целях и задачах, - начал полковник, - сразу хочу акцентировать Ваше внимание на том, что на наше Управление ни в коем случае не возлагается задача заниматься внесудебной ликвидацией криминальных авторитетов и коррумпированных чиновников, как это можно было бы вообразить.

- Особенно после прочтения таких шедевров, как «Аквариум», - кадровик саркастически улыбнулся, давая понять, как он относится к подобного рода «литературе».

Седой согласно кивнул головой и продолжил:

- Основная цель – сбор и анализ информации, а также принятие мер оперативного реагирования в тех ситуациях, когда возможности официальных правоохранительных структур не могут быть использованы в силу тех или иных причин. Основное условие работы – полная секретность и автономность нашей деятельности, независимость и неподконтрольность подразделений Управления местным органам власти и правоохранительным органам. Ориентировочная численность Средневолжского подразделения определена в 10–15 человек, штатное расписание и кадровый состав будут согласованы и утверждены в ближайшие два месяца, планируемое начало работы – 1 сентября текущего года.

Услышав дату начала работы, я сразу вспомнил школьные годы и знакомый алгоритм – за три месяца летних каникул надо отремонтировать школу, покрасить парты и к 1 сентября распахнуть двери для учеников.

- Наш распорядок работы мы построим следующим образом, - продолжил Григорьев, - сегодня обговорим подробности создания подразделения. Сразу хочу отметить, что от Вас мы ждем непосредственного участия в разработке процесса, так как для нас технические вопросы деятельности охранного предприятия, так сказать, «terra incognita»⁵, поэтому Вам и карты в руки. Завтра Вы целый день посвятите прохождению медицинской комиссии и оформлению необходимых документов в кадровом подразделении. Вопросы или возражения есть?

Вопросов, равно как и возражений, не имелось, и мы перешли к обсуждению модели создания подразделения на базе охранного предприятия.

- Как будет подбираться личный состав и на каких условиях он будет работать? – мой первый вопрос прозвучал вполне логично.

Седой переглянулся с кадровиком и едва заметно кивнул ему.

- Давайте начнем с условий нашего с Вами сотрудничества, - негромким голосом проговорил кадровик и продолжил, - насколько мне известно, после окончания военной кафедры института Вам присвоено воинское звание лейтенант. На сегодняшний день по данным Министерства обороны Вы являетесь старшим лейтенантом запаса, если я не ошибаюсь, уже много лет. Так?

- Так точно, - коротко доложил я.

- В течение месяца приказом командующего ПриВО Вам будет присвоено очередное воинское звание «капитан запаса». Через год-полтора после перехода на службу к нам Вам будет присвоено очередное воинское звание майор.

«Ух ты, какой бурный кадровый рост за столь короткое время, хотя... мои одноклассники уже давно стали майорами, а кто-то уже получил звание подполковника», - мне захотелось произнести это вслух, но пришлось сдержаться, продолжая внимательно слушать.

- После подписания приказа о зачислении в штат Вы будете получать денежное содержание из расчета воинского звания, должности начальника отделения центрального аппарата, доплаты за секретность и 100 % доплаты за особый режим работы. При этом заработная плата и остальные выплаты, получаемые Вами в охранном предприятии, также остаются у Вас. Стаж выслуги будет исчисляться из расчета три дня за четыре, а при участии в специальных мероприятиях – один день за два.

- Хочу сразу отметить, - вклинился полковник, - предпринимательская деятельность Вашего предприятия должна проводиться исключительно в соответствии с действующим законодательством. Я понимаю, что существует такое понятие, как коммерческий риск, но он не должен выходить за рамки закона. Мы попросили специалистов провести подробный мониторинг Вашей профессиональной деятельности и нас вполне удовлетворяет, как она выстроена.

- Далее, - продолжил Борис Петрович, - в отношении Ваших сотрудников будут действовать аналогичные условия службы.

- Но есть проблема, - задал Седой волновавший его вопрос, - как нам оформить группу в штат охранного предприятия, чтобы при этом они официально числились охранниками, но у них был свободный режим работы, позволяющий использовать их в наших интересах?

- При этом, - вклинился кадровик, - у них должна быть возможность постоянно поддерживать свой профессиональный уровень путем проведения тренировок и занятий.

- Скажите, пожалуйста, - немного подумав, мне пришлось ответить вопросом на вопрос, - у вашей службы наверняка есть хорошие оперативные позиции в крупных компаниях или банках?

⁵ «terra incognita» - неизвестная земля (лат.)

- Есть, - сразу ответил Седой, - а как это может помочь?

- Нам нужен крупный заказчик, готовый заключить с нашим предприятием долгосрочный договор на сопровождение грузов, документов или денежных средств в режиме абонентского обслуживания, то есть с ежемесячной оплатой и работой в режиме вызова. Данный договор позволит нам набрать группу, содержать ее, тренировать и использовать в случае необходимости под предлогом выполнения договорных обязательств.

- А почему компания должна быть крупной? – заинтересовался кадровик.

- В такой организации очень высокая степень бюрократии и данный договор можно легко скрыть в каком-нибудь Департаменте или филиале, а если компания будет московская или питерская, то проверить этот договор для местных правоохранителей будет весьма проблематично. Кроме того, в крупной компании объем нашего договора будет считаться незначительным и не вызовет никаких подозрений.

- Газпром подойдет? – сразу уточнил Седой. – Может есть смысл заключить договор на личную охрану кого-то из топ-менеджеров?

- Нет, - я отрицательно покачал головой, — это плохой вариант.

- Почему? – спросил кадровик, переглянувшись с Седым.

- По двум причинам, - мои собеседники внимательно слушали, делая какие-то пометки - первая заключается в том, что при осуществлении охраны жизни и здоровья охранник не имеет права использовать служебное оружие, поэтому оформление разрешений на его ношение сразу вызовет ненужные вопросы. Вторая причина в том, что подобные договоры, как и охранники, привлекаемые для их выполнения, являются предметом пристального внимания и контроля со стороны органов внутренних дел. А это, как я понимаю, не в наших интересах. Но вот предложение с Газпромом – это очень любопытный вариант.

Далее в течение нескольких часов мы продолжали выстраивать схему создания и функционирования подразделения, прерываясь на кофе с бутербродами, которые нам приносил уже знакомый мне лейтенант. Закончили, когда часы показывали начало десятого.

- Ну как Вам наш первый день? – поинтересовался Седой, когда мы выходили из кабинета.

- Интересно, - ответ прозвучал искренне.

- Ну и замечательно, тогда до завтра, - попрощался он, пожимая мне руку и, попросив лейтенанта проводить меня, продолжил что-то обсуждать с кадровиком.

Следующий день, как и планировалось, я провел, переходя от одного врача к другому и отвечая на десятки самых разнообразных вопросов. После обеда меня отвели в один из кабинетов и положили стопку бумаг, которую надо было просмотреть и заполнить. Если бы не помощь вчерашнего лейтенанта, то мне вряд ли удалось бы управиться до вечера.

Выйдя из здания, я с наслаждением вдохнул вечерний воздух и направился пешком в гостиницу. События последних двух дней переполняли мозг информацией. Кажется, моя жизнь сделала крутой поворот, и впереди меня ждала полная неопределенность в сочетании с интересными перспективами.

Три дня я проходил медицинскую комиссию и тестирования, заполнял бесчисленное количество анкет и проходил собеседования, а по их окончании удостоился аудиенции у начальника Управления. Рослый контр-адмирал, выйдя из-за стола, пожал мне руку и предложил присесть. Рядом со мной расположились Седой и кадровик.

- Ну что, Сергей Владимирович, после прохождения всех этих «кругов ада», - он усмехнулся, обратив взор на кадровика, - Ваше решение не поменялось?

- Никак нет, - я встал и вытянул руки по швам, что, видимо, должно было изобразить стойку «смирно», - наоборот, было очень интересно особенно, некоторые из собеседований.

- Ну и замечательно, - начальник Управления открыл папку с моим личным делом и махнул мне рукой, призывая садиться, - Александр Николаевич, - он обратился к Седому, - все дальнейшие действия Вы обговорили?

- Так точно, товарищ контр-адмирал, через две-три недели мы планируем закончить оформление и подготовить приказ.

На следующее утро мне в голову пришла мысль собрать вещи и отнести их в камеру хранения вокзала, а затем выписаться из гостиницы и до отхода поезда заняться своими делами. Взяв объемную спортивную сумку, нагруженную как личными вещами, так и покупками для друзей и родственников, портплед с костюмом, я вышел из гостиницы. Светило яркое солнце, людской поток неторопливо двигался из здания вокзала в метро и обратно, на углу стояли носильщики с традиционно хмурым и сосредоточенным видом.

Дождавшись, когда подойдет моя очередь, я протянул кладовщику сумку и портплед.

- Паспорт, пожалуйста, - обратился он ко мне.

- Секунду, - моя рука нырнула во внутренний карман куртки, но там было пусто. После недолгой проверки карманов, мне стало ясно, что бумажник с документами куда-то испарился. Бумажник был просто роскошный – из натуральной черной кожи, с отделением для денег, паспорта, водительского удостоверения и иных документов. В общем, если потеряешь, то можно смело начинать жизнь с нуля.

К счастью, служебное удостоверение с вложенным в него железнодорожным билетом было при мне, что давало мне шанс сдать вещи в камеру хранения и заняться текущими делами.

Через четыре часа я быстро забрал вещи из камеры хранения и направился к уже стоящему на пути пассажирскому составу. Так как правила указания в билетах фамилий пассажиров, равно как и проверки паспортов перед посадкой в России еще не ввели, то попасть в свой вагон мне не представляло особого труда. По пути я лихорадочно думал, кто и как может мне помочь в восстановлении документов.

За этими мыслями я незаметно дошагал до своего вагона, предъявил проводнице билет и прошел в двухместное купе. В нем уже находился какой-то жизнерадостный мужчина, раскладывавший вещи и что-то тихо напевавший. Я поздоровался, снял куртку и повесил ее на вешалку. Мрачно глядя на своего веселого попутчика, задвинул сумку с портпледом под полку и присел на свое место, продолжая размышлять о том, как с наименьшими потерями восстановить утраченное.

Поезд неслышно тронулся и, негромко стуча колесами на стыках, стал набирать скорость. В купе вошла проводница со своей кожаной папкой и попросила наши билеты. Я взял со стола билет и протянул ей. Бегло просмотрев, проводница свернула его, засунула в кармашек своей папки и повернулась к моему попутчику.

- Сейчас-сейчас, - пробормотал он, шаря по своим карманам, - я же предъявлял Вам билет при входе в вагон.

- Конечно, предъявляли, - вежливо согласилась проводница, - но мне теперь его надо взять, положить в папку и показать начальнику поезда, когда он придет с проверкой. Но Вы не суетитесь, - добавила она, доброжелательно глядя на него, - я пока пройду по другим купе и потом вернусь к Вам.

После этих слов мужчина еще интенсивнее продолжил поиски пропавшего билета: он выворачивал карманы, шарил в портфеле, но все было бесполезно.

- Ну что, - на пороге вновь возникла проводница, - нашли билет?

- Ну он же у меня был, - почти простонал попутчик, - Вы же сами его видели.

- Какая разница, видела я его или нет, - резонно заметила женщина, - через полчаса придет начальник поезда и что тогда? Короче, билет надо найти.

Далее поиски приняли какой-то хаотичный характер – мужчина понимал, что билет не может оказаться на дне чемодана, но все вещи из чемодана были вытряхнуты на полку и тща-

тельно осмотрены, такая же участь постигла дорожную сумку. К приходу начальника поезда купе напоминало караульное помещение махновцев после удачного налета на близлежащее село.

- Ну что там с Вашим билетом, - начальник поезда был вежлив, вальяжен и суров, - хочу предупредить, что, если билет не найдется, я буду вынужден, к моему глубокому сожалению, - он сделал скорбное лицо, как некий реверанс в адрес пассажиров вагона СВ, в котором простые граждане практически не попадались, - высадить Вас в Рязани.

Начальник поезда величественно удалился, и мужчина как-то сразу сник, как будто из него выпустили воздух. Он еще автоматически перебирал и оглядывал вещи, но мыслями уже был, видимо, в Рязани, где его должны были высадить из поезда.

Мне стало жалко попутчика, по сравнению с которым мои проблемы были просто детсадовскими шалостями.

- Знаете, - энергично проговорил я, пытаюсь его растормошить, - у меня дома такая же куртка, как у Вас, и там есть потайной внутренний карман – может, билет там?

Мужчина с надеждой схватил куртку, вывернул карман и вновь сник.

- Подождите, - мои попытки встряхнуть мужчину продолжились, - может, билет просто упал на пол и залетел под полку?

Через минуты обе полки были подняты, и пол под ними проверен вдоль и поперек. Неудачливый пассажир сел на свое место и впал в транс.

Тут вдруг меня пронзила догадка, от которой на лбу выступил холодный пот. Стараясь не привлекать внимание своего попутчика, я протянул руку к вешалке и залез во внутренний карман своей куртки. Нашупав внутри кармана какую-то сложенную бумагу, мне удалось незаметно вытащить ее и развернуть. Бросив взгляд на листок, лежавший в моей руке, я увидел свой билет. Позднее мне удалось сообразить, как все это получилось – мужчина, войдя в купе, положил свой билет на столик, но почему-то с моей стороны. Когда пришла проводница, я автоматически с края столика взял его билет и протянул ей. А мой билет преспокойно остался лежать во внутреннем кармане куртки.

- А я Ваш билет нашел, - сделав невинное лицо, сказал я попутчику.

Тот вначале даже не отреагировал, видимо, просто не поверив в это. Но потом резко дернулся и, увидев билет в моей руке, спросил:

- Где Вы его нашли?

- Да какая разница, - мое лицо приняло радостное и немного сконфуженное выражение, на которое мой визави, к счастью, не обратил внимание, - главное, что он нашелся. Сидите, я сам отнесу его проводнице и принесу Вам чай, чтобы Вы немного успокоились, - мой сочувственный тон пришелся как нельзя кстати, - это ж надо, как Вы перенервничали.

Уже поздно ночью, глядя на лицо умиротворенно спящего соседа, в мою голову пришла мысль – хорошо, что эта догадка осенила меня до прибытия в Рязань, а не после.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.